

**Александр
БРАСС**

ХРОНИКИ 1968 – 1995
ТАЙНОЙ ВОЙНЫ

Операции спецслужб Израиля
на Ближнем Востоке и в Европе

Александр Брасс

**Хроники тайной войны. 1968–1995.
Операции спецслужб Израиля
на Ближнем Востоке и в Европе**

«Русский фонд содействия образованию и науке»

2019

УДК 94(569.4)
ББК 63.3(5Изр)

Брасс А.

Хроники тайной войны. 1968–1995. Операции спецслужб Израиля на Ближнем Востоке и в Европе / А. Брасс — «Русский фонд содействия образованию и науке», 2019

ISBN 978-5-91244-256-8

В издании последовательно и исчерпывающе полно рассказывается история противостояния специальных служб Израиля самой страшной угрозе миру – терроризму. Автор – человек компетентный, с серьезным боевым опытом – не только описывает события, но и беспристрастно разбирает их, показывая как, невзирая на объективные трудности и подчас несогласованность действий военных и политических властей, от операции к операции рос профессионализм израильских спецподразделений, постепенно превращая их в одну из лучших спецслужб в мире.

УДК 94(569.4)

ББК 63.3(5Изр)

ISBN 978-5-91244-256-8

© Брасс А., 2019
© Русский фонд содействия
образованию и науке, 2019

Содержание

К читателям	6
Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	29
Глава четвертая	42
Глава пятая	53
Глава шестая	60
Глава седьмая	75
Глава восьмая	85
Глава девятая	93
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Александр Brass
Хроники тайной войны. 1968–
1995. Операции спецслужб Израиля
на Ближнем Востоке и в Европе

© Александр Brass, текст, 2019

© А.А. Кузьмин, оформление переплета, 2019

© Оформление, Русский фонд содействия образованию и науке, 2019

К читателям

Любое издание о работе специальных служб вызывает неподдельный интерес читателей, особенно если речь идет о специальных службах Израиля. Пограничные и не только конфликты стали нормой жизни этого небольшого молодого государства. Выражение «вся жизнь – борьба» могло бы стать символом Израиля.

Вообще говоря, о спецслужбах этой страны ходит много легенд, и особая ценность этого издания в том, что позволяет посмотреть на мир и складывающиеся обстоятельства глазами профессионала высокого уровня, который знаком с работой спецслужб не понаслышке.

Оставим в стороне политические аспекты. Для меня как представителя российских спецслужб важно только, эффективно или неэффективно работают специальные службы Израиля. По этому поводу иных мнений быть не может: они действуют так, как того требует оперативная обстановка.

Оставим за скобками формы и методы – в чем-то мы согласны с ними, в чем-то нет. Подчеркнем лишь, что спецслужбы Израиля стоят на защите целостности и суверенитета своего государства.

Краеугольный камень всех спецслужб мира – это борьба с распространением наркотиков, терроризмом и организованной преступностью. По этим вопросам у нас разногласий нет. Более того, во многом действия израильских коллег могут служить эталоном.

Так не будем отвлекаться на чтение реверансов. Погрузимся в повествование и вместе с автором пройдем через бури и грозы противостояния специальных служб Израиля самой страшной угрозе миру – терроризму.

Генерал армии, директор ФСБ России (1994–1996) Николай Ковалев

Кенбаеву Алтамысу Молдахметовичу

Крайне опасно и преступно даже на мгновение забывать, что дистанция между успехом и поражением в операциях подобного рода ничтожно мала, просто микроскопична...

Эхуд Барак, командир «Сайерет Маткаль» (1971–1973)

Глава первая

1968 год. Операция «Преподношение»

Мы просто не имеем права оставить эту террористическую вылазку без ответа!..

Леви Эшколь, премьер-министр Израиля

Пассажирский самолет французской авиакомпании Air France, прибывший из Бейрута 26 декабря 1968 года, в 11:30 совершил посадку в Афинском международном аэропорту. Никто не обратил особого внимания на двух молодых людей арабской внешности, вместе с остальными пассажирами спустившихся по трапу самолета. Как позже выяснилось, ими оказались боевики палестинской террористической организации НФОП¹, 19-летний Тахер Хусейн Ямани и 25-летний Махмуд Мхаммад Исса. В 1960-х годах, до начала массовой волны угона самолетов, на международных авиалиниях не производился досмотр пассажиров и их багажа, и молодые люди беспрепятственно прошли в зал ожидания, пряча под длинными куртками автоматы Калашникова. Устроившись в креслах, они поставили рядом с собой большие кожаные сумки, внутри которых под тонким слоем одежды были уложены ручные гранаты и запасные автоматные обоймы.

В это время в аэропорту готовился к вылету Boeing 707 израильской авиакомпании EL AL, следовавший рейсом № 253 Тель-Авив – Афины – Париж – Нью-Йорк. Согласно летному графику израильский авиалайнер должен был пробыть в Афинах не более часа, провести дозаправку и принять на борт дополнительных пассажиров, летящих в Париж. Дождавшись начала посадки, двое террористов присоединились к пассажирам и заняли места в автобусе, следующим к трапу самолета. Однако на этот раз в планы боевиков не входил угон самолета. Улучив удобный момент, они незаметно отделились от остальных пассажиров и укрылись возле машин технического обслуживания аэропорта.

Когда Boeing 707 стал выруливать на взлетно-посадочную полосу, террористы покинули временное укрытие и с расстояния 6 метров в упор принялись расстреливать самолет из автоматического оружия. На борту находилось 37 пассажиров и 11 членов экипажа. Одна из первых пуль, пробив иллюминатор, попала в голову 50-летнего морского инженера из Хайфы Лиона Ширдана. От полученного ранения он скончался практически мгновенно. Поняв, что на авиалайнер совершено террористическое нападение, израильские пилоты, вместо того чтобы заглушить двигатели, стали набирать обороты, стараясь вывести самолет из-под линии огня. Тогда один из террористов стал бросать ручные гранаты, одна из которых разорвалась прямо под крылом авиалайнера. Лишь по счастливой случайности топливные баки не воспламенились, огонь не только поглотил бы пассажиров и членов экипажа, но мог бы перекинуться на соседние гражданские самолеты, ожидавшие своей очереди на взлет.

Тем не менее один из двигателей всё же загорелся, и огонь с большой скоростью стал распространяться по фюзеляжу авиалайнера, угрожая в любой момент прорваться в пассажирский салон. Ситуация складывалась критическая. Решение необходимо было принимать не раздумывая. Желая высвободить пассажиров из огненной ловушки, 21-летняя бортпроводница Хана Шапиро взяла на себя инициативу и без приказа командира корабля открыла входной люк, попав прямо под автоматную очередь. Одна из пуль раздробила ей бедро, другая прошла навывлет через легкое. Спасаясь от огня, пассажиры, не дожидаясь прибытия трапа, прямо на ходу стали выпрыгивать на бетонную площадку, рискуя получить тяжкие увечья или попасть под

---

¹ НФОП – «Народный фронт освобождения Палестины». Подробно деятельность этой террористической организации описана в книге А. Брасса «Между Лениным и Арафатом».

шквальный огонь палестинских террористов. Лишь по счастливому стечению обстоятельств удалось избежать дополнительных жертв.

С начала атаки прошло не менее 20 минут. За это время террористы успели израсходовать практически весь боезапас, превратив израильский пассажирский самолет в большое решето. Как раз в этот момент на взлетное поле выбежали греческие полицейские. Как выяснилось потом, у них даже не было при себе оружия. Несмотря на это, они, рискуя своими жизнями, самоотверженно бросились на террористов. Один из них, 19-летний Тахер Хусейн Ямани, увидев приближающихся полицейских, сразу же выбросил автомат и, достав из-под куртки большой палестинский флаг, стал размахивать им, выкрикивая на арабском и английском пропагандистские и антиизраильские лозунги. Второй террорист, 25-летний Махмуд Мхаммад Исса, последовал примеру своего товарища и избавился от автомата. Высокий, очень сильный, во время ареста он оказал яростное сопротивление. Греческим стражам порядка пришлось в буквальном смысле повиснуть у него на руках и ногах, чтобы повалить на землю и сковать наручниками.

На допросе оба не только не отрицали своего членства в палестинской террористической организации «Народный фронт освобождения Палестины», но и вели себя развязно, с улыбкой рассказывая о деталях подготовки нападения. По большому счету террористам не было смысла скрывать свою принадлежность к экстремистской организации. Сразу же после этой бандитской вылазки представители НФОП выступили по двум арабским радиостанциям, вещавшим из Бейрута и Каира, взяв на себя ответственность за произошедшее в Афинском международном аэропорту. Угрожая целой волной терактов, они потребовали от греческих властей немедленно освободить захваченных боевиков и предоставить им возможность беспрепятственно покинуть страну.

Краткая справка

«Народный фронт освобождения Палестины» – НФОП был официально провозглашен в декабре 1967 года как леворадикальная марксистская военизированная организация, взявшая на вооружение «китайскую модель» марксистско-ленинской идеологии. В декабре 1967 года более мелкие организации («Юные мстители», «Герои возвращения» и «Фронт освобождения Палестины») объединились вокруг Жоржа Хабаша, создав, в противовес арафатовскому национально-буржуазному ФАТХ, «основную политическую организацию рабочего класса Палестины».

На первом же съезде НФОП его генеральным секретарем единогласно был избран доктор Жорж Хабаш – основной политический соперник Ясира Арафата.

В программе фронта один из главных пунктов гласит: «...Основной целью НФОП является освобождение всей Палестины и основание демократического социалистического палестинского государства...» НФОП последовательно выступает за создание независимого Палестинского государства и общеарабскую социалистическую революцию.

НФОП признан террористической организацией во многих странах мира, в частности в США, Канаде, ЕС, Великобритании, Иордании и Израиле. НФОП одним из первых стал использовать теракты с целью привлечения мирового сообщества к палестинской проблеме. Организация почти полностью состояла из арабов-христиан. Выделялась на фоне остальных палестинских террористических организаций крайним экстремизмом, высоким профессионализмом и масштабностью проводимых ею международных террористических операций, среди которых, безусловно, наиболее яркими и заметными стали захваты самолетов международных

авиалиний. На протяжении многих лет НФОП пользовался поддержкой Ливии, Сирии и Советского Союза, в частности КГБ СССР.

Несмотря на жесткое соперничество с ФАТХ, НФОП уже в 1970 году присоединился к Организации освобождения Палестины, став после ФАТХ второй наиболее крупной и влиятельной террористической организацией, входящей в ООП.

Казалось, теракт в международном аэропорту на некоторое время парализовал греческие власти. Никто не мог до этого момента предположить, что арабо-израильский конфликт выплеснется на территорию тихой благополучной Греции. Сразу после того как стало известно о нападении террористов на израильский пассажирский лайнер, для обеспечения безопасности иностранных граждан к району аэропорта были стянуты крупные силы армии и полиции. На место трагедии также выехали члены кабинета греческого правительства в полном составе, включая премьер-министра. Известие об очередном теракте затмило остальные новости. Резонанс в мире оказался настолько громким, что это не могло не вызвать восторга руководства НФОП. Именно такую цель они и преследовали, планируя нападение. Как позже вспоминала известная палестинская террористка Лейла Али Халед, таким способом НФОП пытался привлечь внимание мировой общественности к существованию палестинской проблемы.

В тот же день в кабинете премьер-министра Израиля Леви Эшколя состоялось экстренное совещание высших руководителей силовых структур. Премьер был в ярости. «Мы просто не имеем права оставить эту террористическую вылазку без ответа!» – заявил Эшколь. В сложившейся ситуации, по мнению премьер-министра, Израиль был просто обязан провести ответную показательную акцию устрашения.

Поскольку террористы, совершившие нападение на израильский пассажирский самолет, прибыли в Афины из Бейрута, в качестве одного из возможных вариантов было предложено высадить десант в Бейрутском международном аэропорту и провести показательную диверсию на глазах тысяч людей, находившихся в пассажирском терминале. Следует сказать, что высадка спецназа в Бейрутском международном аэропорту планировалась на протяжении последних шести месяцев. Идея такой операции возникла сразу после того, как 23 июля 1968 года группа палестинских террористов захватила в воздухе израильский пассажирский самолет авиакомпании EL AL и посадила его на территории Алжира ². Первоначальный план подразумевал только высадку спецназа и угон нескольких пассажирских самолетов арабских авиакомпаний. Однако события 26 декабря 1968 года внесли корректировку в акцию возмездия, существенно изменив планы израильского правительства. В тот же день на северной базе ВВС Израиля «Рамат-Давид» были сконцентрированы крупные силы ВДВ, готовые по первому приказу премьер-министра высадиться с вертолетов на территории Бейрутского международного аэропорта и уничтожить все находящиеся там пассажирские самолеты, принадлежащие арабским авиакомпаниям. Планирование и общее руководство операцией возмездия было возложено на командующего ВДВ Израиля бригадного генерала Рафаэля (Рафуля) Эйтана.

В четверг 26 декабря, во второй половине дня, Рафаэль вошел в канцелярию главы правительства, где, кроме самого премьера, его уже ожидали министр обороны Моше Даян, руководители спецслужб, а также начальник Генштаба генерал-лейтенант Хаим Бар-Лев и несколько силовых министров. На подготовку и осуществление карательной акции, получившей символическое кодовое название «Преподношение», отводилось не более 48 часов. Задача была поставлена предельно четко и жестко. Не позднее исхода субботы, то есть 28 декабря, Бейрутский международный аэропорт должен быть погребен под обломками арабских пассажирских самолетов. Вместе с тем, отметил Леви Эшколь, во время проведения диверсии ни при каких обстоятельствах не должны пострадать гражданские лица.

---

² Подробности этой операции рассказаны в главе двадцать первой.

Первым делом Рафаэль внимательно изучил аэрофотоснимки, а также побеседовал с людьми, которым неоднократно приходилось бывать в ливанском аэропорту, чтобы прояснить для себя общую картину. Аэропорт находился в двух километрах от ливанской столицы и на снимках, сделанных с большой высоты, походил на гигантские ножницы, почти вплотную упирающиеся в береговую линию. Две взлетно-посадочные полосы пересекались под острым углом, в центре которого был возведен огромный пассажирский терминал. На северо-западной и юго-восточной окраинах аэропорта располагались огромные ангары, ремонтные и технические сооружения. Выполнение задания несколько облегчалось тем, что Бейрутский международный аэропорт располагался в непосредственной близости от побережья Средиземного моря. Агентура «Моссада», действовавшая на территории Ливана, сообщала, что аэропорт охраняли 90 человек, несших службу в три смены. Из этого можно было заключить, что израильскому десанту будет противостоять не более 30 человек, вооруженных главным образом пистолетами. Основные силы армии и полиции были сосредоточены в самом Бейруте, однако на их вмешательство рассчитывать не приходилось, поскольку только на сборы им требовалось не менее получаса. Именно по этой причине всю операцию следовало провести за 30 минут. Гораздо большие опасения у Рафаэля Эйтана вызывали ливанские командос. Их казармы располагались в 3 километрах от аэропорта, в случае тревоги они могли прибыть на место в течение 5 минут. Что касалось ливанских ВВС, преимущество израильтян в воздухе было столь неоспоримым, что нападение с воздуха можно было проигнорировать и при разработке операции вообще не рассматривать в качестве серьезной угрозы.

Ближе к вечеру Эйтан отправился в аэропорт Лод, чтобы лично изучить конструкцию типов самолетов, находившихся в бейрутском аэропорту. После соответствующих консультаций со специалистами Эйтан решил, что к каждому самолету необходимо присоединить два взрывных устройства – одно под крылом самолета, возле бака с горючим, другое – у передних шасси. Рафаэль Эйтан хотел быть уверен, что каждый самолет, на который его бойцы потратят драгоценные минуты, будет уничтожен. Даже если повреждения от взрывов окажутся незначительными, учитывая размеры авиалайнеров, возгорание баков с горючим должно было довершить дело.

Суть операции «Преподношение» сводилась к тому, что три автономные группы из состава «Сайерет Маткаль»³ и спецназа 35-й бригады ВДВ высадятся со стороны моря на десантных вертолетах прямо на взлетно-посадочные полосы и начнут действовать на всей территории аэропорта.

На следующее утро бригадный генерал Эйтан прибыл в канцелярию главы правительства и лично изложил министру обороны Моше Даяну и премьер-министру Леви Эшколю план операции «Преподношение».

1. Весь аэропорт разделялся на три района действия: «западный сектор», «восточный сектор» и «центральный сектор», включающий в себя пассажирский терминал и технические здания. В каждом секторе должна была действовать группа спецназа, состоящая из 20–22 бойцов.

2. Отряд из 22 бойцов «Сайерет Маткаль» под командованием командира подразделения Узи Яири («группа Узи»), должен был высадиться с вертолета в северной части западной взлетно-посадочной полосы и уничтожить все самолеты арабских авиакомпаний, находящиеся в «западном секторе». После выполнения поставленной задачи «группа Узи» соединялась с основными силами воздушного десанта и выходила к точке эвакуации «Лондон», располагавшейся на пересечении двух взлетно-посадочных полос.

---

³ «Сайерет Маткаль» – спецподразделение Генерального штаба Армии обороны Израиля, подчиняющееся Управлению военной разведки АМАН.

3. Второй отряд из 20 бойцов «Сайерет Маткаль» под командованием заместителя командира подразделения майора Менахема Дигли («группа Дигли»), высаживался с вертолета в южной части посадочной площадки пассажирского терминала. Его задача – уничтожить все пассажирские самолеты арабских авиакомпаний, находящиеся перед пассажирским терминалом. После выполнения задания «группа Дигли» должна была отойти к точке общего сбора «Лондон» и занять оборонительные позиции вдоль береговой линии на случай вынужденной эвакуации морским путем.

4. Третий отряд из 22 бойцов спецназа 35-й воздушно-десантной бригады под командованием капитана Негби («группа Негби») должен был произвести высадку с вертолета в южном конце восточной взлетно-посадочной полосы и уничтожить все самолеты арабских авиакомпаний, находящиеся в «восточном секторе». После выполнения задания «группа Негби» отходила к точке общего сбора «Лондон».

5. Командиру отряда вертолетов подполковнику Элиэзеру (Чита) Коэну, находившемуся в легком вертолете вместе с врачом, офицером ВДВ, а также авиамехаником («группа Чита»), предписывалось с воздуха заблокировать все подходы к аэропорту с востока и севера.

6. Самолеты должны быть уничтожены приведением в действие двух взрывных устройств средней мощности, чтобы не поставить под угрозу силы десанта. Первое взрывное устройство планировали разместить на шасси, второе – на одном из крыльев самолета, возле баков с горючим. Не исключалась возможность уничтожения сразу нескольких самолетов одним более мощным взрывным устройством, при условии, что они оказались бы на достаточно близком расстоянии друг от друга. Взрывы могли быть произведены лишь при стопроцентной вероятности, что самолеты неарабских авиакомпаний не пострадают.

7. Предусматривалось три варианта отхода десанта, в зависимости от развития ситуации:

1) все группы после выполнения своей части операции выходили к точке «Лондон», где их ожидали три вертолета;

2) с точки «Рим», находившейся на побережье недалеко от аэропорта, отход должен был производиться на ракетных катерах ВМФ Израиля. В задачу «Шайетет-13», или «Тринадцатой эскадры»⁴, входило прикрытие основных сил десанта во время погрузки на ракетные катера;

3) с главной взлетно-посадочной полосы Бейрутского международного аэропорта, куда должны были приземлиться два военно-транспортных самолета ВВС Израиля.

8. В случае форс-мажорных обстоятельств, если во время проведения операции объединенный воздушный десант постигла бы катастрофа, для оказания помощи в районе аэропорта должен был высадиться отряд морских командос «Шайетет-13» или 36 бойцов пехотного полка, готовых к отправке на северной базе ВВС «Рамат-Давид».

9. С момента взлета первого вертолета и до посадки последнего на базу ВВС Израиля «Рамат-Давид» отводилось 30 минут.

10. Общее командование операцией осуществлялось передовым командным пунктом: командующий ВДВ Израиля бригадный генерал Рафаэль Эйтан, офицеры ВДВ и военной разведки, а также 12 бойцов спецназа ВДВ.

К вечеру 28 декабря 1968 года всё было готово к началу операции «Преподношение». Начало высадки спецназа в Бейрутском международном аэропорту назначили ровно на 22:00. Однако от ливанской агентуры «Моссада» поступило срочное донесение, заставившее командование пересмотреть сроки и начать операцию раньше на 45 минут. Агенты «Моссада», находившиеся в это время в пассажирском терминале, сообщали о том, что в 21:15 в ливанском аэропорту будет намного больше пассажирских самолетов арабских авиалиний. Если начать высадку не в 22:00, как планировалось изначально, а в 21:15, акция возмездия достигнет большего эффекта.

---

⁴ «Тринадцатая эскадра» – морские командос ВМС Израиля.

В 20:37 десантные и штурмовые вертолеты прикрытия поднялись в воздух с северной базы ВВС «Рамат-Давид» и двинулись в сторону моря. Пересекли Хайфский залив и резко повернули на север, в сторону Ливана. На высоте 800 метров, в 12 километрах от Рош-ха-Никра, вертолеты выстроились в боевой порядок. По мере приближения к ливанскому берегу вертолеты со спецназом снизились до 300 метров, стараясь избежать локаторов наземной диспетчерской службы.

Бейрутский международный аэропорт можно было видеть издалека. В свете прожекторов и сигнальных огней он сиял, словно огненный остров.

Перед высадкой спецназа начала действовать «группа Чита». На предельно низкой высоте в легком вертолете группа подполковника Коэна сделала два круга по периметру аэропорта, сбросив в общей сложности 95 дымовых и 20 сигнальных шашек. Поднялась настолько плотная стена дыма, что движение на некоторых участках было практически полностью парализовано. Затем вертолет «группы Чита» сбросил на трассу и дороги, ведущие в аэропорт, огромное количество гнутых гвоздей и пластиковых пакетов с жирным гелем. На дорогах тут же образовалась длинная автомобильная пробка. Около десятка машин, потеряв управление, столкнулись между собой, заблокировав основную магистраль и практически полностью парализовав автосообщение в районе аэропорта. В дополнение к этому вертолет «группы Чита» открыл предупредительный огонь по остальным машинам. Водители в панике разбежались.

Только после того как группа подполковника Элизера Коэна выполнила свою часть задания, был подан сигнал к началу высадки спецназа. Едва коснувшись взлетно-посадочной полосы, вертолеты вновь поднялись в воздух и, отлетев в сторону, замерли над морем, чтобы в нужный момент вернуться за спецназом.

Одним из первых в Бейрутском международном аэропорту высадился бригадный генерал Эйтан со своим полевым штабом. Командный пункт был устроен прямо в центре аэропорта, напротив пассажирского терминала, в здании, где разместилась пожарная часть и служба «скорой помощи» Красного Полумесяца. Перепуганному служебному персоналу было позволено подняться на второй этаж и наблюдать за тем, как группы спецназовцев хладнокровно уничтожают один за другим пассажирские самолеты.

«Группа Узи» во главе с командиром «Сайерет Маткаль» подполковником Узи Яири высадилась в северной точке «западного сектора» и сразу же обнаружила в конце взлетно-посадочной полосы три группы пассажирских самолетов. В первой, самой близкой, было три самолета, во второй – пять и в третьей, находившейся на приличном расстоянии от места высадки спецназа, находилось по меньшей мере три самолета, чью принадлежность из-за плотной завесы дыма было чрезвычайно сложно идентифицировать.

Первая группа пассажирских самолетов была уничтожена одним мощным зарядом, так как все три самолета располагались на достаточно близком расстоянии друг от друга. Затем «группа Узи» стала продвигаться в южном направлении по взлетно-посадочной полосе, методично взрывая встречающиеся на ее пути самолеты арабских авиалиний.

В самый разгар операции прямо на передовой отряд спецназа, откуда-то из плотной дымовой завесы, вылетел легковой автомобиль, по всей видимости, сбившийся с дороги. Не дожидаясь, пока автомобиль приблизится на опасное расстояние, подполковник Узи Яири, находившийся в головной группе, выбежал вперед и дал несколько предупредительных автоматных очередей. Лишь после этого машина резко развернулась и скрылась в дыму.

Откуда-то со стороны донеслись пулеметные очереди и спустя несколько секунд – грохот разрыва ракеты. Позже выяснилось, что к взлетно-посадочной полосе через поле попытался пробиться ливанский военный грузовик, в котором находилось не менее двух взводов солдат. Несмотря на предупредительные выстрелы вертолета, он продолжал движение в направлении «группы Узи». Только после того как по нему была выпущена ракета, грузовик загорелся и замер на месте.

Выполнив свою часть операции, оставив за своей спиной пылающие самолеты, подполковник Узи Яири отдал команду к отходу к точке общего сбора «Лондон».

Двадцать бойцов, входивших в состав «группы Дигли», высадились в «центральном секторе». Во главе отряда шел заместитель командира «Сайерет Маткаль» майор Менахем Дигли. Сразу после десантирования группа разделилась на несколько отделений и стала продвигаться в сторону пассажирского терминала. Посадочная площадка была хорошо освещена прожекторами, что создавало дополнительные сложности, бойцов было видно как на ладони. «Группа Дигли» без труда обнаружила четыре авиалайнера, готовые принять пассажиров. Относительно первых трех самолетов не возникало сомнений, все они принадлежали арабским авиакомпаниям. Что касалось четвертого самолета, то у майора Менахема Дигли не было стопроцентной уверенности, поскольку тот был развернут носом к наступающим спецназовцам. Так как самолет находился на большом расстоянии от «группы Дигли», майор принял решение оставить его нетронутым. В противном случае его группа рисковала не уложиться в 30 минут, отведенные на всю операцию.

Два самолета ливанской авиакомпании были взорваны одновременно. Затем минеры приступили к закладке взрывного устройства под третьим самолетом. Однако в тот момент, когда спецназовцы устанавливали последнее взрывное устройство под передние шасси, со стороны пассажирского терминала по ним был открыт плотный огонь из автоматов. Бойцы «Сайерет Маткаль» тут же залегли, растянувшись широкой цепью, и открыли ответный предупредительный огонь в сторону пассажирского терминала. Поскольку спецназовцам перед началом высадки были даны однозначные инструкции относительно гражданских лиц, огонь велся поверх здания. Но и эта условная мера возымела действие. Стрельба со стороны пассажирского терминала сразу же прекратилась.

После того как третий самолет был выведен из строя, «группа Дигли» отошла к точке общего сбора «Лондон», оставив за собой три гигантских пылающих «факела».

Последняя «группа Негби» высадилась в «восточном секторе» и стала продвигаться вдоль взлетно-посадочной полосы. Во главе отряда десантников, на расстоянии нескольких сот метров, шла разведгруппа, сообщавшая обо всех передвижениях, а также о четырех обнаруженных ею пассажирских самолетах с арабскими опознавательными знаками на бортах. Один из самолетов находился в большом крытом ангаре. Тут же было принято решение сразу уничтожить все четыре самолета. Однако, когда минеры стали закладывать взрывчатку, выяснилось, что в одном из самолетов находились пассажиры. Им было приказано немедленно покинуть самолет и удалиться на безопасное расстояние. Только после того как члены экипажа и пассажиры выполнили требование спецназовцев, капитан Негби отдал приказ привести в действие взрывные устройства и отойти к точке «Лондон».

Продвигаясь к месту общего сбора, группа десантников капитана Негби неожиданно наткнулась на огромный топливный резервуар. Поскольку уничтожение инфраструктуры аэропорта не входило в план операции, командир десантников запросил решение полевого штаба. После небольшой паузы поступил однозначный запрет на взрыв резервуара. Рядом, в нескольких сотнях метров, был пассажирский терминал, огонь мог перекинуться на здание, внутри которого находилось несколько тысяч гражданских лиц.

Ровно 29 минут прошло с начала высадки десанта. Операция возмездия под кодовым названием «Преподношение» была успешно завершена. Весь Бейрутский международный аэропорт был усыпан фрагментами пассажирских авиалайнеров и пылал гигантскими кострами.

В 21:47 на посадку зашел первый десантный вертолет. Последним, через 15 минут после начала отхода, ливанский аэропорт покинул вертолет с командующим ВДВ Израиля бригадным генералом Эйтаном.

Уже по дороге к северной границе Израиля он сообщил министру обороны Моше Даяну о 14 уничтоженных пассажирских самолетах арабских авиалиний. Только спустя несколько дней выяснилось, что бригадный генерал был неточен. Последний авиалайнер, находившийся в крытом ангаре, остался невредимым. Минеры «группы Негби» допустили техническую ошибку, из-за которой взрывные устройства, к великому счастью, не сработали. Внутри ангара нашли убежище многие пассажиры, и взрыв мог привести к страшной трагедии.

В результате высадки израильских спецназовцев в Бейрутском международном аэропорту было уничтожено 13 пассажирских самолетов, принадлежавших арабским авиакомпаниям. Общий ущерб от диверсии превысил 40 миллионов долларов США. Спустя некоторое время израильское правительство всё же согласилось выплатить авиакомпаниям компенсацию. Цель операции «Преподношение» состояла не в том, чтобы воевать с арабскими авиакомпаниями, а в *преподношении* болезненного наглядного урока арабским режимам, поддерживавшим и спонсировавшим палестинский терроризм, направленный против граждан Израиля.

На мой взгляд, операция «Преподношение» явилась не чем иным, как неприкрытым проявлением международного государственного терроризма. Высадку израильского спецназа в Бейрутском международном аэропорту резко осудило всё мировое сообщество. Следует отметить, что осуждение носило декларативный, формальный характер, поскольку разгул палестинского терроризма с каждым месяцем всё больше сказывался на международной системе авиасообщений. Все прекрасно понимали, что эта вылазка была вынужденным шагом, вместе с тем ни одно государство не может опуститься до уровня бандитов и позволить себе использовать их же методы. Одно дело, когда удар наносится непосредственно по террористам, другое дело, когда третьи лица, в данном случае арабские авиакомпании, становятся заложниками борьбы с терроризмом.

Глава вторая

1969 год. Операция «Страсть-6»

Перед высадкой были такие, кто думал, что операции такого рода возможны только в кино. По окончании операции мы чувствовали, что достигли некоего предела. Это одноразовая операция, которую больше не удастся повторить.

Дов Бар, капитан «Шайетет-13»

Президент Египта Гамаль Абдель Насер, выступая по каирскому телевидению 8 марта 1969 года, заявил о том, что Египет в одностороннем порядке выходит из соглашения о прекращении огня. Осознав, что никакое международное давление не заставит Израиль уйти с Синайского полуострова, египетское руководство вновь решило прибегнуть к затяжным военным действиям, рассчитывая измотать израильтян. Поскольку сил, чтобы вытеснить израильскую армию из Синая, у Насера не было, он превратил войну на истощение⁵ в главную доктрину своей политики.

Сразу же после заявления президента Насера египетская артиллерия подвергла массированному обстрелу позиции Армии обороны Израиля вдоль всего Суэцкого канала. В качестве ответной меры израильская авиация уже в первый день конфликта сделала несколько десятков боевых вылетов, нанеся ракетно-бомбовые удары по стратегическим объектам, расположенным на египетской стороне канала. 9 марта 1969 года прямым попаданием артиллерийского снаряда был убит друг Насера, начальник Генерального штаба египетской армии Абдул Мунаим Риад. Президент Насер поклялся отомстить за смерть Риادا. Последующие две недели египетская артиллерия ни на час не прекращала обстрел позиции израильской армии на всем участке египетско-израильской границы. ВВС Израиля, в свою очередь, нанесли удар по нефтехранилищам, расположенным на египетской стороне Суэцкого канала, а также по городам Исмаилия и Суэц. Господство Израиля в воздухе уже не было столь очевидным после того, как Советский Союз поставил в Египет ракеты класса «земля – воздух» и взял на себя обязательство обороны воздушного пространства вдоль Суэцкого канала и Каира. Чтобы убедить президента Насера, что эскалация военных действий более опасна для Египта, чем для Израиля, следовало расширить ответные операции возмездия проведением точечных диверсионных вылазок на территории Египта. Неоднократно спецподразделения израильской армии устраивали засады в районе Суэцкого залива, разрушали мосты, совершали нападения на египетские военные лагеря, расположенные в верхней долине Нила.

Отряд спецназа 35-й бригады ВДВ Израиля высадился 29 июня 1969 года в районе Наджи-Хамади. В считанные минуты десантники уничтожили трансформаторную подстанцию и заложили мощные взрывные устройства под 40-метровыми столбами линии высоковольтной передачи, тем самым лишив столицу Египта подачи электроэнергии.

Спустя несколько дней это же подразделение израильского спецназа совершило еще одну успешную вылазку на территории Египта. В ночь со 2 на 3 июля несколько десантных вертолетов приземлились на побережье Суэцкого залива, в 120 километрах от города Суэц. На этот раз их целью были три пограничных опорных пункта египтян, в каждом из которых, по информации АМАН⁶, находилось не более 15 пограничников. Минометный обстрел застал врас-

---

⁵ Нередко войну на истощение называют Тысячедневной войной, поскольку она длилась ровно тысячу дней, с окончания Шестидневной войны по 7 августа 1970 года, когда было подписано соглашение о прекращении огня. Подробнее об этой войне рассказано в следующей главе.

⁶ АМАН – структурное подразделение Генерального штаба Армии обороны Израиля, осуществляющее функции централь-

плох египетских солдат, они в панике побросали оружие и, воспользовавшись темным временем суток, разбежались, найдя убежище в пустыне. Только в одном опорном пункте египтяне попытались оказать сопротивление, которое сразу же было подавлено. Прежде чем противник успел оправиться от шока, десантное спецподразделение вернулось домой на вертолетах, оставив 13 трупов египетских солдат, захватив с собой одного пленного, брошенное оружие и важные документы.

На этот раз вылазка израильских спецназовцев стала настоящей пощечиной, нанесенной Насеру на глазах всего египетского общества. Последующие сутки по всей линии Суэцкого канала египетская артиллерия ни на минуту не прекращала обстрел израильских позиций, который не мог нанести ощутимого урона и более всего походил на бессильный шаг отчаяния. Боевой дух египетской армии был окончательно сломлен. Именно по этой причине президент Гамаль Абдель Насер приказал в чрезвычайно сжатые сроки подготовить и провести спецоперацию на территории Израиля. Она должна была превратиться в показательную политическую акцию, призванную вернуть веру египетской армии в саму себя и в проводимую Насером доктрину войны на истощение врага.

Днем в пятницу, 9 июля 1969 года, египетская артиллерия открыла шквальный огонь по позициям израильской армии по всей линии Суэцкого канала. Снаряды ложились настолько плотно, что найти спасение от них можно было только в глубоких железобетонных бункерах. Всё, что находилось на поверхности, буквально перепыхивалось осколками. В 19:30 рота египетских командос численностью 100 человек, воспользовавшись артиллерийским прикрытием, вышла из Порт-Тауфик и на резиновых лодках переправилась на израильскую сторону. Это была первая за всё время войны попытка египтян прорваться на израильские позиции в светлое время суток.

Высадившись на израильском берегу, египетские командос разделились на несколько групп и атаковали танковый парк, находившийся за пределами опорного пункта. В течение первых же минут боя египтяне уничтожили два израильских танка вместе с их экипажами. Один из танкистов смог выбраться из горящей машины, но тут же был взят в плен.

Поскольку египетская артиллерия лишь на короткое время предоставила своим командос узкий коридор, чтобы они могли провести высадку, израильские солдаты, находившиеся в бункерах, не сразу поняли, что танковый парк подвергся нападению. Только после того как египтяне попытались прорваться на территорию опорного пункта, израильтяне ответили огнем и перешли в контратаку, заставив противника отойти на другую сторону Суэцкого канала.

В результате дерзкой вылазки было уничтожено два танка, восемь израильских солдат погибло и девять получили ранения различной степени тяжести. Один из танкистов попал в плен. Его труп спустя несколько дней был возвращен израильской стороне.

По каирскому телевидению передавались совершенно иные, намного завышенные данные, явно преувеличивающие последствия операции. Согласно официальному сообщению отряд командос овладел израильским опорным пунктом и удерживал его в течение часа, уничтожил пять танков и 40 израильских солдат.

Прежде чем отступить в Порт-Тауфик, командос установили в районе своей высадки два египетских флага. Поскольку берег простреливался со всех сторон, египетские флаги развевались у всех на виду в течение двух дней. Два дня египетское телевидение не прекращало транслировать эти кадры на весь мир, что явилось прекрасным пропагандистским символом, рассчитанным в первую очередь на внутренний египетский политический рынок. Несмотря на то что потери израильской стороны были относительно незначительными, во всяком случае, они никоим образом не могли хоть как-то изменить стратегическую ситуацию в районе Суэцкого канала, политическая победа Насера была неоспорима. Это понимали и в Иерусалиме.

Крайне сложная внутривосточная ситуация в стране и мире не позволяла мобилизовать армию для широкомасштабных военных действий. Именно по этой причине министр обороны Моше Даян приказал начальнику Генштаба генерал-лейтенанту Хаиму Бар-Леву немедленно подготовить дерзкую точечную спецоперацию, которая потрясла бы моральный дух египетских вооруженных сил.

В качестве объекта для нападения был предложен египетский остров-крепость Грин, расположенный в северной части залива Суэц. Этот небольшой скалистый остров длиной 145 метров и шириной 65 метров был буквально весь залит бетоном и, словно подушечка для иголок, утыкан зенитными гнездами и пулеметными точками. Построенная в начале XX века британцами на коралловых рифах крепость полностью контролировала южные ворота Суэцкого канала. В крепости находились радарная установка и зенитная батарея, а также гарнизон в составе 75 солдат и офицеров. Еще в начале войны на истощение Генеральный штаб Армии обороны Израиля планировал провести ночную высадку на острове Грин силами «Шайетет-13», «Сайерет Маткаль» и спецназа 35-й бригады ВДВ, но при более детальном изучении от этого замысла пришлось отказаться. Достичь острова можно было только морским путем на десантных резиновых лодках. Выйдя в Суэцкий залив, десантники оказывались совершенно незащищенными перед огнем береговой артиллерии, контролировавшей все подступы к острову-крепости. Высадить десант с воздуха также не представлялось возможным. Десантные самолеты были бы уничтожены зенитной батареей, еще не достигнув места высадки. Площадь острова не превышала одного квадратного километра, и большая часть десанта оказалась бы в воде.

Однако 11 июля 1969 года, спустя пару дней после успешной операции египетских командос, командир «Шайетет-13» подполковник Зеэв Альмог вновь предложил начальнику Генштаба Бар-Леву атаковать гарнизон острова-крепости Грин. Несмотря на всю безумность операции, подполковник Альмог считал, что его морские командос вполне могут справиться с этой задачей, если попытаться достигнуть остров под водой. Радарная установка гарнизона острова Грин доставляла массу неприятностей ВВС Израиля в районе Суэцкого залива, поэтому, ознакомившись с доводами командира «Шайетет-13», генерал-лейтенант Хаим Бар-Лев дал разрешение на проведение операции там, где египтяне чувствовали себя наиболее уверенно.

По мнению израильского военного командования, уничтожение гарнизона острова-крепости Грин не только значительно облегчило бы жизнь израильских летчиков, но и нанесло бы тяжелый удар по боевому духу египтян, доказав, что израильтяне способны провести диверсионную операцию против любого объекта, как бы сильно укреплен он ни был. С другой стороны, это положительно сказалось бы на морально-психологическом состоянии самого израильского общества, испытавшего глубокую травму из-за больших людских потерь в районе Суэцкого канала с начала войны на истощение.

Военная разведка АМАН сообщала, что на острове установлены четыре зенитных орудия 85 мм, два зенитных орудия 37 мм. Защищенные мощными бетонными дотами, они были способны выдержать любой авианалет. Подступы к острову простреливали 14 тяжелых пулеметов, укрытых за узкими бойницами по всему периметру крепостной стены, высота которой достигала 2,5 метра. В северной части крепости на отдельной скале, соединенной с крепостью бетонным мостом, возвышалась 5-метровая башня, в которой был укрыт радар ПВО и две ракетные установки 130 мм, радиус действия которых позволял достигать любой воздушной цели на всей территории Суэцкого залива. С южной стороны острова была устроена небольшая искусственная гавань для приема легких катеров. Весь объект был обнесен тремя радами колючей проволоки, а также острыми металлическими ограждениями, скрытыми под водой, не позволявшими боевым пловцам незаметно достичь коралловых рифов.

Изначально в борьбу за право совершить ночной налет на остров-крепость Грин вступили два элитных спецподразделения Израиля – «Сайерет Маткаль» и «Шайетет-13». Командир

«Сайерет Маткаль» подполковник Менахем Дигли считал, что функции «Шайетет-13» должны ограничиваться только морской разведкой и сопровождением десанта к месту высадки. В свою очередь, командир морских командос подполковник Зеэв Альмог был возмущен столь пренебрежительным отношением к своему подразделению и даже обратился с официальной жалобой к начальнику Генерального штаба. Отношения между двумя спецподразделениями в те годы были крайне напряженными, что усугублялось взаимной антипатией обоих командиров. Однако высадку было решено провести совместными силами «Шайетет-13» и «Сайерет Маткаль», поскольку для захвата острова Грин требовалось не менее 40 высококвалифицированных бойцов, а в личном составе морских командос и спецназа Генштаба оставалось примерно по 30 человек после потерь в Шестидневной войне и бесконечных спецоперациях. Только действуя сообща, они могли предоставить 40 опытных бойцов. Чтобы разрешить возникшую внутреннюю проблему и положить конец раздору, начальник Генерального штаба Хаим Бар-Лев возложил общее руководство операцией на бригадного генерала Рафаэля Эйтана. Несмотря на протесты подполковника Менахема Дигли, командование высадкой было поручено подполковнику Зеэву Альмогу. Еще в апреле 1969 года с разведывательной миссией к острову-крепости Грин было направлено специальное подводное средство, которое морские командос прозвали «Хазир»⁷ и использовали для транспортировки боевых пловцов на большие расстояния. Они исследовали подводные течения в районе объекта, глубину и морское дно на подступах к коралловому острову, а также систему охраны. Ознакомившись с разведанными, подполковник Зеэв Альмог пришел к выводу, что к острову можно приблизиться незаметно только под водой. Однако от этой идеи чуть было не отказались. Во время подводных учений возникли неожиданные осложнения. Чтобы внезапно и успешно атаковать остров-крепость, следовало одновременно доставить к объекту нападения большой отряд подводников. А это значило, что около десятка подводных катеров должны были ночью, в непроглядной мгле, практически на ощупь выдерживать строй, чтобы одновременно выйти на объект. Ранее боевым пловцам приходилось нырять только с личным оружием и относительно небольшим количеством взрывчатки. Во время операции пришлось бы тащить на себе не только легкое стрелковое оружие, но и штурмовые лестницы, гранатометы, пулеметы, средства связи и огромное количество боеприпасов. Тогда эта проблема так и не была решена, идею высадки на острове Грин признали слишком «уязвимой» и более не рассматривали Генштабом.

Однако 11 июля 1969 года, после дерзкой вылазки египетских командос, подполковник Зеэв Альмог вновь выдвинул свой план нападения на остров Грин, который и лег в основу операции, получившей название «Страсть-6». Поскольку большими силами десанта, половина которого не имела подводной подготовки, невозможно незаметно приблизиться к острову-крепости Грин, следовало провести атаку в две волны. На первом этапе к острову должны были подойти три подводных средства «Хазир» с боевыми пловцами на борту, которые захватят одну из частей крепостной стены, чтобы позволить основным силам десанта произвести подводную высадку с резиновых лодок. Параллельно с первой волной к острову подойдет еще один «Хазир» с отделением морских командос «Шайетет-13» на борту. Они высадутся на небольшом (4 × 4 метра) бетонном кубе, возвышающемся на 2,5 метра над водой, в непосредственной близости от южной крепостной стены, чтобы в случае необходимости огнем пулеметов и гранатометов обеспечить прикрытие первой волне десанта. На втором этапе операции 20 бойцов «Сайерет Маткаль» на резиновых лодках в сопровождении морских командос подойдут к острову с северной стороны, используя крепость как естественное прикрытие от египетской береговой артиллерии. Они проведут зачистку острова Грин и уничтожат ракетные пусковые установки, радар и зенитные точки, а также перед отходом основных сил десанта установят под

---

⁷ *Хазир* – свинья, кабан (*ивр.*). Этот подводный катер получил такое прозвище, поскольку, как кабан, на скорости может развернуться только по большому радиусу.

мостом и у южной крепостной стены два катера, начиненных большим количеством взрывчатки.

Невзирая на чрезвычайно сжатые сроки, недалеко от базы «Шайетет-13» была выстроена точная копия крепости Грин. За время, отведенное Генштабом на подготовку операции, предстояло разрешить две основные проблемы, возникшие еще в апреле.

Подводным катерам никак не удавалось синхронно подойти к острову. Более того, из-за полного отсутствия видимости морские командос рисковали разбиться о прибрежные коралловые рифы, которые практически невозможно было различить в темной воде на большой глубине. После нескольких неудачных попыток было решено окончательно отказаться от подводных катеров и достигнуть острова вплавь, поддерживая связь между бойцами неожиданно простым способом – через обычный длинный канат. Этот вариант нельзя было назвать самым оптимальным, так как на него затрачивалось существенно больше времени, к тому же пловцы были вынуждены тащить на себе несколько десятков килограммов оружия, боеприпасов и спецсредств. Как обычно, чтобы компенсировать недостаток отведенного на подготовку времени, не оставалось ничего иного, как использовать выносливость морских командос.

Вторая проблема состояла в том, что бойцам «Шайетет-13» никогда прежде не приходилось вступать в бой на суше. Как правило, они вели прибрежную разведку, сопровождали другие элитные подразделения или осуществляли морские диверсии. В этот раз требовалось изолировать от проникновения воды оружие и боеприпасы таким образом, чтобы в случае необходимости их можно было бы мгновенно извлечь из нейлоновых «футляров».

Что касалось спецназа Генштаба, то макет крепости оказался совершенно бесполезным для бойцов «Сайерет Маткаль», на плечи которых ложилась основная тяжесть боя. Никто не имел ни малейшего представления о внутренней планировке помещений. По этой причине подполковник Менахем Дигли решил проводить учения отдельно от «Шайетет-13», в одном из железобетонных фортов, сохранившихся на севере Израиля в районе иорданской границы со времен Британского мандата ⁸, а ныне используемых в качестве полицейских участков. Поскольку египетская крепость Грин возводилась в 20-е годы, были все основания полагать, что ее внутренняя планировка принципиально не отличалась от британского форта, построенного в те же годы в подмандатной Палестине. Британские военные строители не были склонны к разнообразию, чем и решил воспользоваться командир «Сайерет Маткаль».

Окончательные сроки проведения операции «Страсть-6» были определены в среду 14 июля. Приказ звучал буквально так: «...Уничтожение сил противника на острове Грин и разрушение укрепрайона...» Высадку десанта было решено провести в ночь с 19 на 20 июля 1969 года, не позднее 01:30. На всю операцию отводилось не более часа. До 02:30 спецназовцы должны были зачистить всю территорию острова-крепости Грин, по возможности захватить пленных, уничтожить зенитные точки, ракетные установки, радар ПВО, а также причинить невозможные разрушения крепости и радарной башне.

Прежде чем дать разрешение на начало высадки десанта, начальник Генерального штаба генерал-лейтенант Хаим Бар-Лев внес существенные изменения в первоначальный план с учетом сложностей, возникших в процессе подготовки штурмовых групп. Вторая волна десанта должна была подойти к острову только после того, как морские командос подполковника Альмога возьмут под свой полный контроль всю северную часть крепости, включая радарную башню. Особое внимание генерал-лейтенант уделил неизбежным потерям среди личного состава штурмовых групп. Учитывая исключительную сложность операции, Хаим Бар-Лев

---

⁸ *Британский мандат* в Палестине (Британская подмандатная Палестина) (1922-1948) – в результате распада Османской империи на Ближнем Востоке был установлен режим управления Великобританией по мандату Лиги Наций. Официально утвержден Советом Лиги Наций 24 июля 1922 года. Дополнен Трансиорданским меморандумом от 16 сентября 1922 года. Вступил в силу после ратификации Лозаннского мирного договора 29 сентября 1923 года. Действие мандата завершилось 14 мая 1948 года.

отдал недвусмысленный приказ – не ввязываться в затяжной ночной бой. Вся крепость должна быть взята одним ударом. В случае если египетский гарнизон окажет отчаянное сопротивление, командующий операцией бригадный генерал Рафаэль Эйтан незамедлительно должен отдать приказ к немедленному отходу.

Оставшиеся до высадки пять дней были посвящены главным образом отработке деталей, а также сбору и пополнению разведывательной информации. Самолеты-шпионы ВВС Израиля не прекращали совершать полеты на большой высоте над территорией Суэцкого залива, фиксируя любые, даже самые незначительные перемещения противника.

Так, во время наблюдения за гарнизоном острова Грин у северо-западной крепостной стены боевыми пловцами были замечены несколько египетских солдат, спустившихся к самой кромке воды. В течение четверти часа они выгружали какие-то ящики из подошедшей моторной лодки. Можно было заключить, что в этом месте был разрыв колючей проволоки, позволявший беспрепятственно приблизиться к крепостным стенам, не тратя драгоценного времени на рубку проволочных заграждений.

Во главе первой волны десанта встал начальник курса морских командос капитан Дов Бар. Он имел за своими плечами необходимый опыт проведения подобного рода вылазок, к тому же прекрасно ориентировался под водой в условиях минимальной видимости. И командир «Шайетет-13» подполковник Альмог настоял на том, чтобы именно капитану Дов Бару доверили вести за собой передовой штурмовой отряд.

Первая волна десанта состояла из четырех групп по пять человек: трех бойцов старшего сержантского состава и двух офицеров, – в общей сложности 20 боевых пловцов, которым любой ценой предстояло захватить плацдарм для высадки «Сайерет Маткаль» и резервной группы «Шайетет-13». Девяносто процентов успеха операции зависело именно от того, смогут ли морские командос незаметно приблизиться к острову, закрепиться в северной части крепости и дожидаться подхода основных сил.

Первая группа под командованием старшего лейтенанта Илана Эгози должна была отыскать брешь в колючей проволоке, о которой сообщали разведчики, или незаметно перерезать ее у северной стены. Вторая группа, которой командовал сам капитан Дов Бар, с помощью специальных канатов с крюками должна была забраться на крепостную стену и закрепиться на крыше, чтобы прикрыть плацдарм высадки второй волны десанта. Поскольку радарная башня возвышалась над остальной частью крепости, она представляла для десанта особую опасность. Третьей группе под командованием старшего лейтенанта Гади Кароля, было приказано в первые же минуты высадки сосредоточиться исключительно на башне и закидать ее ручными гранатами, прежде чем пулеметчики откроют огонь. На четвертую группу, которую вел капитан Амнон Софер, возлагалась самая трудная задача: проникнуть внутрь крепости и ликвидировать египетских солдат, находящихся в спальнях помещений северной части острова. Так как никто не знал внутреннее расположение гарнизона, группе капитана Софера приходилось действовать буквально на ощупь, опираясь только на собственную интуицию и опыт.

Морские командос прекрасно понимали, что в случае раннего обнаружения противником их ожидала неминуемая смерть или, что еще ужаснее, египетский плен. Бригадный генерал Рафаэль Эйтан особенно подчеркнул, что, если «Сайерет Маткаль» по какой-либо причине не сможет подойти к острову, морские командос должны сражаться до конца, отходить было совершенно бессмысленно, так как в воде они представляли собой легкодоступную мишень для египтян. В воде несколько брошенных ручных гранат взрывной волной непременно разорвали бы легкие аквалангистов.

Ровно в 20:30 19 июля 1969 года сводный штурмовой отряд, сформированный из бойцов «Шайетет-13» и «Сайерет Маткаль», на резиновых лодках класса «Марк-6»⁹ вышел из Рас-

---

⁹ «Марк-6» – 1-двигательная 6-местная десантная резиновая лодка, развивающая скорость до 20 узлов.

Суда к бую в центре залива, который служил исходной точкой. В это же время из Рас-Судара в направлении острова Грин вышел подводный катер класса «Хазир», на борту которого разместились несколько морских командос из группы прикрытия.

Чтобы не поднимать лишнего шума, приходилось двигаться с минимальной скоростью. На расстояние, которое в обычных условиях преодолевают минут за 15–20, было затрачено около двух часов.

Примерно в 22:20 лодки с первой волной десанта отделились от буя и стали выдвигаться к точке погружения, обозначенной на карте в 900 метрах от острова Грин. Спустившись с лодок, морские командос распределились на две группы и, зацепившись за длинный канат, поплыли в направлении объекта. Большую часть пути следовало держаться в надводном положении, не погружаясь на глубину, чтобы свести к минимуму расход кислорода. Согласно расчетам, первая волна десанта должна была подняться на остров через полчаса после полуночи. В это время суток от северной стены крепости на воду падала лунная тень, позволявшая морским командос незамеченными выйти на берег.

От обычных водолазных костюмов отказались почти сразу, поскольку в условиях сухопутного боя они сильно сковывали движения. Пришлось воспользоваться обычной на вид армейской формой, но пошитой из специальной быстросохнущей тонкой ткани, которая совсем не сохраняла тепло тела, однако позволяла свободно передвигаться. Каждый боец нес боекомплект общим весом 40 килограммов, включавший в себя автомат Калашникова, обоймы, гранаты, взрывные устройства, сигнальные ракеты, всевозможные штурмовые приспособления, фонари, средства индивидуальной связи и комплект для оказания первой медицинской помощи. Поверх были надеты спасательные жилеты, позволявшие держаться на воде или мгновенно погружаться на глубину, а также акваланги, вопреки правилам крепившиеся не на спине, а на груди. В таком снаряжении на суше нельзя было сделать и двух шагов, однако в море можно было проплыть около двух километров.

Из-за сильного бокового течения продвижение было медленным и крайне изнурительным. Миновал примерно час с того времени, как морские командос спустились в воду. Согласно всем расчетам, они должны были уже преодолеть три четверти пути, однако остров так и оставался темным пятном на горизонте. Тогда капитан Дов Бар принял решение погрузиться под воду, рассчитывая, что на глубине нескольких метров течение будет не таким сильным.

Продвижение под водой было еще более утомительным. К тому же была весьма высока вероятность отравления азотом, поскольку глубоководы были только у офицеров, и многие бойцы в темноте должны были рассчитывать лишь на собственную интуицию и опыт.

Спустя полчаса капитан Дов Бар вновь поднялся на поверхность, чтобы осмотреться, и, к своему ужасу, увидел, что подводное течение отнесло их как минимум на 600 метров к югу от острова-крепости Грин. Стрелки на ручных часах показывали 00:30 – время высадки. Бригадный генерал Рафаэль Эйтан и начальник Генштаба Хаим Бар-Лев безуспешно пытались выйти на связь с морскими командос, однако из-за большой глубины капитан Дов Бар не мог их слышать. В штабе операции не имели ни малейшего представления о том, что же произошло с первой волной десанта и где она находилась. Дов Бар и не попытался восстановить связь со штабом. Желая избежать позора, он на свой страх и риск решил плыть дальше и атаковать крепость, действуя по принципу «победителей не судят». Вопреки всем инструкциям, он приказал своему отряду подняться на поверхность и оставшуюся часть пути продолжать двигаться в надводном положении.

Ценой невероятных усилий спустя полчаса отряд капитана Бара всё же вышел к острову со стороны башни, в которой был укрыт радар и ракетные установки. За 150 метров до цели Дов Бар вновь приказал своему отряду плыть к берегу под водой. Прошло еще минут десять, пока отряд выплыл на мелководье. Подав условный сигнал остановиться, капитан Дов Бар вынырнул

и быстро осмотрелся. Расстояние до башни не превышало и 15 метров. Дов Бар смог отчетливо рассмотреть часовых, один из которых находился на крыше, другой – у пулеметной точки, третий патрулировал по периметру крепости, изредка бросая взгляд на морскую гладь. Всё свидетельствовало о том, что египетский гарнизон крепости находился в повышенной боевой готовности.

К этому времени группа прикрытия уже успела закрепиться у квадратной бетоннады, привязав «Хазир» под водой, с южной, непростреливаемой, стороны. Только подойдя вплотную к бетоннаде, бойцы поняли, что размещение в этом месте группы прикрытия было бы сущим безумием. Вести огонь из-под воды было невозможно, а, оказавшись наверху, они представляли для египтян прекрасную мишень. Несмотря на это, командир группы приказал подняться на бетоннаду и установить пулемет, поскольку без огневого прикрытия у группы капитана Бара не было ни единого шанса забраться на стену и занять плацдарм.

Море в районе крепости было совершенно спокойным, ни единой волны, поэтому любое резкое движение могло привлечь внимание часовых. По условному сигналу морские коммандос на глубине избавились от аквалангов, привязали их к канату и поднырнули под мост, соединявший башню с крепостью. Люди были измучены, однако времени на передышку не оставалось совсем. Часы показывали 01:38 – восемь минут после истечения последнего срока атаки. В наушнике не прекращались позывные штаба операции, однако капитан не мог произнести ни слова, поскольку какие-то считанные метры разделяли его и египетских часовых. Для того чтобы сорвать атаку, достаточно было одной брошенной в воду ручной гранаты.

Дов Бар подал сигнал к началу захвата плацдарма, и первая группа под командованием старшего лейтенанта Илана Эгози двинулась в сторону проволочных заграждений, чтобы прорезать проход для остальных групп. Шестеро бойцов, включая самого капитана Бара, забрались на прибрежные валуны и на четвереньках поползли вдоль радарной башни. Стараясь держаться в границах лунной тени, бойцы «Шайетет-13» направились к наиболее уязвимому месту, в котором они собирались проникнуть в крепость. В конце моста с внешней стороны стены был повален большой бетонный блок, по которому можно было попытаться подняться наверх, однако подступы к нему преграждались несколькими рядами скрученной колючей проволоки, которая уходила прямо в воду. Проплыв под мостом, один из бойцов подготовил взрывное устройство, которое в случае внезапного обнаружения противником должно было разнести все заградительные сооружения египтян. Двое других стали тихо резать колючую проволоку, стараясь не потревожить подвешенные пустые консервные банки.

Преодолеть первую линию заграждений не составило труда. Однако второй забор оказался из стальной колючей проволоки гораздо большего диаметра, чем рассчитывали коммандос.

К тому же мотки колючей проволоки были беспорядочно навалены друг на друга, поэтому проход приходилось вырезать буквально по кускам. Командир группы старший лейтенант Илан Эгози отполз в сторону и случайно наткнулся на широкий проход, о котором сообщала разведка. Воодушевление тут же сменилось разочарованием, поскольку прямо над проходом была установлена пулеметная точка, которую охранял часовой. Поэтому Илан Эгози решил воспользоваться этим путем только в крайнем случае.

Неожиданно в глубине крепости включился свет, и на стену поднялся один из египетских солдат с фонарем в руке. По всей видимости, он услышал подозрительный шум и захотел осмотреть проволочные заграждения. Луч фонаря скользнул по спинам морских коммандос. Опасаясь, что группа прорыва обнаружила себя, Илан Эгози, не дожидаясь команды к началу штурма, открыл огонь по часовому. Стрельба застала врасплох не только египтян, но и бойцов «Шайетет-13», замешкавшихся на несколько драгоценных мгновений. Со стороны стены тут же полетели ручные гранаты и был открыт беспорядочный автоматнo-пулеметный огонь. Несколько осколков легко заделали старшего лейтенанта Илана Эгози, полоснув его по

ногам, однако это не помешало ему повести свою группу в атаку на пулеметную точку. Тут же в небо взметнулись осветительные ракеты, и ночь превратилась в день. Израильские командос оказались в крайне затруднительном положении. Их спасло лишь вмешательство группы прикрытия, разместившейся по другую сторону от крепости. Несколько точных выстрелов из РПГ накрыли пулеметную точку, дав нападающим возможность преодолеть простреливаемую зону и вскарабкаться на стену.

С первыми же выстрелами начальник Генерального штаба Хаим Бар-Лев отдал приказ открыть плотный артиллерийский огонь на всем участке Суэцкого залива, чтобы на некоторое время отвлечь внимание египтян от острова и дать возможность морским командос как следует закрепиться на захваченном плацдарме.

Проникнув в крепость, бойцы группы прорыва стали закидывать ручными гранатами окна спальных и служебных помещений, не позволив египетским солдатам выбежать наружу. Несколько египтян, оказавшихся во внутреннем дворе, сразу же были скошены автоматными очередями. Остальные в панике стали прыгать в воду, решив, что крепость подверглась ночной атаке крупных сил израильтян, поскольку весь Суэцкий залив в одночасье превратился в единое поле боя. Не дав египетскому гарнизону опомниться, морские командос стали методично продвигаться вглубь крепости, действуя по строго оговоренному плану. На месте прорыва остался только один боец, чтобы принять вторую волну десанта. Для окончательного подавления сопротивления египетского гарнизона предстояло подняться на крышу и взять под свой контроль пулеметные и зенитные точки.

Так как штурмовых лестниц под рукой не оказалось, пришлось воспользоваться собственными спинами. Первым на стену вскарабкался старший лейтенант Ами Аялон. Он осторожно высунул голову и заметил две укрепленные зенитные точки по обе стороны крыши, а также тяжелый пулемет, прикрывавший подступы к ним. Пулеметная очередь ударила рядом с головой Ами Аялона, заставив его буквально повиснуть на стене. Отколовшаяся бетонная крошка, словно острая бритва, полоснула по голове, залив кровью глаза. Чтобы создать хоть какое-то укрытие, он метнул на крышу дымовую шашку и подал знак к началу атаки. Однако шашка, издав негромкий хлопок, прокатилась несколько метров, ничем не отличаясь от обычной консервной банки, так и не выпустив ни струйки дыма. Тогда Ами Аялон вновь на мгновение высунул голову и метнул в сторону пулеметной точки осколочную гранату, которая также не разорвалась. Второй боец, сержант Залман Рот, находившийся рядом с Ами Аялоном, воспользовавшись секундным замешательством египтян, метнул несколько гранат и, выскочив на крышу, бросился на одну из зенитных точек, на ходу опустошая автоматную обойму. Остальные бойцы группы Ами Аялона тут же поднялись на крышу и присоединились к атаке, стараясь в обход прямого огня выйти к другим укрепленным точкам противника.

В первые же минуты боя сержанту Залману Роту автоматной очередью серьезно повредило кисть и оторвало несколько пальцев на левой руке. Несмотря на приказ старшего лейтенанта Аялона, он остался в строю, невзирая на дикую боль и сильное кровотечение. Фактически ему приходилось действовать только одной рукой. Кисть левой руки больше напоминала окровавленные ошметки.

Укрепившись на первой захваченной пулеметной точке, морские командос открыли огонь из РПГ по внутреннему двору и южной части крыши, где египтяне оказывали наиболее яростное сопротивление. Расстояния были настолько близкими, что в ход шли ручные гранаты. Несколько осколков впились в ногу старшего лейтенанта Ами Аялона, но он продолжал вести прицельный огонь по дальней пулеметной точке, которая простреливала весь участок крыши.

Группа прикрытия, расположившаяся на двухметровом бетонном блоке, открыла пулеметный огонь со стороны моря. Однако огневое укрытие из-за возникших неполадок с оружием оказалось малоэффективным. Более того, египтяне обрушили на бетонную столь мас-

сированный ответный огонь, что морским командос ничего не оставалось, как ретироваться назад в воду и попытаться найти укрытие с южной стороны блока.

Ситуация складывалась критическая. Если северную часть внутренних помещений удалось зачистить одним ударом, воспользовавшись фактором неожиданности, то укрепленные точки, установленные на крыше, так и не удавалось подавить. Капитан Дов Бар отдал приказ группе Амнона Софера подняться на крышу крепости и поддержать захлебнувшуюся атаку. По спинам друг друга бойцы поднялись на крышу и присоединились к Ами Аялону и Залману Роту.

Один из бойцов группы Амнона Софера, сержант по имени Диди Гароль решил на отчаянный шаг. Под прикрытием автоматного огня он подбежал к пулеметной точке на расстоянии приблизительно 30 метров и закидал ее осколочными гранатами. Однако взрывов так и не последовало. Как выяснилось потом, практически все гранаты и взрывные устройства из-за долгого пребывания в воде пришли в негодность. Диди Гароль бросился на укрепленную точку с одним личным оружием и тут же получил пулю в верхнюю часть бедра. Пройди пуля несколько левее, она непременно перебила бы артерию, лишив Диди всяких шансов. На какие-то секунды он был выведен из сознания сильным болевым шоком и еще некоторое время продолжал лежать на совершенно открытом, простреливаемом со всех сторон участке крыши. Один из бойцов попытался оттащить его в безопасное место, однако со стороны укрепленной точки полетели гранаты. Диди Гароль вновь получил ранения, несколько осколков в лицо и грудь. Пуля прошла навылет, раздробив ногу чуть ниже тазобедренного сустава. Только невероятным усилием воли ему удавалось сохранить сознание.

Во время непродолжительного крайне ожесточенного боя первая волна десанта смогла взять под свой контроль несколько зенитных и пулеметных точек, размещенных на крыше в северной части крепости, а также зачистить радарную башню и несколько внутренних помещений. Однако во время захвата плацдарма морские командос израсходовали практически весь свой боекомплект, а вторая волна десанта даже не приблизилась к острову. Дальнейшее продвижение было невозможно. Почти треть личного состава получила ранения. Боеприпасы были на исходе. Ничего иного не оставалось, как закрепиться на захваченном участке крепости и ожидать прибытия второй волны десанта.

Капитан Дов Бар попытался выйти на связь со штабом операции, однако, кроме шума в трубке, он так ничего и не услышал. Тогда он выпустил в небо две сигнальные ракеты, означавшие, что плацдарм высадки захвачен и удерживается. Ситуация сложилась более чем критическая. Оправившись от первого шока, египтяне перешли в атаку, желая сбросить израильских командос в море. К тому же египетская береговая артиллерия открыла ураганный огонь по острову, невзирая на то, что большая его часть продолжала оставаться под контролем гарнизона крепости. Быть может, только это и позволило израильтянам удержаться на захваченном плацдарме, поскольку египтянам пришлось искать убежище от снарядов собственной береговой артиллерии.

Когда береговая артиллерия прекратила огонь, египтяне вновь бросились в атаку. Понимая, что иного выхода в сложившейся ситуации нет, капитан Дов Бар решил на отчаянный шаг, приняв решение перейти от обороны в контратаку на египетские укрепленные точки, которые по первоначальному замыслу отводились на долю «Сайерет Маткаль». Старшина Хаим Штурман и сержант Йоав Шахар выскочили из укрытия и бросились по крыше вдоль искусственной бухты к самой крайней укрепленной точке. Захват ее мог в корне изменить ход боя еще до прибытия второй волны десанта «Сайерет Маткаль» и резервной группы «Шайетет-13». Необходимо было только миновать крышу здания и соскочить на землю, чтобы оказаться в непростреливаемой зоне, а затем вплотную приблизиться к укрепленной точке и попытаться закидать ее оставшимися гранатами. Когда уже оставались считанные метры до мертвой зоны, неожиданно блеснула ослепительная вспышка и раздался оглушительный взрыв. По всей

видимости, один из египетских солдат метнул на крышу здания связку ручных гранат или другое взрывное устройство. Старшина Хаим Штурман и сержант Йоав Шахар погибли на месте. Один из бойцов «Шайетет-13» спрыгнул во двор и автоматной очередью скошил египетского солдата.

Тем временем израильтянам удалось прорваться к трупам своих товарищей и оттащить их к месту высадки второй волны десанта.

Их лодки находились в 600 метрах от острова Грин и по расчетам должны были достигнуть объект за считанные минуты. Но высадка произошла только в 02:00. Несмотря на то что каждая минута для находившихся на острове была критической, второй волне десанта понадобилось более 20 минут, прежде чем начать высадку. Как выяснилось, расстояние от места ожидания до крепости оказалось намного больше, чем предполагали в штабе операции. К тому же у некоторых лодок неожиданно возникли неполадки с моторами.

Отряд «Сайерет Маткаль», входивший в состав второй волны, состоял из трех групп, одной из которых командовал сам подполковник Менахем Дигли, двумя другими – капитан Эхуд Рам и капитан Амитай Нахмани. Причалив резиновые лодки к северному плацдарму, находившемуся под контролем морских командос, спецназовцы Генштаба стали выгружать ящики с боеприпасами. После этого поднялись на крышу, влившись в группу капитана Амнона Софера.

Бой на крыше был в самом разгаре. К этому времени морские командос успели потерять двух человек убитыми, шестеро бойцов были ранены. Несмотря на несколько неудачных попыток штурма укрепленной точки, капитан Дов Бар дал приказ продолжать атаку, поскольку орудие, размещенное на ней, могло поставить под угрозу отход всего десанта. Любой ценой его необходимо было уничтожить. Один из бойцов «Шайетет-13», обогнув три укрепленные точки, захваченные ранее, выстрелил из РПГ, однако взрыва не последовало. Он отбросил РПГ в море и стал расстреливать укрепленную точку из личного оружия. В этот момент возле него разорвалась граната. Силой взрывной волны его откинуло на несколько метров и практически полностью сорвало экипировку. Лишь по счастливому стечению обстоятельств ему удалось отделаться только контузией.

Тем временем бойцы «Сайерет Маткаль» смогли подобраться к укрепленной точке и забросать ее ручными гранатами. Впереди продолжали действовать еще три укрепленные точки противника, приблизиться к которым вообще не представлялось возможным, эта часть крыши простреливалась со всех сторон. Оставался единственный реальный шанс пробиться к египетским орудиям – через внутренний двор. Вместо этого подполковник Менахем Дигли приказал идти в лобовую атаку. На крыше царил сущий ад. Крики раненых, казалось, заглушали шум боя. Вокруг распространялся запах сожженной человеческой плоти и свежей крови. Даже опытные бойцы пребывали в состоянии, близком к психическому шоку. Никто не решался поднять голову. Командир «Сайерет Маткаль» вновь выкрикнул приказ, на этот раз обращаясь лично к капитану Эхуду Раму. Казалось, Эхуд прекрасно осознавал свою обреченность, но он бросился вперед, стараясь поднять за собой остальных бойцов своей группы. Пуля попала ему прямо в голову. От удара его тело отбросило с крыши на прибрежные камни.

Во внутреннем дворе крепости бой был в самом разгаре, в любую секунду готовый перейти в рукопашную схватку. Расстояние между египтянами и израильтянами составляло считанные метры. Оценив ситуацию, командир «Сайерет Маткаль» приказал двум группам спуститься во двор и помочь бойцам «Шайетет-13» подавить сопротивление египетского гарнизона. Поскольку на тесном участке действовало два подразделения, никогда прежде не участвовавших в совместных операциях, на поле боя царила полная неразбериха. В ночном бою было сложно отличить своих солдат от противника. Во время спуска во внутренний двор две группы «Сайерет Маткаль» попали под огонь «Шайетет-13», в результате чего смертельное ранение получил 19-летний рядовой Юваль Мерон.

Египетская береговая артиллерия вновь возобновила обстрел острова. БОльшую часть десантных лодок отбросило в море, многие из них получили пробойны и наполовину погрузились в воду. Не было никакой возможности эвакуировать раненых и убитых. Никто не ожидал такого развития событий. Недооценка противника, как правило, чревата губительными последствиями. Складывалось впечатление, что израильтяне недостаточно объективно взвесили свои возможности и, ввязавшись в драку, теперь не знали, как из нее выйти, не понеся еще больших потерь.

Мотор десантной лодки командира «Шайетет-13» с самого начала «глотал воду», поэтому подполковник Зеэв Альмог высадился на острове с большим опозданием, когда бой уже практически подходил к своей завершающей фазе. Со своей группой он поднялся на крышу и установил полевой штаб на одной из «зачищенных» укрепленных точек противника. Капитан Дов Бар, командовавший высадкой первой волны, вкратце доложил обстановку. Более двух третей острова находилось под контролем «Сайерет Маткаль» и «Шайетет-13». Сопротивление египетского гарнизона было фактически сломлено, во всяком случае, противник уже не пытался перейти в контратаку, но и силы израильского десанта были почти полностью истощены. Практически не было ни одного бойца, не получившего ранения. Полевой госпиталь, расположившийся в одном из помещений в северной части крепости, уже не справлялся с потоком раненых, многие из которых пребывали в крайне тяжелом состоянии и требовали срочной эвакуации.

В 02:15 подполковник Зеэв Альмог связался по радиации со штабом операции. Оценив ситуацию, начальник Генерального штаба генерал-лейтенант Хаим Бар-Лев отдал приказ к подготовке отхода и минированию крепости. В целом десант выполнил поставленную задачу, гарнизон крепости был раздавлен, египтяне деморализованы, и сейчас в первую очередь было необходимо спасти уцелевших спецназовцев.

Тем временем командир «Сайерет Маткаль» подполковник Менахем Дигли через мегафон призывал египетских солдат на арабском языке прекратить сопротивление. Не могло идти и речи, чтобы начать отход, оставляя у себя за спиной противника. В то время как морские командос и «Сайерет Маткаль» зачищали внутренний двор и помещения, все взрывные устройства были снесены в большой зал, расположенный в северной части крепости, недалеко от радарной башни. Первоначальный план подразумевал закладку взрывчатки в нескольких местах, однако развитие событий внесло свои коррективы. Бригадный генерал Рафаэль Эйтан решил ограничиться одним мощным взрывом, который следовало произвести уже после того, как лодки с десантом выйдут в залив. Во-первых, чтобы не погибли свои же бойцы, во-вторых, на некоторое время этот мощный взрыв мог бы послужить прикрытием, что позволило бы как можно дальше отойти от крепостных стен.

Пока северную часть крепости подготавливали к взрыву, в суматохе боя к зданию смогли пробиться несколько египетских солдат. Капитан Шауль Зив, в будущем командир «Шайетет-13», вместе с еще одним бойцом своей группы выбежал во двор и несколькими автоматными очередями отбил неожиданную атаку, которая могла бы обернуться настоящей катастрофой. К северной части были стянуты все раненые. Неожиданно во дворе прогремел мощнейший взрыв. По всей видимости, произошла детонация боеприпасов, находившихся на территории крепости. От неминуемой смерти израильских командос спасла бетонная стена, которая приняла на себя основную часть взрывной волны. Внушительный осколок бетонной стены, с торчащей железной арматурой, отлетев в сторону, серьезно повредил капитану Зиву ступню. Пересиливая нестерпимую боль, он остался в строю и наотрез отказался отойти с первыми лодками.

Несмотря на то что во дворе бой был в самом разгаре, и разгром египетского гарнизона был лишь вопросом пяти – максимум десяти минут, подполковник Дигли был вынужден подчиниться приказу и подать сигнал к отступлению. Перейдя от атаки к обороне, бойцы «Сай-

ерет Маткаль» и «Шайетет-13» стали постепенно отходить к северной части крепости. Агонизирующее, но еще дышащее тело рядового Юваля Мерона обвязали канатом и вытянули на крышу. Затем поднялись остальные бойцы. Одновременно с отходом двое бойцов «Сайерет Маткаль» неожиданно атаковали две последние укрепленные точки противника, с которых время от времени велся огонь по отступающим. Воспользовавшись мощным огневым прикрытием, бойцы смогли приблизиться к египтянам на близкое расстояние и закидать одну из укрепленных точек ручными гранатами. Однако дальнейшее развитие атаки стало невозможным, поскольку начали рваться боеприпасы. Ничего иного не оставалось, как вернуться, оставив у себя за спиной последнюю укрепленную точку египетского гарнизона.

Возвращение с острова после окончания операции было невероятно тяжелым. В первую очередь на лодки погрузили тела убитых и раненых, тех, кто не в состоянии был перемещаться самостоятельно. Лодок не хватало на всех. Больше половины из них было отброшено в море или затоплено. Ситуация еще более усложнилась, после того как выяснилось, что канат, к которому было привязано подводное снаряжение, оборвался, и акваланги запутались в рядах колючей проволоки. Попытаться высвободить их под ураганным обстрелом египетской береговой артиллерии не представлялось возможным.

С огромным трудом удалось вытащить из-под обстрела тело капитана «Сайерет Маткаль» Эхуда Рама. Его с телами двух других погибших погрузили в лодку, готовую по первому сигналу выйти в море в направлении израильского берега. Чтобы не запутаться в счете, сколько бойцов отступило, сколько осталось, в каждой лодке размещалось одинаковое количество человек. В 02:25 от крепости в направлении Рас-Судара отошли первые четыре лодки, на которых в сопровождении врача и санитаров были эвакуированы большинство раненых.

Когда группа бойцов, находившаяся вместе с подполковником Менахемом Дигли во внутреннем дворе крепости, поднялась на крышу, командир «Сайерет Маткаль» обратил внимание на то, что отсутствовал один из его бойцов, 22-летний сержант Дани Ваза. Последний раз его видели, когда спускались во внутренний двор, чтобы поддержать атаку морских коммандос. Не желая подвергать опасности всех бойцов, командир «Сайерет Маткаль», взяв с собой одного человека, лично решил вернуться во внутренний двор. Вооружившись фонарем, он спустился вниз и метр за метром стал осматривать место боя. После того как поиски не увенчались успехом, он вернулся на крышу и, осматривая прибрежную насыпь, сразу же обнаружил у самой кромки воды тело своего бойца, запутавшееся в рядах колючей проволоки. Так как не представлялось никакой возможности спуститься к воде, Дигли вернулся к точке общего сбора и, взяв с собой нескольких бойцов, на двух моторных лодках обогнул крепость и вышел к месту, где было обнаружено тело сержанта. Спрыгнув в воду, бойцы «Сайерет Маткаль» стали резать колючую проволоку, чтобы подобраться к телу своего товарища, и обнаружили труп еще одного израильского спецназовца. Им оказался старшина «Шайетет-13» 22-летний Дани Леви. Таким образом, число погибших составило шесть человек, десятая часть десанта, если учитывать, что в операции участвовало в общей сложности 60 человек. Никогда спецназ не нес таких больших потерь.

К 02:45 большая часть десанта вышла в море. В крепости остались только двое минеров, которые должны были привести в действие взрывные устройства. В числе последних, кто покинул крепость, были командир «Шайетет-13» подполковник Зеэв Альмог и командир «Сайерет Маткаль» подполковник Менахем Дигли. В 02:55 остров-крепость Грин покинул последний израильский солдат.

Возвращение было не менее сложным, чем высадка на острове Грин. Египетская артиллерия обрушила сотни снарядов на отступающих спецназовцев. Лодки были перегружены и едва держались на воде, поэтому многим бойцам пришлось вплавь добираться до берега. Царила страшная неразбериха. Никто не знал, кто где находился. Поднятые вертолеты, невзирая на ураганный обстрел, прилагали отчаянные усилия разыскать уцелевших бойцов. Только

с наступлением рассвета удалось собрать рассыпавшийся по заливу и побережью десант. Когда высшее военное командование оценило потери, оно пришло в ужас. Почти половина десанта получила ранения или погибла. Потери египетской стороны, согласно предварительным оценкам, составили около 40 человек убитыми.

Многие до сегодняшнего дня полагают, что всю ответственность за бессмысленную гибель солдат несет на себе правительство Голды Меир и Моше Даяна. На мой взгляд, в первую очередь обвинения стоит выдвигать высшему армейскому руководству, допустившему грубейшие ошибки. Премьер-министр и министр обороны не должны разбираться во всех деталях операции, они должны принимать политические решения.

Во-первых, высадка на острове с тактической точки зрения была совершенно бессмысленна. Египтяне на следующий день вернулись, и израильская армия не сделала ничего, чтобы этому воспрепятствовать.

Во-вторых, с военной точки зрения решение было принято неверное. Вполне возможно было уничтожить остров-крепость силами ВВС и ракетных катеров, не подвергая опасности жизни солдат, заставив морских коммандос и спецназ Генерального штаба в невероятно тяжелых условиях штурмовать неприступную морскую крепость.

Глава третья

1970 год. Операции «Виктория» и «Тарнеголь-25»¹⁰

Нет ни малейшего сомнения в том, что в такой войне на истощение спецподразделения будут задействованы намного чаще, чем в обычных войнах...

Хаим Бар-Лев, генерал-лейтенант, начальник Генерального штаба Армии обороны Израиля

К лету 1970 года война на истощение достигла максимального накала. Вооруженные стычки и артиллерийские дуэли в районе Суэцкого канала происходили практически каждый день. Израильтяне и египтяне несли потери, но ни одна из сторон так и не могла добиться явного перевеса. Пользуясь численным преимуществом, египетская армия всё чаще позволяла себе совершать вылазки на израильскую сторону канала, приводящие противника к существенным потерям. Если раньше египетские командос устраивали на территории, контролируемой израильтянами, ночные засады, то теперь вылазки нередко совершались и среди бела дня. Наиболее часто нападениям подвергались израильские патрули, состоявшие по большей части из резервистов.

В мае 1970 года египтяне решили устроить засаду на 12-м километре от Порт-Саида в северной части Суэцкого канала. Здесь канал сужается до нескольких десятков метров, к тому же это место как нельзя лучше подходило для засады. Высокая насыпь тянулась вдоль канала, нависая над узкой грунтовой дорогой, предоставляла прекрасное укрытие для атакующих. По дороге каждый день проезжал израильский патруль. Бронеколонна, подвергшаяся нападению в этом секторе, оказывалась в западне, не имея возможности для маневра.

В ночь с 29 на 30 мая 1970 года большой отряд египетских командос на резиновых лодках тайно пересек Суэцкий канал.

Заложив на пути следования израильской колонны несколько мощных взрывных устройств, египтяне окопались на южном склоне насыпи. Примерно в 12:00 стал отчетливо доноситься шум моторов приближающегося израильского патруля. Когда бронеколонна поравнялась с отметкой «12-й километр», сработало несколько мощных взрывных устройств. Прежде чем израильтяне успели понять, что произошло, египетские командос выбежали на вершину насыпи и произвели залп из противотанковых гранатометов. Несколько бронемашин тут же запылали. Любой, кто пытался выбраться наружу, сразу же попадал под шквальный автоматный огонь. Девять израильских солдат погибли в первые минуты боя. Ожидать подкрепления было неоткуда. Уцелевшие бронемшины оказались совершенно бесполезными, подняться на крутую насыпь они не могли, а расстояние между противниками составляло считанные метры. Нельзя было вызвать даже поддержку артиллерии, поскольку она неминуемо накрыла бы и своих.

Бой продолжался не более десяти минут. Не имея возможности контратаковать, уцелевшие израильские солдаты покинули бронемшины, представлявшие слишком удобную мишень для египетских базук, и заняли глухую оборону, пресекая любую попытку египетских командос спуститься с насыпи и приблизиться к грунтовой дороге. Понимая, что атаку не удастся развить, египтяне приняли решение отойти. Под прикрытием артиллерии египетские командос спустились к резиновым лодкам и беспрепятственно пересекли Суэцкий канал.

Итогом успешной вылазки египетских командос стала гибель девяти израильских военнослужащих. Четверо получили тяжелые ранения и один попал в плен. По всей видимости,

---

¹⁰ *Тарнеголь* – петух (ивр.). На израильском военном сленге часто используется в значении «учение», от слова «таргиль».

египетские командос захватили его в первые минуты боя, когда солдат выбрался из горящей бронемшины и бросился в канал, чтобы сбить объявшее его пламя.

Египетский артобстрел продолжался около семи часов. В ответ израильские ВВС нанесли ракетно-бомбовые удары по египетским позициям. Но эти налеты не способны были нанести серьезный урон египетскому укрепрайону, растянувшемуся вдоль всего Суэцкого канала. Глубокие железобетонные бункеры были недосыгаемы ни для артиллерийских снарядов, ни для израильской авиации.

Арабские радиостанции, в том числе каирская, и телеканалы тут же стали освещать детали недавнего боя, называя его «самой большой победой над израильской военщиной за последние годы».

Засады египтян на территории, контролируемой израильской армией в районе Суэцкого канала, случались и раньше, однако столь существенных потерь израильтяне никогда еще не несли. Одной успешной вылазкой египтяне не ограничились. Вопреки тактической логике в тот же день египетские командос нанесли еще один болезненный удар, теперь уже в восточной части канала.

Вечером того же дня, примерно в 18:30, с наступлением первых сумерек, большой отряд египетских командос вновь пересек канал, но уже на 29-м километре. Вторая вылазка развивалась по тому же сценарию. Когда израильская бронетехника приблизилась к месту засады, египтяне неожиданно нанесли залп из противотанковых гранатометов и закидали грунтовую дорогу осколочными гранатами. Четверо израильских солдат погибли в первые секунды боя. Заставив израильтян занять глухую оборону, египтяне под прикрытием артиллерии беспрепятственно отошли на свою сторону канала, прихватив с собой еще одного пленного.

Таким образом, 30 мая 1970 года в результате двух успешных операций египетских командос израильтяне потеряли несколько бронемашин, 13 солдат, двое были захвачены в плен. С окончания Шестидневной войны израильтяне не получали от египтян такой позорной пощечины.

Как всегда, реакция Иерусалима не заставила себя долго ждать. На следующий день ВВС Израиля нанесли точечные удары по позициям египетской армии вдоль всей линии вооруженного противостояния, а также по отдельно выбранным гражданским объектам. Однако, вопреки ожиданиям, эффект от авианалетов оказался не столь впечатляющим. Чтобы уничтожить уходящие глубоко под землю железобетонные бункеры египтян, следовало провести наземную операцию. Именно по этой причине израильским политическим руководством было принято решение о проведении спецоперации.

За две недели до описываемых событий, 22 мая 1970 года, группа палестинских террористов пересекла ливано-израильскую границу и расстреляла школьный автобус из противотанковых гранатометов. В результате этого чудовищного теракта погибли девять школьников, двое учителей и водитель автобуса, 24 школьника получили ранения. В качестве ответной меры Армия обороны Израиля не ограничилась одними только авианалетами, а провела крупномасштабную военную операцию на юге Ливана.

Генерал Ариэль Шарон, командовавший в те годы Южным военным округом, уже тогда прозванный близким окружением Арик Бульдозер, только и ждал подходящего случая, чтобы провести подобную акцию на южных рубежах страны. Рассматривалось несколько вариантов высадки спецназа в глубоком тылу египтян и проведения показательных диверсий. В конечном итоге военное командование остановило свой выбор на высадке морского десанта. Предстояло захватить три километра укрепрайона вдоль Суэцкого канала, с которого совершили вылазку египетские командос. В Генштабе операция получила кодовое название «Виктория». Как и в случае с нападением на остров-крепость Грин, этот шаг должен был деморализовать египетскую армию.

Изначально планировалось задействовать спецназ генштаба «Сайерет Маткаль» или спецназ 35-й бригады ВДВ. Однако Ариэль Шарон настоял на том, чтобы основную роль в высадке морского десанта сыграли бойцы его спецназа «Сайерет Шакед»¹¹. В дополнение к спецназу штаба Южного военного округа было решено задействовать также 20 боевых пловцов спецподразделения «707» и подразделение резиновых лодок инженерно-штурмового батальона для переправки основных сил десанта. В общей сложности в операции должно было участвовать 167 военнослужащих (77 бойцов морского десанта, 16 бойцов резерва и 74 бойца из числа вспомогательных сил).

Египетский укрепрайон в зоне высадки морского десанта представлял собой цепь железобетонных бункеров и укрепленных огневых точек, соединенных между собой глубокими окопами. Чтобы к ним приблизиться, следовало преодолеть три заградительные полосы кроме самого Суэцкого канала: крутой земляной вал, канал с пресной водой и железнодорожное полотно, которое хорошо простреливалось с египетских позиций. Прежде чем высадить основную часть морского десанта, необходимо было захватить первичный плацдарм шириной 250 метров и глубиной 50 метров. Все участники операции прекрасно понимали, что эта часть операции будет сопровождаться тяжелыми боями. Египтяне ни при каких условиях не позволят израильтянам свободно форсировать Суэцкий канал и обрушат на десантные лодки всю свою огневую мощь, включая тяжелые пулеметы, артиллерию и минометы. Именно по этой причине эта задача была возложена на 20 бойцов спецподразделения «707», которые должны были вплавь пересечь канал, зацепиться за укрепрайон и держаться, пока подойдут основные силы морского десанта.

Параллельно с захватом укрепрайона военное командование решило провести еще одну спецоперацию, получившую кодовое название «Тарнеголь-25». Высадить небольшой отряд морских командос «Шайетет-13» в районе египетского города Рас-Гариб в западном секторе Суэцкого залива, уничтожить пограничный опорный пункт египетской береговой охраны и заминировать стратегически важную автотрассу, соединявшую города Рас-Гариб и Заафран.

Обе операции следовало подготовить и провести в крайне сжатые сроки, не позднее 11 июня 1970 года. Как всегда, времени на подготовку критически не хватало. Бойцы спецподразделения «707» узнали о планах Генерального штаба только за четыре дня до высадки морского десанта. Именно им предстояла самая ответственная часть работы, от которой зависел успех всей операции. Изучив снимки аэрофотосъемки египетского укрепрайона, спецназовцы наскоро возвели примерную копию заградительных сооружений и приступили к каждодневным занятиям.

Незадолго до начала операции на выстроенной модели были проведены общие итоговые совместные учения «Сайерет Шакед» и спецподразделения «707». Не совсем удачный опыт высадки на египетском острове-крепости Грин в Суэцком заливе показал, насколько критичным может быть фактор взаимодействия двух волн морского десанта. Несмотря на то что второй волне десанта необходимо было преодолеть каких-то несколько сотен метров Суэцкого канала, задача чрезвычайно усложнялась тем, что переправляться приходилось под прямым обстрелом египетской артиллерии, минометов и тяжелых пулеметов. Не следовало исключать того, что вторая волна десанта могла быть полностью уничтожена еще до того, как лодки коснулись бы египетского берега, тогда шансы на выживание бойцов спецподразделения «707» были бы минимальными. По большому счету захватить первичный плацдарм высадки было много проще, чем его удержать. Именно по этой причине вторая волна десанта, под прикрытием авиации, танков и артиллерии, должна была совершить высадку, как только бойцы спецподразделения «707» займут египетский укрепрайон.

---

¹¹ «Сайерет Шакед» – одно из первых спецподразделений Армии обороны Израиля. Создано в 1953 году. Название подразделения на иврите буквально означает «Шомрей Кав Даром» – охраняющие южную границу.

В полдень 11 июня 1970 года сводный морской десант рассредоточился в районе канала, укрывшись за большим земляным валом. Чтобы не привлекать внимания египтян, на рубеж выдвигались отдельными мелкими группами. Всё приходилось нести на себе, включая легкие минометы, резиновые десантные лодки, ящики с боеприпасами, а также специальные осадные приспособления, необходимые для преодоления заградительных сооружений. Это было вдвойне тяжело делать, поскольку жара в тот день выдалась под сорок градусов и не было ни единого островка тени, на котором можно было укрыться от палящего африканского солнца. Облака мух досаждали спецназовцам, лезли прямо в глаза и за шиворот. Все ждали вечера, хотя отдавали себе отчет, что для многих он мог стать последним.

С наступлением сумерек, ровно в 19:00, ВВС Израиля приступили к бомбардировке египетских позиций вдоль всего Суэцкого канала, сконцентрировав главный удар в районе высадки. Полтора часа израильские боевые самолеты ни на минуту не прекращали утюжить укрепрайон. В 20:30 в дело вступили танки и артиллерия. Вкопанные в земляной вал почти по самую башню, израильские танки прямой наводкой стали расстреливать цели в районе переправы. Значительного вреда египетскому укрепрайону они не могли нанести, основная задача заключалась в том, чтобы заставить египтян зарыться глубоко под землю и позволить первой волне десанта беспрепятственно пересечь канал.

Спустя четверть часа пошла первая волна морского десанта. Бойцы спецподразделения «707» во главе с майором Шаулем Селой в водолазных костюмах сбежали по земляному валу и погрузились под воду. Кроме захвата первичного плацдарма, эта группа должна была наладить прямую связь с израильским берегом. Для этого к одному из водолазов привязали нейлоновый шнур, за которым тянулся телефонный кабель.

Около 21:00 боевые пловцы спецподразделения «707» достигли египетского берега канала. В этот момент израильская артиллерия и танки прекратили обстрел укрепрайона. На смену артиллерийскому прикрытию к операции вновь подключились самолеты израильских ВВС, однако ракетно-бомбовые удары они наносили по обе стороны первичного плацдарма, не приближаясь к месту высадки ближе чем на полкилометра, что не позволяло египтянам организовать контратаку. Лишь только Шауль Села установил передовой командный пункт и закрепил телефонный кабель, египтяне обнаружили его группу и открыли массированный минометный огонь. Осколки мин буквально перепаживали землю в считанных метрах от боевых пловцов. Остаться на крошечном пятчке у самой воды означало неминуемую смерть. Другого выбора, как запросить разрешение на развитие атаки и углубиться в укрепрайон, у майора не оставалось.

Спустя несколько минут переправу через канал начала вторая волна морского десанта. Бойцы инженерно-штурмового батальона и спецназа, прижимаясь к земле, сбежали с вала и быстро спустили на воду резиновые лодки. Артиллерийские снаряды ложились настолько близко, что лодки едва удерживались на поверхности воды. Творился сущий кошмар. Воспользовавшись тем, что израильяне прекратили артподготовку, египетские солдаты прямой наводкой стали расстреливать морской десант из тяжелых пулеметов. Передвигаться быстро не получалось, поскольку все плавсредства были перегружены боеприпасами. Бойца особого инженерного подразделения, управлявшего одной из лодок, просто снесло от прямого попадания артиллерийского снаряда. Несколько лодок перевернулись, и бойцам вплавь пришлось достигать египетского берега, благо спасательные жилеты некоторое время могли их удерживать на воде. Для египетских пулеметчиков удобнее цель для расстрела сложно было придумать.

Тем временем майор Шауль Села получил разрешение на развитие атаки. Оставив на первичном плацдарме шестерых бойцов, входивших в оперативный штаб, пловцы спецподразделения «707» разделились на три группы и, освободившись от водолазной экипировки, бросились на египетские бункеры.

Во главе первой группы шел молодой лейтенант Ури Багон. Его бойцам предстояло выполнить наиболее сложную задачу: прорваться по центру, выйти к мостику через пресноводный канал и удерживать его до прибытия бойцов «Сайерет Шакед». Переход на этом участке укрепрайона был крайне сложным и изнурительным. Многочасовой обстрел превратил всё вокруг в непроходимое болото. Огромные волны от взрывов авиабомб, смешавшись с грязью, глиной и песком, заполнили пресноводный канал топкой жижей, через которую невозможно было переправиться. Мостик, который они должны были захватить, был уничтожен во время авианалета. Лейтенант принял решение попытаться вброд пересечь пресноводный канал. К счастью, он имел ширину несколько метров, а в глубину не превышал высоту среднего человеческого роста. Ури Багон первым спустился к каналу, но под тяжестью собственной экипировки поскользнулся и стал тонуть в вязкой жиже. Дно канала было усеяно ямами, образовавшимися при разрыве авиабомб. Потребовалось приложить много времени и усилий, чтобы при помощи брошенного каната вытащить лейтенанта из канала. Ничего иного не оставалось, как закрепиться на этом участке и дожидаться прибытия второй волны морского десанта. В распоряжении бойцов «Сайерет Шакед» имелись большие противоминные матрасы, которые лейтенант Ури Багон решил использовать для переправы через трясину.

Вторая группа под командованием лейтенанта Дуби Кешета должна была захватить укрепленную точку египтян севернее района высадки. Единственная возможность выйти к объекту, не подставляя себя под египетские пулеметы и минометы, – пройти по внутреннему связующему окопу, тянущемуся вдоль первой заградительной полосы. Во время авианалета он также серьезно пострадал, поэтому в кромешной темноте приходилось пробиваться через образовавшиеся завалы. Крайне сложно было определить, откуда египтяне вели огонь. Большинство бункеров и укрепленных точек были частично разрушены сверху и беспорядочно завалены мешками с песком. Прикрывая друг друга автоматным огнем, бойцы лейтенанта Дуби Кешета метр за метром вгрызались в египетскую оборону, перебегая от бункера к бункеру, забрасывая их ручными гранатами, большинство из которых вообще дали осечку.

Третья группа лейтенанта Йосефа Рама продвигалась в южном направлении. Наступившая ночь играла на руку израильтянам, так как египетские солдаты, отошедшие на дальний оборонительный рубеж, не видели направления атаки и вели стрельбу почти вслепую. Бойцы первой волны десанта намеренно не использовали трассирующие пули, чтобы не выдать места своего положения. Однако, когда на половине пути к заданному объекту один из боевых пловцов случайно задел «растяжку», в небо взметнулась осветительная ракета. Бойцам группы лейтенанта Йосефа Рама, шедшим по пояс в глинистой жиже, пришлось буквально с головой нырнуть в болото, надолго задержав дыхание. Прилагая нечеловеческие усилия, им и двум другим группам удалось выйти к заданной точке, не встретив ни одного египетского солдата.

Вторая волна морского десанта наконец-то достигла египетской стороны канала. Многим из спецназовцев пришлось пересекать канал вплавь. Боевой порядок был нарушен. При высадке царил такая неразбериха, что после того как бойцы пересекли насыпь и залегли среди полуразрушенных укреплений, командирам групп, срывая голоса, перекрикивая шум боя, пришлось носиться по всему занятому плацдарму, чтобы отыскать своих солдат.

Наскоро перегруппировавшись, бойцы «Сайерет Шакед» бросились расширять занятый плацдарм, зачищая уже захваченную территорию. У канала остались только 74 бойца особого инженерного подразделения и майор «Шайетет-13» Дов Бар, которому было поручено организовать эвакуацию раненых солдат, а также контролировать район переправы. Дышать было невозможно. Горячий воздух, пропитанный гарью и едким дымом, просто спаливал легкие и глаза. Порой казалось, что египтяне в обход всех международных конвенций в отчаянии устроили химическую атаку. Второй волне морского десанта пришлось преодолеть тот же путь, что и боевым пловцам майора Шауля Селы, неся на себе в несколько раз больше груза. С небольшой разницей во времени вторая волна наконец соединилась с тремя группами спецподразделения

«707», потеряв несколько раненых во время преодоления Суэцкого канала и первой заградительной полосы.

Первыми подкрепление «Сайерет Шакед» получила группа лейтенанта Ури Багона, пробивавшаяся на центральном направлении. Поскольку им не удалось форсировать пресноводный канал, для египетских солдат они представляли удобную мишень. Они не могли ни отойти, поскольку задача группы состояла в том, чтобы удерживать центральный сектор, ни перейти в контратаку. Поэтому, когда боевые пловцы соединились со спецназовцами Южного военного округа, лейтенант Ури Багон испытал некоторое облегчение.

Как он и рассчитывал, бойцы «Сайерет Шакед» принесли на себе широкие противоминные матрасы, которые тут же полетели в канал. Однако сразу возникла новая проблема. Во-первых, матрасы оказались слишком мягкими, чтобы выдержать вес солдата в полной экипировке. Во-вторых, их было недостаточно, чтобы выложить несколько слоев импровизированного моста. Как только первый спецназовец ступил на переправу, она прогнулась, и в образовавшийся излом стала затекать вязкая жижа. Два-три перехода, и матрасы полностью исчезли бы под черной трясинной. Тогда решили попробовать укрепить переправу носилками. Их осторожно бросили поверх матрасов, и для большей верности освободили ящики из-под боеприпасов и тоже бросили на переправу. Таким образом, бойцы спецподразделения «707» и спецназовцы «Сайерет Шакед» преодолели канал и залегли у железнодорожного полотна, тянущегося вдоль всей линии укреплений, ожидая общей команды к дальнейшему развитию наступления.

В это время две другие группы спецподразделения «707» соединились со второй волной морского десанта. К счастью, бомбардировка на флангах не была такой плотной, как в центральном секторе, и спецназовцам, правда с трудом, удалось найти несколько сохранившихся мостиков. Они значительно пострадали во время артподготовки, но вполне могли выдержать переход.

После того как все группы преодолели пресноводный канал, поступил приказ к захвату второго оборонительного рубежа западного сектора укрепрайона Суэцкого канала. Лишь только сводный морской десант пересек железнодорожное полотно, египтяне оказали еще более яростное сопротивление, открыв ураганный огонь по наступающим. Могло сложиться впечатление, что египетское командование намеренно дало прорваться вглубь укрепрайона, чтобы у израильтян в тылу осталось непроходимое болото, лишавшее их возможности тылового маневра или быстрого отхода.

За железнодорожным полотном в низине оказалась грунтовая дорога, которая также значительно пострадала от бомбежки, однако вода до нее не добралась, и по ней вполне сносно можно было передвигаться. Вдоль нее тянулись десятки глубоко уходящих под землю железобетонных бункеров. В каждом из них находилось не менее четырех египетских солдат с пулеметами и гранатометами. В некоторых бункерах были установлены 3-ствольные зенитные установки, доставлявшие немало неприятностей израильским ВВС. Одной из основных задач, поставленных Генштабом перед сводным морским десантом, был розыск и уничтожение зенитных батарей. Однако, чтобы к ним приблизиться, следовало подавить пулеметные точки египтян, недостижимые для авиабомб и артиллерии противника.

Воспользовавшись низиной как естественным прикрытием, сводный морской десант растянулся по всей линии занятого плацдарма. Идти приходилось в лобовую атаку прямо на пулеметы. Вернее, ползти, поскольку египетская артиллерия и автоматнo-пулеметный огонь косили всё, что находилось выше полуметра над поверхностью земли. Уже в первые минуты второй атаки израильтяне потеряли ранеными более десяти процентов личного состава. Трое спецназовцев погибли, пересекая железнодорожное полотно. Без сомнения, и с другой стороны были большие потери, однако египтяне обладали главным преимуществом: они могли отойти вглубь своей обороны, израильтянам же некуда было отступить. Позади были болото и Суэцкий канал.

Наладить планомерный отход можно было, только уничтожив египетский гарнизон на этом участке.

Израильтяне смогли прорвать линию обороны и зайти в тыл – египтяне даже мысли такой не допускали, их бойницы и орудия были направлены по фронту. Поэтому, захватив один из бункеров, морской десант стал развивать атаку вдоль флангов укрепрайона, и египетская оборона не смогла в полной мере использовать всю свою огневую мощь. Перебегая от бункера к бункеру, от одной укрепленной точки, к другой, израильские спецназовцы забрасывали амбразуры дотов противотанковыми и фосфорными гранатами.

Следует отметить самоотверженность египетского гарнизона. Даже когда была прорвана оборона, ни один из египетских солдат не попытался сдаться в плен или отступить. Вероятно, они боялись выйти за пределы железобетонных укрытий, понимая, что в горячке боя, нередко переходящего в рукопашную схватку, на пощаду рассчитывать не приходилось. Как бы там ни было, но факт остается фактом – гарнизон держался до последнего солдата.

Только после того как все бункеры египетского укрепрайона на участке шириной два километра оказались под контролем сводного морского десанта, из штаба операции поступил приказ к отходу. Прежде чем отступить на исходные позиции, бойцы «Сайерет Шакед» привели в действие мощные взрывные устройства. Многие из железобетонных конструкций просто обрушились, похоронив под собой укрывавшихся внутри египетских солдат.

Отходили тем же порядком, как и захватывали плацдарм. Первыми египетский укрепрайон покинули спецназовцы штаба Южного военного округа. Пока спецподразделение «707» удерживало плацдарм, «Сайерет Шакед» стал проводить зачистку района, разыскивая раненых и убитых. Командиры групп сообщали, что не досчитались многих солдат. Однако после более тщательной проверки выяснилось, что по ходу боя большую часть раненых эвакуировали на израильскую сторону канала. В общей сложности сводный морской десант потерял убитыми четверых (одного бойца особого инженерного подразделения и троих спецназовцев «Сайерет Шакед»), а также около двух десятков раненых. Египетский же гарнизон потерял убитыми более 20 солдат, обнаруженных на месте боя. О том, сколько погибло под развалинами бункеров, можно было лишь гадать.

Большинство бойцов «Сайерет Шакед» пересекло Суэцкий канал, и спецподразделение боевых пловцов «707» получило приказ к отходу. Прежде чем оставить плацдарм, боевые пловцы провели еще одну, дополнительную зачистку района, опасаясь оставить на вражеской территории убитых или, что более страшно, раненых товарищей. Затем они спустились к каналу и вплавь достигли израильских позиций.

В целом высадка сводного морского десанта на египетской стороне Суэцкого канала себя оправдала. Несмотря на то что Генштаб ставил задачу захватить укрепрайон протяженностью три километра, что не удалось выполнить на все сто процентов, результаты операции «Виктория» впечатляли. Отрезок египетского укрепрайона протяженностью два километра практически перестал существовать. Зенитные и пулеметные точки были уничтожены, а железобетонные бункеры превратились в бесформенные груды битого бетона и арматуры. Тем не менее пресс-атташе египетского военного командования совершенно иначе оценил результаты ночной вылазки израильтян. Средиземноморское агентство новостей из Каира на следующее утро сообщило о том, что египетская армия отразила две ночные попытки израильтян захватить Суэцкий канал севернее города Кантара. По словам пресс-атташе, также переданными Египетским агентством новостей, во время двух неудачных попыток захватить укрепрайон израильский морской десант потерял более 25 человек, большинство из которых утонули еще при переправе через Суэцкий канал.

На следующее утро в штабе Южного военного округа состоялось совещание, на котором, кроме офицеров-участников ночной вылазки, а также генерала Ариэля Шарона, присутствовал начальник Генерального штаба Армии обороны Израиля генерал-лейтенант Хаим Бар-Лев

и министр обороны Израиля Моше Даян. Командир спецподразделения «707» майор Шауль Села негодовал. Большинство ручных гранат израильского производства оказались негерметичными, и во время пересечения Суэцкого канала в них попала вода. Точно такая же проблема возникла при прошлогодней высадке на египетском острове-крепости Грин. Более половины ручных гранат, имевшиеся у бойцов «Шайетет-13», не разорвались, тем не менее никто не позаботился уведомить офицеров спецподразделения «707» о том, что гранаты израильского производства в условиях морской высадки ничем не отличаются от обычных металлических болванок.

В армии и до этого знали о нездоровом соперничестве спецподразделений 35-бригады ВДВ, «Шайетет-13», «Сайерет Маткаль» и спецподразделения боевых пловцов «707», каждое из которых стремилось взять на себя выполнение наиболее сложных операций. Однако если раньше это сказывалось только на личных отношениях командиров элитных подразделений и психологической напряженности между бойцами, то нынешняя операция показала, что такая конкуренция негативно сказывалась на оперативной стороне вопроса. Шел 1970 год, многому приходилось учиться прямо на поле боя, платя за ошибки и просчеты человеческими жизнями. Представьте себе фронт, на котором одна часть проводит разведку боем и не сообщает о результатах соседним частям. Казалось бы, спецподразделения должны были делиться друг с другом накопленным опытом, тем не менее практика показывала обратное. Методы ведения специальной войны элитные подразделения израильской армии хранили, как нечто бесценное, будто утечка информации могла поставить под угрозу жизни бойцов. Во многом это объяснялось непомерными амбициями, которые зачастую перевешивали общегосударственные интересы и обычное боевое братство спецназа.

Ярким примером нездорового соперничества среди спецназа явилась болезненная ревность морских командос «Шайетет-13» в отношении соседнего, в какой-то мере «дочернего» спецподразделения ВМС. Спецподразделение боевых пловцов «707» создавалось в 60-х годах исключительно для охраны портов. Их так и называли – «оборонительные пловцы». В задачу спецподразделения «707» входило обследование днищ морских судов от подводных мин, а также противостояние арабским морским командос, регулярно пытавшимся проникнуть в акваторию баз ВМС Израиля и на гражданские морские объекты для проведения диверсий. Однако с течением времени боевых пловцов «707» всё чаще стали использовать для проведения особых военных операций, традиционно входивших в компетенцию морских командос «Шайетет-13». В этом морские командос «Шайетет-13» видели неприкрытую угрозу своей «независимости» и обособленности. Боевые пловцы вторгались в «исконную вотчину» морских командос. Если раньше им приходилось отстаивать свою монополию на проведение морских спецопераций у спецназа Генерального штаба «Сайерет Маткаль», то теперь «угроза» исходила непосредственно «из дома», от недавно созданного спецподразделения ВМС Израиля.

Еще одна причина того, что анализ просчетов операции «Страсть-6» при высадке на острове-крепости Грин не вышел за пределы «Шайетет-13», состояла в том, что командир морских командос подполковник Зеэв Альмог пообещал выгнать каждого виновного в утечке информации. Командир «Шайетет-13» полагал, что если явные упущения просочатся за пределы подразделения, Генштаб существенно ограничит активность морских командос и запретит проведение подобного рода операций.

Параллельно с захватом двух километров укрепрайона Суэцкого канала спецподразделением боевых пловцов «707» и спецназом штаба Южного военного округа «Сайерет Шакед», морские командос «Шайетет-13» осуществили вторую высадку, на этот раз в западном секторе Суэцкого залива, в 14 километрах севернее города Рас-Гариб и 140 километрах южнее города Суэц.

Генштаб Армии обороны Израиля поставил перед морскими командос задачу уничтожить опорный пункт египетской береговой охраны, а также заложить мощные фугасы вдоль соединявшей города Рас-Гариб и Заафран автотрассы, имевшей важное стратегическое значение. Как и в случае с операцией «Виктория», уровень секретности был настолько высоким, что поначалу о планах операции «Тарнеголь-25» знал лишь узкий круг посвященных, включая командира морских командос подполковника Зеэва Альмога. Только за шесть дней до начала операции, 5 июня 1970 года, Альмогу было позволено посвятить в планы Генштаба своих бойцов и офицеров.

Изучив аэрофотоснимки района Рас-Гариб, сделанные накануне израильским самолетом-разведчиком, командир «Шайетет-13» пришел к выводу, что в принципе нет ничего, что могло бы помешать его морским командос провести незаметную высадку, обнаружить и уничтожить объект, предварительно заминировав автотрассу Рас-Гариб – Заафран. Как всегда, успех подобного рода операций на девяносто процентов зависел от неожиданности нанесения удара, учитывая тот факт, что действовать приходилось на вражеской территории, далеко от собственных границ, возможно, против значительно превосходящих сил противника. Пограничный опорный пункт египетской береговой охраны находился на расстоянии нескольких сотен метров от кромки моря. Он представлял собой небольшой полевой лагерь, окруженный укрепленными огневыми точками, в центре которого располагалось каменное строение. Поскольку израильтянам уже не раз приходилось высаживаться в этом районе, они хорошо были знакомы с местным береговым ландшафтом. Почти под прямым углом от кромки моря уходило неглубокое ущелье. Морские командос рассчитывали по горной тропе зайти в тыл опорного пункта египетской береговой охраны, миновав наблюдательные точки противника. Однако это ущелье могло послужить не только скрытым от чужих глаз удобным проходом, но и опасной ловушкой, местом, как нельзя лучше подходящим для организации засады. Даже при незначительной утечке информации ни у одного бойца «Шайетет-13», ступившего на побережье Рас-Гариба, не оставалось ни единого шанса на выживание. Именно по этой причине всё, что было хоть как-то связано с подготовкой высадки, было окутано непроницаемой завесой секретности.

Если в Средиземном море «Шайетет-13» могли воспользоваться ракетными катерами, чтобы вплотную подойти к ливанскому берегу, а затем спустить резиновые десантные лодки или вплавь достичь береговой полосы, то в Суэцком заливе суда даже таких незначительных размеров непременно были бы обнаружены египтянами. Подполковник Зеэв Альмог принял решение отказаться от помощи ВМФ и достичь зоны высадки на резиновых моторных лодках, а затем избавиться от них, поскольку на прикрытие кораблей ВМФ рассчитывать не приходилось. Для отхода можно было воспользоваться вертолетами ВВС, после выполнения задания они должны были забрать морских командос с египетской территории.

За три дня до начала операции «Виктория» и «Тарнеголь-25» морские командос покинули свою базу в Атлите на севере Израиля и двинулись в сторону Синайского полуострова. К точке общего сбора бойцы «Шайетет-13» выдвигались мелкими группами на обычных гражданских машинах, внутри которых были уложены боеприпасы, морская экипировка и сдутые резиновые моторные лодки. Одеты морские командос были в обычные брюки и футболки. Поскольку у египетских спецслужб на территории Синая среди местного бедуинского населения было достаточно осведомителей, пришлось прибегнуть к исключительным мерам предосторожности. Появление здесь израильских военных непременно привело бы всю египетскую армию в районе Суэцкого залива в состояние повышенной боевой готовности, что поставило бы под угрозу не только выполнение операции «Тарнеголь-25», но и жизни самих морских командос.

После мучительных сомнений подполковник Зеэв Альмог всё же поручил командовать высадкой морского десанта своему заместителю, майору Шаулю Зиву, хотя сначала его участие

в операции вообще не рассматривалось. Во время прошлогоднего захвата египетского острова Грин майор получил серьезное ранение ступни. Врачи даже подумывали о том, чтобы ампутировать ему часть ноги. Почти год тяжелого лечения, сопровождавшегося болезненными процедурами, пришлось выдержать Шаулю Зиву, чтобы вернуться в свое подразделение. Только после долгих уговоров и споров на повышенных тонах ему наконец-то удалось убедить командира «Шайетет-13» не только разрешить участие в операции, но и позволить руководить высадкой морских командос.

С наступлением сумерек, в 20:00, 11 июня 1970 года, восемь резиновых моторных лодок вышли в Суэцкий залив, взяв курс в направлении египетского побережья в районе Рас-Гариб. Море было спокойным и не создавало дополнительных сложностей легким десантным лодкам, на которых разместились бойцы «Шайетет-13». По мере приближения к району высадки лодки все более отдалялись друг от друга, чтобы избежать обнаружения локаторами береговой охраны.

Достигнув суши, командос выгрузили амуницию и залегли у самой кромки воды. Судя по последней информации, поступавшей по каналам АМАН, египтяне объявили береговую полосу закрытой военной зоной. Не исключалась возможность, что весь этот район был заминирован. Во всяком случае, майор Шауль Зив решил не рисковать. Собрав своих бойцов, он выслал несколько человек вперед, чтобы проверить, есть ли мины там, где они намеревались пройти к ущелью. Только после того как рассеялись все подозрения, морские командос вступили в основную стадию операции.

Поначалу колонну возглавил сам Шауль Зив. Он шел в окружении трех бойцов, входивших в состав передового командного пункта. За ним на расстоянии нескольких метров следовала группа лейтенанта Амишава Ханины. Кроме автоматов Калашникова и стандартного боекомплекта, они несли за плечами ручные противотанковые гранатометы. Амишав Ханина со своими людьми должен был захватить главное здание опорного пункта египетской береговой охраны, собрать найденные в нем документы и подготовить его к взрыву. За ними шла группа молодого лейтенанта Коби Гиносара. В задачу этой группы входил захват укрепленных точек, рассредоточенных вокруг египетского опорного пункта береговой охраны и их полное уничтожение. С этой целью в рюкзаках бойцы несли мощные взрывные устройства. Завершали колонну «Шайетет-13» две группы, которые должны были заминировать стратегически важную автотрассу Рас-Гариб – Заафран.

Несмотря на относительно небольшие расстояния, которые необходимо было преодолеть морскому десанту, переход оказался долгим и непростым. Видимость в ущелье была ограничена, лунный свет сюда практически не проникал, поэтому несколько бойцов передового дозора сразу отделились от основной группы и выдвинулись вперед. Стояла пугающая тишина. Однако в любой момент нависшие склоны могли взорваться автоматными очередями. Следовало идти как можно тише, поскольку любой, даже самый незначительный шум в ночных горах усиливается в несколько раз и разносится на многие километры.

Согласно полевым картам израильского Генерального штаба и данным аэрофотосъемки где-то рядом находилась автотрасса Рас-Гариб – Заафран. Ущелье выходило прямо на нее и расплзалось, словно устье реки. Ошибиться было невозможно. Если бы египтяне не объявили этот район закрытой военной зоной, была вероятность встретить на пути к объекту, на горной дороге, местных рыбаков или крестьян.

Постепенно склоны расступились, и ущелье плавно влилось в долину. Выйдя к центральной автотрассе, отряд морских командос разделился. Две группы минеров залегли недалеко от обочины дороги, чтобы по условленному сигналу заложить мощные фугасы, после чего выйти к точке общего сбора. Штурмовые группы лейтенанта Коби Гиносара и лейтенанта Ханины Амишава вместе с оперативным штабом майора Шауля Зива ушли на запад в направлении опорного пункта египетской береговой охраны – им пришлось сделать довольно боль-

шой круг, чтобы зайти именно с той стороны, откуда египетские пограничники не ожидали нападения израильтян.

Когда до опорного пункта египетской береговой охраны оставалось не более 200 метров, майор Шауль Зив приказал отряду остановиться и залечь, выслав вперед несколько бойцов передового дозора. Вернувшись через несколько минут, разведчики доложили, что, тщательно исследовав опорный пункт через приборы ночного видения, они не заметили следов египетских пограничников ни возле каменного здания, ни на укрепленных точках. Всё словно вымерло. (После того как израильские десантники начали совершать глубокие рейды, египтяне даже в глубоком тылу имели обыкновение выставлять ночных часовых.)

Со стороны это выглядело весьма странно. Видимая простота наводила на тяжкие сомнения. Что если египтяне обнаружили группу еще на подходе и решили устроить засаду, отрезав морским командос подступы к ущелью? С одной стороны, почему египтяне не устроили засаду в ущелье? С другой – попасть в засаду могли вертолеты, которые должны были прилететь, если морские командос оказались бы в западне. Так или иначе, поставленную задачу следовало выполнять. Майор Шауль Зив рассудил логично: если и суждено было нарваться на засаду, то какая разница, тут или на обратном пути в ущелье, если он решит отменить операцию.

Две группы морских командос стали ползком продвигаться в направлении объекта. Когда до опорного пункта египетской береговой охраны оставалось несколько десятков метров, майор Шауль Зив условленным жестом приказал всем остановиться и приготовиться к атаке. Затем приподнялся на колени и, дав длинную автоматную очередь, первым бросился вперед, ведя за собой остальных бойцов.

Лейтенант Ханина Амишав на бегу приказал гранатометчикам произвести залп по центральному зданию. Несколько снарядов «базуки» ударили в стену, вызвав возгорание и серьезные внешние повреждения. Прикрываясь густым дымом, группа лейтенанта Коби Гиносара вплотную приблизилась к укрепленным пулеметным точкам египтян и забросала их ручными гранатами. Однако, как оказалось, разведчики не ошибались, в них не было ни одного египетского пограничника. Параллельно группа лейтенанта Амишава Ханины прорвалась в центр опорного пункта и прижалась к стене каменного здания.

Лейтенант Эли Марик, участвовавший в операции в составе группы Амишава Ханины, со всего разгона попытался вышибить ногой входную дверь. Она не поддавалась. Мощная деревянная дверь плотно сидела на петлях и к тому же открывалась не внутрь, а наружу. Тогда он решил не тратить понапрасну время и, забежав за угол, метнул в окно фосфорную гранату. Но и тут его ждала неудача. Граната, покотившись по полу, так и не разорвалась. Лейтенант попросил такую же гранату у стоявшего поблизости командира группы. Вновь забежав за угол, он сорвал предохранительную чеку, но не успел ее метнуть. Граната сразу же разорвалась у него прямо в руке, выпрыснув на верхнюю часть его тела свою страшную химическую начинку. Объятый пламенем, обезумевший от невыносимой боли, он побежал, не разбирая дороги, сшибая всё на своем пути. В первые секунды остальные бойцы приняли его за египетского пограничника, выпрыгнувшего из окна, и чуть было не дали по нему автоматную очередь. Спасло его только то, что следом за ним бросился лейтенант Амишав Ханина. Нагнав Эли Марика, он сбил его на землю и стал тушить пламя, ножом соскабливая с его тела горящий фосфорный состав. (Как позже выяснилось, у лейтенанта Эли Марика серьезно пострадала рука, верхняя часть туловища и лицо. Однако ожоги не были столь глубокими, как показалось вначале. Своевременно оказанная помощь спасла его от смерти и инвалидности, в скором времени он вернулся в строй.)

На то, чтобы полностью уничтожить опорный пункт египетской береговой охраны, морским командос понадобилось не более пяти минут. Как выяснилось, там находились лишь двое египетских пограничников, и они крепко спали. Приведя в действие мощные взрывные

устройства, отряд майора Шауля Зива отошел к точке общего сбора, где их уже ожидал вертолет и две группы «Шайетет-13», заложившие восемь фугасов на центральной автотрассе, соединявшей Рас-Гариб с городом Заафран.

На следующий день в израильских средствах массовой информации было опубликовано короткое заявление пресс-атташе Армии обороны Израиля: «Силы Армии обороны Израиля захватили ночью египетский укрепрайон в западном секторе Суэцкого канала, севернее города Кантара, а также опорный пункт египетской береговой охраны, севернее города Рас-Гариб, западного сектора Суэцкого залива, 140 километров южнее города Суэц.

Силы, высадившиеся в египетском укрепрайоне в западном секторе Суэцкого канала, форсировали водную преграду, захватив большое количество бункеров и долговременных укрепленных точек на участке, протяженностью два километра. После этого бункеры были взорваны вместе с находившимися внутри них египетскими солдатами. Во время высадки было уничтожено по меньшей мере 20 египетских солдат вне бункеров, а также неопределенное количество погребено под развалинами взорванного укрепрайона. Во время этой операции погибло четверо солдат Армии обороны Израиля, 15 получили ранения, семеро из них – легкие.

Силы, высадившиеся в западном секторе Суэцкого залива и уничтожившие опорный пункт береговой охраны египетской армии, расположенный в 14 километрах севернее города Рас-Гариб, вернулись на свою базу без потерь».

В период между Шестидневной войной 1967 года и войной Судного дня 1973 года спецподразделения Армии обороны Израиля провели больше всего спецопераций в глубоком тылу египтян. Нежелание признать результаты Шестидневной войны подтолкнуло арабские страны, в первую очередь Египет, к развязыванию войны на истощение, вошедшей в мировую историю как Тысячедневная война. Это была не война в обычном понимании, а постоянные провокации вдоль границ, обстрелы приграничных поселений, прорывы диверсионно-террористических групп вглубь территории Израиля. В качестве ответной меры ВВС Израиля не прекращали авианалеты на военные и гражданские объекты египтян в районе Суэцкого канала. Практически все египетские города вдоль линии военного противостояния опустели, превратившись в города-призраки. Миллионы египтян, вынужденные искать убежища от налетов израильской авиации в других, более спокойных районах страны, лишились крова. Параллельно с этим спецподразделения Армии обороны Израиля не прекращали диверсионные акции в глубоком тылу египтян. Основная задача спецопераций состояла в том, чтобы ослабить египетское давление, главным образом, в районе Суэцкого канала. В конечном итоге это было достигнуто за счет психологического и физического воздействия на всё египетское общество и его политическую систему. Проводя диверсии в глубоком тылу египтян, израильтяне давали ясно понять: «Всё, что вы можете сделать, мы можем сделать намного лучше вас, поэтому не стоит с нами связываться». В общей сложности в спецоперациях Израиля было задействовано от 500 до 800 бойцов. Тем не менее они смогли посеять в многомиллионной египетской армии страх и панику. Вместо того чтобы сконцентрировать силы в районе Суэцкого канала, египтяне были вынуждены рассеять свои подразделения по всей территории страны для охраны своих объектов. Всё это сковало египетские вооруженные силы, существенно ограничив их активность в районе Суэцкого канала.

Война на истощение не только не принесла положительных результатов, но и вызвала в египетском обществе глубокий политический кризис. Синайский полуостров, захваченный Израилем в Шестидневной войне, стал своего рода буферной зоной между египетскими вооруженными силами и израильским гражданским населением. А египетские города стали заложниками вооруженного противостояния. Всё это подтолкнуло президента Насера запросить о прекращении огня. Соглашение было подписано 7 августа 1970 года, спустя 1000 дней после начала войны на истощение, при посредничестве госсекретаря США Уильяма Род-

жерса. Согласно официальным израильским источникам, в годы вооруженного противостояния Армия обороны Израиля потеряла 721 человек убитыми и 1500 ранеными. Египетская сторона потеряла убитыми около 3000 человек.

Подводя итоги Тысячедневной войны, приведу некоторые выводы и замечания Якова Кедми, бывшего руководителя одной из израильских разведслужб:

«Египетские вооруженные силы вдоль канала состояли из пяти пехотных, двух механизированных и двух бронетанковых дивизий. Кроме того, несколько полков охраны и обслуживания.

С израильской стороны была неполная бронетанковая дивизия.

Что касается спецназа, то Израиль мог задействовать не более 3–4 рот, а с египетской стороны было несколько бригад коммандос, бригада ВДВ и бригада морской пехоты.

Так что растягивание линии фронта и позиционная война были выгодны Египетской армии, а не Армии обороны Израиля. Силы Египетской армии в несколько раз превосходили израильскую. Основное преимущество Армии обороны Израиля – маневренность и способность к эффективным маневренным боям – не было реализовано, поскольку всё свелось к навязанной ей позиционной войне. Более 700 убитых, постоянная мобилизация резервистов и огромные военные расходы были не по силам Израилю, что нельзя было сказать о Египте.

Соглашение о прекращении огня было принято после того, когда поставленные СССР полки ракет ПВО: САМ2, САМ3, САМ6, которые создали эшелонированную систему ПВО, нейтрализовали израильские ВВС и сделали невозможными воздушные атаки объектов в глубине Египта.

Кроме того, египтяне рассчитывали под прикрытием соглашения о прекращении огня продвинуть систему ПВО к самому каналу и нейтрализовать действия израильских ВВС на расстоянии 10–15 километров к востоку от канала. Что и произошло.

Прибытие летчиков советских ВВС имело целью осуществление разведывательных полетов МиГ-25 над Шестым флотом США и всем Ближним Востоком. Истребительные подразделения прибыли для охраны советских сил, а не для боев с израильской армией. Два воздушных боя были незапланированными и случайными, по инициативе местного командования.

Война на истощение только подняла мораль и боеспособность египетской армии, полностью деморализованной после Шестидневной войны. Наоборот, моральный настрой израильских солдат и общества был снижен в результате войны на истощение из-за ее продолжительности и постоянных потерь. Операции спецназа не оказали никакого влияния на развитие событий и в лучшем случае служили поднятию престижа отдельных воинских подразделений и командования».

Глава четвертая

1970 год. «Черный сентябрь»

*Дорога в Иерусалим идет через Амман.
Жорж Хабаш, основатель и председатель НФОП*

В июле 1967 года в одном из уличных кафе Дамаска состоялась встреча Ясира Арафата (ФАТХ) и доктора Жоржа Хабаша (будущий лидер НФОП). Доктор Хабаш выглядел угнетенным и подавленным. Неожиданная сокрушительная победа Армии обороны Израиля над войсками арабской коалиции и потеря Западного берега реки Иордан для него стали крахом всех надежд. «Всё потеряно», – тихо причитал Жорж Хабаш, размазывая слезы по лицу. Арафат рассуждал иначе: «Жорж, по-моему, ты ошибаешься, это только начало...» Слова Ясира Арафата стали пророческими. Но в те послевоенные дни практически все палестинские лидеры были морально раздавлены. «...Я плакал как ребенок. Мы так рассчитывали на военную поддержку братских арабских стран, а они так бездарно проиграли войну...» – спустя много лет вспоминал Абу Джихад, один из ближайших соратников Арафата. Многие влиятельные палестинские лидеры готовы были отказаться от вооруженной борьбы и начать строить новую жизнь где-то далеко, на другом краю света, возможно, даже за пределами арабо-мусульманского мира. Поэтому одним из главных достижений Арафата стала внутренняя победа, одержанная им на заседании ЦК ФАТХ, собранном сразу после окончания Шестидневной войны. Арафат смог убедить руководство своей организации продолжить вооруженное сопротивление, невзирая ни на какие жертвы. Последовав примеру ФАТХ, к вооруженной борьбе сразу же присоединились и другие палестинские лидеры. В декабре 1967 года доктором Жоржем Хабашем и доктором Вадиа Хаддадом при поддержке Сирии была образована палестинская террористическая организация «Народный фронт освобождения Палестины» (НФОП). Через 14 месяцев, в феврале 1969 года, Найеф Хауатме создал «Народно-демократический фронт освобождения Палестины» (НДФОП)¹². Тогда же иракское руководство партии БААС образовало «Арабский фронт освобождения». В 1968 году от НФОП отделилась фракция Ахмада Джибриля, создавшая свою организацию под названием «Народный фронт освобождения Палестины – Общее командование» (НФОП – ОК). Итак, до середины 1980-х годов появлялись и исчезали десятки палестинских террористических организаций и групп¹³, большинство из которых вошли в состав «Организации освобождения Палестины» (ООП). Зачастую они имели острые идеологические разногласия и даже вступали в вооруженные конфликты, спонсировались арабскими государствами, ведшими между собой непримиримую борьбу за влияние на ближневосточном геополитическом пространстве. Однако у всех этих палестинских организаций, групп и фракций была одна общая составляющая – желание любыми средствами уничтожить еврейское государство.

Краткая справка

«Народно-демократический фронт освобождения Палестины» (НДФОП) был официально основан 22 февраля 1969 года как левая террористическая организация марксистско-троцкистского уклона. Ее стержень составили бывшие активисты НФОП с марксистскими взглядами,

---

¹² Более подробно деятельность этой палестинской террористической организации описана в книге Александра Брасса «Между Лениным и Арафатом».

¹³ Речь идет о неисламских, «светских» террористических организациях.

вышедшие из состава организации, недовольные, по их мнению, недостаточно революционно-радикальной политикой Жоржа Хабаша.

На первом же съезде НДФОП ее генеральным секретарем был избран Найеф Хауатме, недавний ближайший сподвижник Жоржа Хабаша, стоявший рядом с ним у истоков создания НДФОП.

В основу идеологии новой террористической организации лег так называемый красный террор. Проповедовали полный разрыв с реакционными буржуазными арабскими режимами, уничтожение Израиля и построение на освобожденных от сионистов и империалистов землях Палестины независимого рабоче-крестьянского демократического государства арабов и евреев.

Найеф Хауатме удачно лавировал между искусной демагогией о необходимости нахождения политического диалога в разрешении острых конфликтов и проведением террористических актов против израильских гражданских объектов. Для достижения своих политических целей он не чурался никаких методов. В его арсенале были захваты заложников, организация мощных взрывов на самых людных израильских улицах, а также проведение кровавых рейдов малыми мобильными группами боевиков с территории Ливана и Иордании.

По инициативе Ясира Арафата, желавшего любой ценой ослабить влияние Жоржа Хабаша, НДФОП сразу после своего образования был введен в состав ООП, став после ФАТХ одной из наиболее влиятельных палестинских террористических организаций.

Разгром арабских армий в Шестидневной войне 1967 года завершился оккупацией Западного берега реки Иордан и массовым исходом местного арабского населения на территорию соседней Иордании. В результате оккупации сотни хорошо подготовленных палестинских боевиков, имевшие опыт ведения террористической и партизанской войны с Израилем, оказались в пределах Хашимитского королевства. Таким образом, в конце 1960-х – начале 1970-х годов на территории Иордании было сосредоточено большинство палестинских террористических группировок. Иордания представляла для палестинцев надежное убежище и удобный плацдарм, с которого они рассчитывали начать освобождение всей Палестины, от Западного берега реки Иордан до самого побережья Средиземного моря. Но вскоре палестинцы поняли, что эта стратегия могла быть реализована только при условии свержения правящей королевской династии. Король Хусейн не желал ни вступать в новую войну с Израилем, ни рисковать ради ООП и палестинских беженцев, наводнивших его страну¹⁴. Нередко иорданская армия намеренно выступала буфером между израильянами и палестинцами. Так, 13 ноября 1967 года во время рейда израильянов на приграничную деревню Ас-Саму иорданская армия отказалась пропустить отряды «Армии освобождения Палестины»¹⁵ для «отражения израильской агрессии». Раздражение и недовольство палестинцев росло. Недавний призыв Ахмада Шукейри¹⁶ к низложению короля Хусейна теперь, в 1968 году, был как никогда актуален, вновь прозвучав из уст доктора Жоржа Хабаша: «Дорога в Иерусалим идет через Амман». В ответ на бесконечные провокации вдоль своей восточной границы и непрекращающиеся диверсии израильская авиация наносила удары по инфраструктуре ФАТХ, нередко причиняя серьезный ущерб иорданским гражданским и военным объектам.

---

¹⁴ Палестинские беженцы 1948 и 1967 годов составляли более половины населения Иордании.

¹⁵ «Армия освобождения Палестины» – палестинская военизированная организация, созданная в 1964 году как официальное боевое крыло ООП. До Шестидневной войны (1967) численность АООП составляла около 14 тысяч человек.

¹⁶ Ахмад Шукейри – первый председатель (1964–1969) ООП.

Краткая справка

ФАТХ, или Национально-освободительное движение Палестины, – самая крупная и значительная палестинская террористическая организация, входящая в состав ООП.

Официально создание ФАТХ было провозглашено в Каире 1 января 1965 года, хотя ее основы как палестинского националистического движения были заложены в Кувейте в 1959 году группой палестинских студентов под руководством Ясира Арафата.

ФАТХ придерживается левой буржуазно-националистической идеологии. Удачно совмещает политическую демагогию и откровенный терроризм. Имеет наибольшее влияние в Организации освобождения Палестины. В основном за счет председательства покойного Ясира Арафата ФАТХ оказал существенное влияние на формирование лица палестинского национального движения.

Наибольшего обострения пограничный конфликт достиг 18 марта 1968 года, после того как палестинские террористы, проникшие в Израиль с территории Иордании, заложили мощное взрывное устройство на дороге, ведущей из Тель-Авива в пустыню Негев. В результате взрыва школьного экскурсионного автобуса погибли трое сопровождающих – два учителя и врач, 16 детей получили ранения. Это был уже 38-й теракт с начала нового 1968 года. Терпению израильского общества пришел конец, оно требовало от своего правительства решительных действий, которые положили бы конец непрекращающимся диверсиям палестинских террористов.

Израильское руководство и Генштаб несколько месяцев готовили широкомасштабный рейд против террористических баз, обосновавшихся в палестинских деревнях в приграничных с Израилем районах. Основной удар предполагалось нанести по деревне Караме. Операция получила кодовое название «Инферно». Согласно разведывательным данным, в Караме располагалась база ООП, в которой находилось по меньшей мере 900 боевиков ФАТХ, а также штаб-квартира Ясира Арафата. Группировка Армии обороны Израиля включала в себя подразделения 60-й и 5-й бронетанковых бригад, 35-й бригады ВДВ и 80-й пехотной бригады, а также инженерно-штурмовой батальон «8173» при поддержке пяти батарей артиллерии. В общей сложности в антитеррористическом рейде планировалось задействовать более 15 тысяч человек. Командование операцией было возложено на генерала Узи Наркиса, командовавшего Центральным фронтом Армии обороны Израиля во время Шестидневной войны. Такое скопление живой силы и техники невозможно было скрыть. Иорданцы также начали наращивать концентрацию сил вдоль своей границы на участке протяженностью 110 километров, доведя свою группировку до 15 тысяч человек. Она включала в себя 1-ю пехотную дивизию и 60-ю бронетанковую бригаду, усиленную противотанковыми средствами и артиллерией. В боях приняла участие также «Армия освобождения Палестины», в состав которой входили боевики ФАТХ, НФОП и других палестинских группировок, находившихся в тот момент в Иордании. Израильцы заметили наращивание иорданских сил вдоль границы, но в Иерусалиме ошибочно посчитали, что король Хусейн и на этот раз не станет вмешиваться в палестино-израильский приграничный конфликт, всего лишь создаст оборонительный плацдарм, который не позволит Армии обороны Израиля продвинуться вглубь территории Иордании. За эту ошибку израильцам пришлось заплатить высокую цену. Задолго до восхода солнца 21 марта 1968 года израильский инженерно-штурмовой батальон под прикрытием боевых вертолетов начал наводить переправу через реку Иордан в районе мостов Малик Хусейн и Дамия. Одновременно с переправой пехотных и бронетанковых частей 35-я бригада ВДВ произвела высадку с вертолетов к северу от деревни Караме. Уже в первые часы продвижение израильцев было останов-

лено вмешательством регулярной иорданской армии. Несмотря на массированную бомбардировку израильскими ВВС, иорданцы оказали упорное сопротивление. В самой Караме, которая была превращена палестинцами в мощный укрепленный район, десантники и пехотинцы столкнулись с ожесточенным сопротивлением «Армии освобождения Палестины» и других палестинских военизированных группировок. Преимущество иорданцев и палестинцев в живой силе и технике было ощутимо. Плохое планирование операции, неукомплектованность бригад и другие ошибки, допущенные израильским командованием, чуть не превратились в крупную военную катастрофу. Более 15 часов продолжался бой, пока израильское командование не отдало приказ к отступлению. Неся потери, израильтяне с большим трудом отошли на свою территорию, оставляя на поле боя убитых, чего раньше никогда не было.

Потери израильтян составили 30 человек убитыми и 69 ранеными. На поле боя остались один подбитый танк, два броневика и два полугусеничных бронетранспортера. Один самолет ВВС Израиля получил повреждения и потерпел крушение при посадке на своем аэродроме. Потери иорданцев составили более 80 человек убитыми, четверо иорданских военнослужащих были взяты в плен, около 30 подбитых танков и автомашин. Палестинцы потеряли около 120 человек убитыми, примерно 150 боевиков были захвачены в плен.

Спустя несколько дней, после иордано-израильских переговоров, было подписано соглашение о прекращении огня. Тела погибших израильских солдат обменяли на пленных иорданцев и часть палестинцев. Каждая из сторон конфликта заявила о своей победе. С иорданской точки зрения, «израильская агрессия» была остановлена. Вплоть до мая 1969 года Армия обороны Израиля воздерживалась от попыток вторжения на территорию Иордании. С точки зрения израильтян, цели операции были полностью достигнуты. Опорный пункт ООП в деревне Караме был разрушен до основания и не подлежал восстановлению. Палестинцы понесли тяжелые потери и вынуждены были перенести свои базы вглубь территории Иордании, что существенно усложнило осуществление террористических вылазок. На иордано-израильской границе воцарилось относительное спокойствие.

Арафат представил эту сомнительную победу как безусловное достижение ФАТХ. Хорошо налаженная пропагандистская машина ООП показала на примере 21 марта, что с израильской армией можно сражаться и побеждать. Это повысило престиж ФАТХ как среди палестинцев, так и среди лидеров арабских стран. За один год ФАТХ увеличился до 15 тысяч боевиков, став самой многочисленной и влиятельной палестинской организацией в ООП. После «победы» в Караме ООП стала легально открывать свои представительства, базы и учебные лагеря на территории Иордании, Сирии, Египта и Ирака, набирать добровольцев из числа сирийцев, иорданцев, ливанцев и граждан других арабских стран. Огромные денежные потоки устремились на счета ООП.

Король Хусейн, естественно, был возмущен израильской антитеррористической операцией, однако укрепление ФАТХ и других палестинских террористических организаций тревожило иорданского монарха в гораздо большей степени. Король словно оказался между молотом и наковальней. Неверно оценив приоритеты, он совершил абсолютную стратегическую ошибку, открыто выразив солидарность с палестинцами: «Мы все должны стать фидаинами¹⁷!» Однако эти слова обратились против него самого. Пред всем арабским миром иорданский монарх продемонстрировал свое бессилие, зависимость от ФАТХ и других террористических организаций, входивших в состав ООП. Вместо лояльности иорданскому режиму ООП стала с 1968 года создавать на территории Иордании «государство в государстве» и идти на откры-

---

¹⁷ *Фидаин*, или *фидаи*, – происходит от персидского «фидайи» (буквально «жертвующий», «жертвующий собой во имя веры или идеи»). Впервые термин был введен членами средневековой исмаилитской секты Ассасинов. В настоящее время термин «фидаин» широко используется в арабо-мусульманском мире бойцами революционных и национально-освободительных движений, а также членами террористических организаций. Отличается от термина «шахид». «Шахид» – террорист-смертник, «фидаин» – боец.

тое обострение с королем. Главным козырем ООП стали лагеря палестинских беженцев, которые Арафат грозился вооружить и направить против правительственных войск. Гражданская война сулила огромные жертвы среди мирного населения, Иордания могла оказаться в политической изоляции, и вся вина была бы возложена на короля. Такой сценарий никак не устраивал Хусейна. До 1970 года он еще пытался найти пути мирного разрешения иордано-палестинского кризиса.

Таким образом, неуверенная внутренняя политика Иордании, бросающаяся из крайности в крайность от робких заигрываний с палестинцами до жестоких репрессий, с каждым днем невольно сталкивала страну в хаос гражданской войны. Сам король Хусейн уже не знал, какой район подчинялся ему, а какой контролировался местными палестинскими полевыми командирами. Фактически страна была разделена на сферы влияния между ФАТХ, НФОП, НДФОП и другими менее значительными палестинскими группировками. Палестинцы установили контроль над несколькими стратегическими пунктами и объектами, занимались неприкрытыми рейдерскими захватами, контрабандой, пытались подмять под себя нефтеперерабатывающую промышленность. Но самое страшное состояло в том, что палестинские лидеры поставили под вопрос легитимность иорданской монархии. Вступив в открытый союз с другими группировками, объявленными в Иордании вне закона, «Арабским национальным движением», баасистами и коммунистами, палестинские лидеры открыто заявили о необходимости смены власти и установления на Восточном берегу Иордана нового политического режима. Намерения вновь созданного «альянса» поддержала Сирия, которая не скрывала своего интереса ко внутренним иорданским делам. Сирийское руководство, способствовавшее созданию НФОП доктора Жоржа Хабаша, поддерживало прямой постоянный контакт с Ясиром Арафатом. Иными словами, правление Хашимитской династии было в великой опасности.

После призыва к государственному перевороту король Хусейн был вынужден перейти к более решительным действиям. В ноябре 1968 года произошло несколько жестоких стычек между палестинскими группировками и правительственными войсками, основу которых составляли верные иорданскому монарху бедуинские кланы. Несмотря на безграничную преданность армии, король Хусейн понимал, что власть ускользала из его рук. 10 февраля 1970 года иорданский монарх провел показательную акцию устрашения. Королевская армия окружила лагерь палестинских беженцев Аль-Бакаа, расположенный возле иорданской столицы, и прордержала его в полной осаде около недели. Опираясь на поддержку армии, король Хусейн ввел существенные ограничения в отношении прав беженцев, ужесточив режим пребывания палестинцев на территории Хашимитского королевства. Ограничения, в частности, коснулись прав на свободное перемещение, ношение оружия, проведение демонстраций и выпуск газет. Это вызвало еще большие волнения и привело к гибели десятков палестинцев. В конечном итоге король Хусейн очередной раз пошел на уступки и отменил почти все введенные ограничения, лишней раз показав палестинцам слабость своего трона. Лидеры палестинских террористических организаций, входивших в ООП, сделали выводы из событий января – февраля 1970 года и несколько ослабили нажим, но лишь для того, чтобы выждать более удобный момент для захвата власти.

Такой случай представился в апреле того же года накануне визита специального посланника госсекретаря Соединенных Штатов Джозефа Сиско, совершавшего дипломатический тур по Ближнему Востоку. Инициатором самых крупных массовых беспорядков за весь послевоенный период Иордании выступил «Народный фронт освобождения Палестины», во главе которого стоял один из самых непримиримых врагов Израиля и Иордании доктор Жорж Хабаш. В апреле 1970 года около 15 тысяч палестинцев вышли на улицы Аммана. Мирные демонстрации очень быстро (вполне спланированно) переросли в жестокие «неуправляемые» массовые беспорядки. Громились магазины, государственные и общественные учреждения, захватывались заложники из числа иностранцев и госслужащих. В Амман по приказу короля Хусейна были

введены крупные воинские соединения, которыми командовал кузен иорданского монарха фельдмаршал Шариф Зайд ибн Шакер. Дворец Баснам, официальная резиденция короля Хусейна, был взят под охрану иорданскими коммандос из бригады «Сайква» (Буря). Однако это не помешало палестинцам совершить покушение на иорданского монарха. 9 апреля в районе города Зарка кортеж короля Хусейна был обстрелян из засады. Королю чудом удалось избежать гибели. На следующий день, 10 апреля 1970 года, он был вынужден подписать с палестинцами унижительный мирный договор. По требованию палестинцев король отправил в отставку Шарифа Зайда ибн Шакера и назначил в стране палестинское правительство. Произошли также серьезные перестановки в иорданском парламенте, большую часть которого составили депутаты от палестинских партий. Тем не менее этот договор никак не повлиял на стабилизацию внутренней ситуации в стране. В июне 1970 года попытка разоружить палестинскую милицию переросла в открытый вооруженный конфликт. Противостояние иорданских властей и палестинцев вступило в новую фазу. Посредниками в улаживании конфликта выступили некоторые арабские страны, но действия палестинских боевиков срывали любые попытки найти мирный путь разрешения кризиса. Очередную порцию масла в огонь подлили параллельные переговоры между Египтом и Израилем.

В конце июля 1970 года благодаря усилиям американской дипломатии удалось усадить за стол переговоров давних врагов. 7 августа 1970 года между Израилем и Египтом было достигнуто двустороннее соглашение о прекращении огня. Палестинцы пришли в ярость. Объявив президента Египта Гамаль Абдель Насера предателем арабских интересов, палестинцы очередной раз обратили взор в сторону иорданской короны, опасаясь, что Иордания также близка к подписанию с Израилем договора о прекращении огня.

Тревоги палестинцев были не так уж далеки от истины. Как это ни парадоксально, но первые контакты между Иорданией и Израилем состоялись еще в 1963 году. С тех пор, особенно после событий сентября 1970 года, руководители иорданских и израильских спецслужб поддерживали довольно тесные контакты. По линии «Моссада» и иорданского «Мухарабата»¹⁸ шел интенсивный весьма плодотворный обмен информацией. «Мухарабат» регулярно информировал израильские спецслужбы о любых изменениях в радикальной арабской среде и готовящихся террористических акциях. Обмен секретной информацией был серьезным подспорьем в укреплении безопасности Израиля. В свою очередь, «Моссад», АМАН и ШАБАК¹⁹ предупреждали иорданского монарха обо всех заговорах против него. Фактически израильские спецслужбы возложили на себя заботу о личной безопасности короля Хусейна. Одним из плодов иордано-израильской «тайной дипломатии» явилось то, что Иордания, одна из самых активных участниц Лиги арабских государств, неоднократно требовавшая от Израиля отхода со всех оккупированных территорий, не приняла участие в войне Судного дня 1973 года. Хашимитское королевство, как никакая другая арабская страна, было заинтересовано в подписании мирного договора с Израилем, однако то, что мог позволить себе следующий президент Египта Анвар Садат в 1978 году²⁰, было недостижимо для короля Хусейна. Маленькая нищая Иордания, с бесконечными внутренними проблемами, не решалась пойти на открытую нормализацию отношений с еврейским государством. Арабская изоляция была губительна для Иордании. Кроме того, осторожный Хусейн никогда не забывал о трагической участи своего деда. Основатель иорданской династии Хашимитов Абдалла I ибн Хусейн был убит палестинским террористом 20 июля 1951 года на пороге мечети Аль-Акса в Восточном Иерусалиме.

¹⁸ «Мухарабат» – иорданская спецслужба, в основном выполняющая контрразведывательные функции.

¹⁹ ШАБАК – Общая служба безопасности Израиля, занимается контрразведкой и обеспечением внутренней безопасности.

²⁰ Невзирая на антиизраильские настроения египетского населения, собственного военно-политического окружения и арабо-мусульманского мира Анвар Садат не побоялся вступить в открытые мирные переговоры с Израилем, завершившиеся 26 марта 1979 года заключением мирного договора между Израилем и Египтом на основе Кэмп-Дэвидских соглашений.

Причиной покушения стала проводимая им пробританская политика и желание наладить добрососедские отношения с Израилем.

Король Хусейн 1 сентября 1970 года очередной раз выдвинул палестинцам требование прекратить все нападки на свою власть. В ответ палестинские боевики совершили на него очередную неудачную попытку покушения. А спустя пять дней, 6 сентября 1970 года, НФОП угнал сразу три пассажирских самолета европейских авиакомпаний, посадив их недалеко от иорданской столицы, на заброшенной взлетно-посадочной полосе бывшего британского аэродрома «Донсонс Филд». Более 300 граждан европейских стран оказались в заложниках у НФОП. Авиаугонщики сразу перевезли заложников в Амман, а затем отделили группу из 56 человек – летный состав и пассажиров еврейской национальности. Угрожая расправой над заложниками и новой серией терактов, НФОП потребовал освободить палестинскую террористку Лейлу Али Халед²¹, а также сотни своих соратников, заключенных в израильских и европейских тюрьмах. Ультиматум короля Хусейна «повис в воздухе», поскольку репрессивные меры против палестинских боевиков могли спровоцировать угонщиков на агрессивные действия в отношении заложников. Переговоры длились шесть дней. Тем временем 9 сентября 1970 года в небе над Персидским заливом террористами НФОП был захвачен и угнан в Иорданию четвертый пассажирский самолет, принадлежавший британской авиакомпании «ВОАС». В итоге Великобритания согласилась освободить Лейлу Али Халед. Террористы сразу отпустили часть «европейских» заложников – женщин и детей. Опасаясь ответного удара, 12 сентября НФОП взорвал пустые авиалайнеры. Спустя несколько дней швейцарских и западногерманских граждан обменяли на большой денежный выкуп. Освобождение остальных заложников стало возможным благодаря начатой 16 сентября 1970 года широкомасштабной военной операции по изгнанию ООП из Иордании.

Освобождение заключенных террористов было главной причиной угонов пассажирских самолетов, но были и другие цели. НФОП ставил перед собой не менее важную задачу – дискредитацию короля Хусейна и привлечение внимания мирового сообщества к палестинской проблеме. Как только НФОП приступил к захвату пассажирских авиалайнеров европейских компаний, палестино-израильское противостояние сразу вышло за рамки регионального конфликта. Европейские граждане стали невольными потенциальными заложниками. Следует понимать, что в те дни король Хусейн пребывал под сильным внешним давлением со стороны мирового сообщества, обеспокоенного непрекращающимися угонами самолетов на иорданскую территорию. Действия НФОП и других палестинских группировок формировали негативный образ Иордании как рассадника терроризма. В сентябре 1970 года король был вынужден начать подавление палестинских террористических организаций, восстанавливая контроль над ситуацией в стране. «Инициатива» Жоржа Хабаша и Вадиа Хаддада развязала руки Хусейну и дала возможность послать танки в лагерь палестинских беженцев, не опасаясь реакции мирового сообщества.

Военное положение было объявлено в Иордании 16 сентября 1970 года. В тот же день Ясир Арафат провозгласил себя главнокомандующим «Армии освобождения Палестины». Началась гражданская война, закончившаяся быстрым разгромом ООП и ее сирийских союзников. США сразу заявили о своей поддержке короля, направив Шестой флот в Восточное Средиземноморье. Армия обороны Израиля также предложила помощь Иордании. Однако Хусейну не потребовалась ни помощь Израиля, ни помощь США. Его регулярная армия, воспитанная в британских военных традициях, считалась одной из сильнейших на Ближнем Востоке. Палестинцы были обречены изначально. Даже вмешательство Сирии не могло спасти

---

²¹ 6 сентября 1970 года Лейла Али Халед вместе с никарагуанцем Патрисио Аргуэльо предприняла неудачную попытку захвата пассажирского самолета израильской авиакомпании EL AL, следовавшего рейсом Амстердам – Нью-Йорк. Аргуэльо был застрелен израильским охранником, а Лейла Али Халед обезоружена пассажирами. Пилот совершил экстренную посадку в лондонском аэропорту Хитроу, где Лейла Али Халед была передана в руки британской полиции.

ООП от неминуемой военной катастрофы. Перевес иорданской регулярной армии был абсолютным. 74 тысячи хорошо обученных военнослужащих выступили против 40 тысяч полувоеенизированных палестинских формирований.

Бригада войск специального назначения «Сайква» 17 сентября 1970 года атаковала лагерь палестинских беженцев по всей территории Иордании. Только за один день было убито несколько тысяч палестинцев, большинство из которых нашли смерть прямо под гусеницами танков. Сирия активно поддержала ООП, начав 19 сентября интервенцию в Иорданию. Усиленная бронетанковыми частями сирийская дивизия в составе 10 тысяч человек вторглась в пределы Хашимитского королевства. Она была остановлена иорданскими сухопутными войсками и ВВС. Потеряв около 2 тысяч убитыми, ранеными и пленными, сирийцы вынуждены были бежать, оставив на поле боя девяносто процентов бронетехники.

Иорданская армия 24 сентября 1970 года нанесла сокрушительное поражение палестинцам. Хотя отдельные стычки между правительственными войсками и небольшими террористическими группировками палестинцев продолжались вплоть до июля 1971 года, в сентябре 1970 года исход гражданской войны был предрешен²². Ясир Арафат спешно бежал в Каир, оставив свою «армию» на произвол судьбы. Общие потери палестинцев, включая гражданское население, составили более 20 тысяч человек, 150 тысяч палестинцев вынуждены были бежать из Иордании в соседние арабские страны.

При посредничестве президента Египта и лидеров других арабских стран 27 сентября 1970 года в Каире было подписано мирное соглашение между королем Хусейном и Ясиром Арафатом. Согласно некоторым пунктам «Каирского соглашения» ООП переносила свои базы в соседний Ливан. Таким образом, события «черного сентября» закончились полным изгнанием ООП из Иордании.

Месть палестинцев королю Хусейну не заставила себя долго ждать. Зимой 1970 года в рядах ФАТХ зародилась новая террористическая группа «Черный сентябрь», взявшая себе название в память о трагических событиях 17 сентября. Созданная специально для открытия «антииорданского фронта», относительно небольшая, но глубоко законспирированная группа за неполные четыре года существования зарекомендовала себя как одна из наиболее эффективных террористических организаций второй половины XX века. По своей непримиримости, дерзости и жестокости эта организация превзошла таких ультрарадикальных террористических мэтров, как Жорж Хабаш, Найеф Хауватме, Абу Джихад и Вадиа Хаддад. Хотя инициатива создания «Черного сентября» исходила от правого крыла ФАТХ, она сразу же была поддержана Ясиром Арафатом и остальными лидерами организации. «Черный сентябрь» не был очередной террористической группой, он стал символом непримиримости.

Помимо мести иорданскому руководству Арафат возложил на «Черный сентябрь» выполнение разведывательных функций. Группа рассматривалась как своего рода спецслужба ФАТХ. Под прикрытием «Черного сентября» ФАТХ мог проводить диверсии против гражданских объектов, совершать убийства политиков и государственных деятелей, захватывать заложников, не опасаясь обвинения в международном терроризме.

Вместе с тем «Черный сентябрь» с первых дней существования был неотъемлемой частью ФАТХ. Во-первых, он главным образом состоял из активистов ФАТХ. В руководстве «Черного сентября» стояли высокопоставленные функционеры ФАТХ из личного окружения Арафата. Во-вторых, «Черный сентябрь» использовал инфраструктуру ФАТХ, а также финансировался из его бюджета. В-третьих, «Черный сентябрь» подчинялся непосредственно Ясиру Арафату, который лично назначал на руководящие посты тех или иных активистов ФАТХ. Ключевыми фигурами организации стали: протеже Арафата Али Хасан Саламе (известный в

---

²² 26 марта 1971 года возобновились боевые действия между иорданской регулярной армией и палестинскими боевиками.

палестинской среде как Абу Хасан) и личный заместитель Арафата, руководитель разведки ООП Салах Халаф, более известный как Абу Ияд.

«Черный сентябрь» почти год собирал информацию о первых лицах Хашимитского королевства, после чего устроил настоящую охоту на иорданских дипломатов, государственных и политических деятелей. Не случайно первой жертвой террористов стал иорданский премьер-министр Васфи эт-Таль. Именно он рассматривался «Черным сентябрем» как главный виновник «геноцида палестинского народа». В частности, ФАТХ вменял ему личное участие в пытке полевого командира Абу Али Аяда.

Палестинцам стало известно, что Васфи эт-Таль лично возглавит иорданскую делегацию в работе Совета обороны арабских стран (СОАС), который должен был собраться в египетской столице в ноябре 1971 года. Али Хасан Саламе понимал, что в самой Иордании шансы успешного покушения на одного из самых охраняемых лиц государства сведены к нулю. Однако в Египте, где благодаря приходу к власти Анвара Садата многие палестинские экстремисты оказались на свободе, у «Черного сентября» было огромное число сторонников.

За несколько дней до прибытия официальной иорданской делегации в Каир по фальшивым сирийским паспортам прибыли трое палестинцев: Азад Абдель Фатах, Даувад Багдади и Муназир Халифа. Все были активными членами террористической организации «Черный сентябрь».

В связи с неоднократными попытками палестинских террористов совершить покушение на первых лиц иорданского государства были предприняты беспрецедентные меры безопасности. Иорданская делегация разместилась в 17 номерах пятизвездочного отеля «Шератон». По просьбе иорданского «Мухабарата» из отеля были выселены все жильцы, а сам комплекс «Шератон» был взят в живое кольцо египетской армией и жандармерией. Чтобы не привлекать внимание, у входа в отель даже не вывесили флаг Хашимитского королевства.

Примерно в 15:40 28 ноября 1971 года кортеж 52-летнего премьер-министра Иордании подъехал к отелю. Выйдя из машины в окружении многочисленных телохранителей, Васфи эт-Таль вместе с супругой и министром иностранных дел Иордании стал подниматься по ступенькам отеля. Когда премьер-министр почти вошел в гостиничный холл, по нему открыли стрельбу из автоматического оружия. Нападавших было трое. В доли секунды тело Васфи эт-Талья изрешетили автоматные очереди. Министр иностранных дел Иордании, находившийся в этот момент возле Васфи эт-Талья, а также один из телохранителей получили тяжелые ранения. Остальные телохранители открыли ответный огонь по нападавшим, ранив одного из них и двоих обратив в бегство. Один из террористов, стараясь скрыться, столкнулся с проходившей рядом женщиной, вообразил, что она хочет его задержать, и открыл беспорядочную стрельбу. Патроны в его автомате закончились, и на него набросилась охрана премьер-министра Иордании. Второму террористу удалось скрыться с места покушения, однако его преследовали прохожие. Он попытался уйти от погони, взобрался на крышу одного из домов и затаился среди груды строительного мусора. Спустя четверть часа его обнаружили сотрудники египетской службы безопасности, когда террорист пытался ускользнуть через проходной двор.

На место покушения тут же прибыли крупные силы службы безопасности и полиции, сразу оцепив квартал, в котором располагался отель «Шератон». Жена Васфи эт-Талья находилась рядом с мужем в момент покушения и по счастливой случайности не пострадала, но от нервного потрясения потеряла сознание и была госпитализирована.

Всю ночь длился допрос с пристрастием задержанных террористов. Они сразу стали давать подробные показания. Так, один из них рассказал, что нападавшие якобы принадлежали к недавно созданной террористической группировке «Черные палестинцы», и смерть Васфи эт-Талья являлась мстью палестинского народа за геноцид, учиненный иорданцами в сентябре 1970 года. Однако спустя несколько дней некая женщина, говорившая с сильным палестинским акцентом, позвонила в бейрутское отделение агентства «Рейтер» и сообщила, что ответствен-

ность за убийство главы иорданского правительства Васфи эт-Талья взяла на себя палестинская террористическая организация «Черный сентябрь».

Весть об убийстве иорданского премьер-министра приковала к себе внимание всех мировых СМИ. Палестинцы ликовали.

Узнав об удачном покушении на Васфи эт-Талья, тысячи палестинцев высыпали на улицы. Во всех лагерях палестинских беженцев непроизвольно вспыхивали стихийные шествия. «Когда наступит очередь короля Хусейна?» – скандировали палестинцы. «Черный сентябрь» в одночасье превратился из малозначительной террористической группы в авангард палестинского сопротивления, а ее лидеры Абу Ияд и Али Хасан Саламе – в национальных героев. Это убийство повлекло за собой огромную волну добровольцев, готовых вступить в «Черный сентябрь», чтобы сражаться против арабских режимов, сионистов и западных империалистов.

Убийство Васфи эт-Талья для короля Хусейна стало серьезным ударом. Эт-Таль был его давним другом и одной из ключевых фигур иорданского истеблишмента. В стране был объявлен сорокадневный траур, приспущены национальные флаги, все госучреждения прекратили работу на целую неделю. 1 декабря 1971 года король Хусейн заявил о прекращении всех переговоров с ООП.

События 28 ноября оставили после себя массу вопросов. Как могло так случиться, что трое террористов смогли беспрепятственно подойти к самой охраняемой фигуре, прибывшей на столь высокий международный форум? Для чего был выставлен вокруг отеля живой заслон? На мой взгляд, убийство Васфи эт-Талья явилось прямым следствием нескольких обстоятельств. Его смерть была выгодна многим. Его ненавидела иорданская элита. Эт-Талья опасались арабские страны, среди которых в первых рядах стоял Египет. Иорданский премьер-министр последовательно проводил политику, направленную на сближение с Израилем²³. Трудно поверить, что молодая террористическая организация, не имевшая достаточного опыта, смогла провести подготовку столь громкого покушения таким образом, что об этом не было известно египетским спецслужбам. Более того, у иорданского «Мухабарата» была информация о намерениях палестинцев, перед приездом иорданской делегации египетские спецслужбы были уведомлены о возможном убийстве. Смерть Васфи эт-Талья была также косвенно выгодна Израилю. На форуме арабских стран, собравшемся в Египте в ноябре 1971 года, должны были обсуждаться совместные шаги, направленные против Израиля. Покушение на иорданского премьер-министра привело к еще большему расколу среди арабских стран, которые и без того не отличались единством. Форум, на котором арабские страны должны были выработать единую позицию против Израиля, завершился ничем.

Окрыленные безусловным успехом, боевики «Черного сентября» сразу подготовили новую диверсию, теперь уже в Лондоне. В этот раз мишенью террористов стал 36-летний посол Иордании в Великобритании Заид эль-Рифаи.

Он происходил из знатной иорданской семьи, его отец и родной дядя в свое время занимали пост премьер-министра Иордании и бесспорно принадлежали к «клану сторонников Хусейна». После событий сентября 1970 года, желая укрепить собственную власть, иорданский монарх сделал значительные перестановки как в правительственном аппарате, так и в дипломатическом корпусе. На пост полномочного посла Иордании в Лондоне в ноябре 1970 года был назначен молодой, но весьма перспективный дипломат Заид эль-Рифаи. После кровавой бойни сентября 1970 года королю Хусейну жизненно важно было иметь своего единомышленника в Лондоне. Основная задача нового посла состояла в том, чтобы способствовать сближению позиций Лондона и Аммана в отношении ООП и палестинских беженцев.

---

²³ Как ни странно, еще в 1968 году одним из первых, кто выдвинул идею мирных переговоров с Израилем, вплоть до создания совместного светского, демократического государства, был один из главных идеологов ООП, заместитель Арафата, будущий руководитель «Черного сентября» Салах Халаф (Абу Ияд). Тем не менее его инициатива была сразу отвергнута всеми лидерами ООП.

Посол Иордании 15 декабря 1971 года, в послеобеденные часы, возвращался из посольства в свою резиденцию, когда прямо в центре столицы Великобритании по его Rolls-Royce был открыт автоматный огонь. Двое неизвестных, вооруженных автоматами Калашникова, с близкого расстояния почти в упор расстреляли машину эль-Рифаи. К счастью, водитель посла, несмотря на то что атаковали именно его сторону, не пострадал и не потерял управление автомобилем. Очередная террористическая акция «Черного сентября» завершилась неудачно. Заид эль-Рифаи был лишь легко ранен в руку и немедленно доставлен в одну из больниц Лондона.

Британский Скотленд-Ярд незамедлительно приступил к розыску террористов. Десятки полицейских и тайных агентов в штатском стали методично прочесывать улицы Лондона и места возможного пребывания палестинцев, однако поиски не принесли никаких результатов. След террористов исчез. Власти Великобритании были вынуждены выслать из страны десятки палестинцев, заподозренных Скотленд-Ярдом в неблагонадежности. На долгое время был наложен полный запрет на въезд палестинцев на территорию Соединенного Королевства, будь то студенты, туристы, бизнесмены или общественно-политические деятели.

В тот же день, как и в случае с убийством Васфи эт-Талья, неизвестная палестинка позволила в бейрутское отделение агентства «Рейтер» и, представившись членом «Черного сентября», сообщила, что ответственность за покушение на иорданского посла берет на себя ее организация.

Иордания стала мишенью палестинских террористов. Нападениям подвергались прежде всего высокопоставленные государственные чиновники. За несколько дней до убийства премьер-министра палестинские террористы подвергли обстрелу из засады машину начальника Южного военного округа. Несколько телохранителей погибли на месте, но сам генерал остался невредимым. Не прекращались угоны самолетов на иорданскую территорию. Несмотря на изгнание палестинцев из Иордании, «Народный фронт освобождения Палестины» не только не прекратил захватывать самолеты, но еще больше активизировал свою террористическую деятельность, нередко проводя отдельные акции совместно с «Черным сентябрем».

Последние события заставили короля Хусейна в корне пересмотреть антитеррористическую доктрину и позаботиться о создании профессиональных контртеррористических подразделений. В начале 70-х годов по личной просьбе короля в Иорданию из Великобритании прибыли инструкторы, специалисты по борьбе с терроризмом. На базе уже зарекомендовавшей себя бригады специального назначения «Сайква» были созданы несколько антитеррористических батальонов. Под присмотром опытных инструкторов британских SAS²⁴ иорданские бойцы прошли изнурительную подготовку, овладевая навыками и техникой антитеррористической деятельности. Но конец существованию «Черного сентября» положили не иорданцы, а израильские спецслужбы. Антииорданская террористическая война 1971 года стала лишь прологом, пробой сил. Наибольшую известность «Черный сентябрь» получил в 1972 году, развернув в Европе невиданную волну террора, направленную против израильских целей, заставив еврейское государство «переступить черту» и ответить террором на террор.

---

²⁴ SAS (Special Air Service) – специальная авиадесантная служба, подразделение специального назначения вооруженных сил Великобритании. Создано в июле 1941 года. Занимается разведкой сил противника и прямыми вооруженными столкновениями, контртеррористическими операциями и освобождением заложников.

Глава пятая

1971 год. Операция «Бардес-20»

*Палестинские народно-освободительные отряды должны стремиться к дестабилизации ситуации на Ближнем Востоке...
Махаммад Юсуф эль-Наджар (Абу Юсуф), член ЦК «Организации освобождения Палестины»*

Трагические события лета – осени 1970 года, вошедшие в историю как «черный сентябрь», ключевым образом изменили военно-политическую и демографическую ситуацию на Ближнем Востоке. Палестинцы, спасаясь от устроенной бедуинами короля Хусейна резни были вынуждены бежать из Иордании в соседний Ливан. Благо правовая основа была заложена еще в 1969 году. Инициатором ее выступил египетский президент Гамаль Абдель Насер. Взамен гарантий на прекращение подрывной деятельности палестинцам обещали создать на территории южных приграничных с Израилем районов Ливана собственный анклав с широкими полномочиями, обусловленными относительной автономией и полной свободой действий.

Десятки лагерей палестинских беженцев, на территории которых в 1970 году уже проживало по меньшей мере 230 тысяч человек, представляли собой государство в государстве. Многие районы Бейрута, не говоря уже о самом палестинском анклаве, полностью вышли из-под контроля законных ливанских властей. По большому счету, не учитывая образование нынешней Палестинской Автономии, первая половина 70-х годов стала самым благоприятным периодом в истории ООП. Недаром в ливанскую столицу перенесли свои штаб-квартиры такие крупные палестинские террористические организации, как ФАТХ, НФОП и НДФОП. На контролируемых территориях палестинцы стали взимать налоги, вводить свои законы, а бандформирования заменили собой правоохранительные органы, армию и суды. Вдоль ливано-израильской границы в первые же месяцы пребывания палестинцами была создана изошренная инфраструктура террора, объединенная в целую сеть диверсионных лагерей. Вместе с тем нельзя не сказать о положительной стороне деятельности ООП. Впервые на территориях лагерей палестинских беженцев начали функционировать социальные объекты, в том числе сеть больниц и аптек, более 50 мелких клиник для оказания первой медицинской помощи. И главное, во всех лагерях палестинских беженцев открылись школы, что давало новому палестинскому поколению шанс на будущее.

Очередной раз заручившись поддержкой Египта, ООП развернула новую волну террора против Израиля и соседней Иордании. Почти каждый месяц палестинские бандформирования совершали попытки прорваться на территорию Верхней Галилеи²⁵. Только за первый год палестинского пребывания в Ливане иорданскими и израильскими спецслужбами было предотвращено более 20 террористических вылазок. Львиная доля в подготовке и осуществлении прорывов занимала террористическая организация ФАТХ, находящаяся в личном подчинении Ясира Арафата.

По инициативе и личному распоряжению председателя ООП на пост военного руководителя ФАТХ был назначен его ближайший друг и соратник Халиль эль-Вазир, более известный под именем Абу Джихад, – личность не менее известная в ближневосточных спецслужбах, чем сам Арафат. По заданию Ясира Арафата Абу Джихад разработал долгосрочную стратегию прорыва на территорию Израиля со стороны моря и через ливано-израильскую сухопутную границу. С этой целью вдоль южного ливанского побережья Средиземного моря были созданы

---

²⁵ Верхняя Галилея – область на севере Израиля.

секретные морские базы ФАТХ, с которых палестинские боевики начали совершать прорывы на израильскую территорию морским путем.

Верхняя Галилея, некогда самый благополучный и спокойный район Израиля, всё больше начинал напоминать передовую. Именно по этой причине израильским спецслужбам было крайне важно захватить живым хотя бы одного боевика, чтобы получить информацию о размещении и деятельности террористических баз, находящихся по ту сторону ливано-израильской границы.

Такая возможность неожиданно представилась 1 января 1971 года. Израильский военный патруль обратил внимание на небольшую быстроходную резиновую лодку, на большой скорости рвущуюся в направлении территориальных вод Израиля. Пограничники насчитали на борту пятерых вооруженных боевиков. Об этом тут же по радиации было доложено военному командованию. Спустя несколько минут поступил приказ: «Держаться на расстоянии, не выпускать из поля зрения лодку с нарушителями границы, докладывать о любых изменениях, обеспечить террористам беспрепятственный проход к израильскому побережью». К району предполагаемой высадки боевиков были стянуты крупные силы армии, включая морских командос «Шайетет-13». Любой ценой террористов следовало захватить живыми, что и было безукоризненно выполнено. Лишь только лодка коснулась берега, боевики ФАТХ оказались поваленными на землю, даже не успев оказать сопротивления.

По оперативным сообщениям факт захвата террористической группы держался в строгом секрете. На предварительном следствии террористы даже не пытались скрывать своей принадлежности к ФАТХ. По их словам, группа должна была похитить гражданина Израиля, желателен представитель силовых структур, после чего попытаться пробиться на свою базу. Однако далее на сотрудничество со следствием террористы идти отказывались, ссылаясь на свою неосведомленность, пытаясь представить себя «разменным товаром одноразового использования», не посвященным в планы руководства.

После нескольких дней интенсивных допросов террористы окончательно сломались и стали более разговорчивыми со следователями. В тот же день на стол начальника АМАН легла информация чрезвычайной важности. Согласно полученным показаниям, в 12 километрах от Сайды находилась секретная морская база ФАТХ, о существовании которой знал крайне ограниченный круг людей из ближайшего окружения Абу Джихада. Один из захваченных боевиков даже смог указать на карте ее точное местоположение. С виду она ничем не отличалась от обычного рыбацкого поселка, но на ее территории одновременно проходили специальную подготовку около 30 боевиков. Террористы показали, что несколько месяцев назад на базу поступили быстроходные моторные лодки с 130-миллиметровыми пушками на борту, при помощи которых ФАТХ собирался прорваться в район Хайфского порта и атаковать стоящие на рейде торговые суда. (О стремлении палестинских террористических организаций любой ценой прорваться в порт Хайфы и устроить показательную диверсию в израильских спецслужбах знали давно.)

Пленные также сообщили, что за подготовку диверсантов отвечал высокопоставленный офицер ФАТХ, один из наиболее приближенных людей Арафата, некто Мухаммад Юсуф эль-Над-жар, известный под именем Абу Юсуф, – личность довольно известная, попавшая в поле зрения «Моссада», ШАБАК и АМАН еще в начале 1968 года.

По линии внешней разведки проходила информация о том, что Абу Юсуф был одним из основателей и непосредственных военных руководителей террористической группировки «Черный сентябрь». На этот раз ее боевики решили нанести удар по Израилю.

Нельзя сказать, что планы террористов застали израильтян врасплох. После бегства ООП из Иордании в Ливан ВМС Израиля были готовы к подобному развитию событий. Только за последний год было предотвращено несколько десятков попыток террористов прорваться в территориальные воды страны. Однако захваченные боевики поведали нечто новое. Ни с чем

подобным ранее израильтянам не доводилось сталкиваться. С середины осени на секретной морской базе ФАТХ проходила подготовку особая группа, состоявшая из пяти – семи опытных боевиков. Несмотря на то что группа была намеренно изолирована от остальных «курсантов», дабы избежать невольной утечки информации, ни для кого на базе не было секретом, что ФАТХ готовил акцию, способную спровоцировать новый военный конфликт на Ближнем Востоке. Несколько судов должны были попытаться прорваться через Хайфский залив к устью реки Кишон ²⁶ и обстрелять крупный нефтеперерабатывающий завод «Батей зикук». Пожар на территории химического завода, не говоря уже о намеренной диверсии, грозил одному из самых густонаселенных и стратегически важных районов Израиля экологической катастрофой, масштаб которой было страшно представить. Подобный теракт в одночасье мог унести тысячи жизней.

Тут же в канцелярию главы правительства в экстренном порядке были вызваны высшие руководители израильских спецслужб. Каждый из присутствовавших прекрасно понимал, что такой крупный теракт спровоцировал бы не только глубокий внутриполитический кризис, но и новую арабо-израильскую войну. Ничего иного не оставалось, как нанести упреждающий удар. Политическим руководством Израиля было принято решение о проведении силами спецназа на территории Южного Ливана наземной спецоперации под кодовым названием «Бардес-20», целью которой являлась ликвидация секретной базы ФАТХ, а также захват или пленение ее руководителя Абу Юсуфа.

Чтобы подготовить удар, следовало, во-первых, собрать как можно больше информации о базе террористов, во-вторых, подготовить высадку морского десанта. Для этого необходимо было исследовать береговой ландшафт, подводные и надводные течения, подходы к базе, количество боевиков и их вооружение, а также изучить систему охраны.

Однажды ночью в территориальные воды Ливана вошло израильское военное судно, за борт спустились несколько боевых пловцов спецподразделения «707». Аквалангисты подошли к району, в котором предположительно размещалась морская база ФАТХ. По возвращении морские разведчики сообщили, что в районе высадки была обнаружена не одна, как предполагалось ранее, а две базы ФАТХ, размещенные в непосредственной близости от берега моря. На одной из них палестинские боевики обучались проведению наземных террористических операций, на другой готовились морские диверсанты. Опасаясь налета израильской авиации, террористы предусмотрительно разместили обе базы в рыбацких поселках, рассчитывая, что израильтяне даже в случае обнаружения объекта не решатся нанести удар по «сугубо гражданским» целям.

Морская база ФАТХ, о которой сообщили захваченные боевики, располагалась в двух постройках, внутри которых круглые сутки находилось не менее десяти вооруженных человек. Там же располагался и дом Абу Юсуфа, в котором вместе с ним проживали еще несколько женщин. Можно было штурмом взять первый этаж, заложить взрывное устройство и отойти, однако израильское военное командование настояло на том, чтобы перед взрывом дома Абу Юсуфа его покинули все гражданские лица. Возле дома несли дежурство несколько вооруженных охранников, один из которых постоянно сидел в автомобиле. Рядом находилось офицерское казино, а также высокое здание, с верхних этажей которого можно было легко контролировать всю береговую полосу. Чтобы попасть на территорию базы, следовало миновать банановые плантации, железнодорожное полотно и хорошо освещенную дорогу. Всё это значительно усложняло выполнение операции, поскольку не было практически никакой возможности подойти к дому Абу Юсуфа незамеченными. В случае раннего обнаружения десанта Юсуф мог без труда скрыться на автомобиле или найти убежище в садах, раскинувшихся за его домом.

---

²⁶ Река Кишон впадает в Средиземное море чуть севернее Хайфы.

Тщательно изучив разведанные, израильское военное командование приняло решение одним ударом ликвидировать сразу две базы террористов. Кроме «Шайетет-13», в операции было решено задействовать спецназ ВДВ, в задачу которого входило уничтожение сухопутной базы ФАТХ. На резиновых моторных лодках десантники должны были достигнуть береговой черты, углубиться в банановые плантации и ожидать, пока морские командос не выйдут к своему объекту. Чтобы застать врасплох террористов, удар по обеим базам следовало нанести одновременно. В противном случае уничтожение, а тем более пленение Абу Юсуфа представлялось весьма проблематичным.

Всё было готово к проведению операции. Спецназовцы отработали на моделях детали высадки. Тем не менее спецоперацию пришлось отложить на неопределенный срок из-за крайне неблагоприятных погодных условий. В первой половине зимы в районе высадки бушевали непрерывающиеся проливные дожди. Из-за сильных порывов ветра и высоких волн не было никакой возможности спустить на воду легкие моторные лодки. С другой стороны, террористы тоже не могли выйти в море, однако рассчитывать на эту отсрочку было по крайней мере неразумно. Операцию следовало провести в сжатые сроки любой ценой.

К середине января морская буря несколько успокоилась, и было принято решение незамедлительно реализовать операцию «Бардес-20». 14 января 1971 года с первыми проблесками рассвета под проливным дождем в море вышли ракетные катера, на борту которых разместились сводный десант. С наступлением ночи они должны были войти в территориальные воды Ливана и спустить легкие десантные лодки.

Прежде чем начать операцию, в районе морской базы ФАТХ высадился вместе с двумя боевыми пловцами командир спецподразделения «707» подполковник Шауль Села. Боевые пловцы исследовали береговую черту и заняли наблюдательные позиции, чтобы исключить всякую возможность засады.

Согласно общему плану, на ливанском берегу ровно в 23:30 вслед за ними высадились спецназовцы ВДВ. Укрыв резиновые лодки в зарослях кустарника, они обогнули рыбацкий поселок и совершили марш-бросок на несколько километров вглубь ливанской территории, чтобы выйти в тыл к базе террористов. Ливень был настолько плотным, что можно было не опасаться натолкнуться на случайного прохожего. Но на подходе к учебной базе ФАТХ их уже ожидала засада. Подпустив десантников на близкое расстояние, боевики открыли огонь в упор из автоматического оружия. Первоначальный план был сорван, и ничего не оставалось, как перейти в контратаку и попытаться захватить базу. В ходе скоротечного ожесточенного боя десантникам удалось уничтожить шесть боевиков и прорваться на территорию базы, оттеснив террористов к садам. Заняв круговую оборону, они принялись минировать здания, на что ушло около 10 минут, после чего отошли к береговой черте, унося с собой раненых и захваченные на базе секретные документы ФАТХ.

Параллельно с высадкой спецназа ВДВ берега вплавь достигли 13 морских командос «Шайетет-13», неся на своих плечах десятки килограммов груза. В последний момент военное командование решило ограничить их задачу лишь ликвидацией Абу Юсуфа, а уничтожение морской базы ФАТХ поручить спецназу ВДВ. Морские командос были усилены дополнительной группой спецназа ВДВ. Десантники должны были достигнуть ливанского берега на двух вертолетах и, пока бойцы «Шайетет-13» будут штурмовать дом Абу Юсуфа, взорвать все здания морской базы ФАТХ.

Из-за сильного ливня и нулевой видимости никак не удавалось посадить вертолеты с десантниками. Всё это время морским командос пришлось провести в холодной январской воде.

Бегом преодолев открытое пространство, морские командос углубились в банановые плантации, тянувшиеся вдоль береговой полосы, и разделились на три группы. Первая, во главе которой шел капитан Ханина Амишав, должна была атаковать дом Абу Юсуфа. Во вторую

входили взрывники. После уничтожения или пленения Абу Юсуфа они должны были взорвать его дом. В задачу третьей группы входило прикрытие двух других групп. Достигнув объекта, бойцы третьей группы должны были сосредоточиться исключительно на многоэтажных зданиях и в случае необходимости подавить ручными гранатометами огневые точки противника.

Пройдя примерно 150 метров, группа морских командос и спецназа ВДВ залегла у окраины банановой плантации. С каждым часом погода ухудшалась. Ураганный ветер и проливной дождь ограничивали видимость до 20–30 метров. Это давало некоторое преимущество, но и создавало дополнительные сложности. Чтобы приблизиться к дому Абу Юсуфа, следовало пересечь ветку железнодорожного полотна и хорошо освещаемую дорогу. Однако особую опасность представляли собой многоэтажные здания, в которых жили семьи террористов и размещалось казино. Чтобы не попасть под перекрестный огонь, группа капитана Амишав должна была обогнуть казино и пересечь дорогу в ее неосвещенной части, выйдя к дому Абу Юсуфа со стороны садов.

Как уже было упомянуто, группа десантников, продвигавшаяся к сухопутной базе ФАТХ чуть севернее, неожиданно нарвалась на засаду, устроенную людьми Абу Юсуфа. Шум ночного боя, несмотря на сильный шторм, был отчетливо слышен за несколько километров. Фактор внезапности был утерян, и капитан Амишав принял решение немедленно штурмовать дом Абу Юсуфа, отказавшись от обходного маневра.

Как назло, ливень всё усиливался. Даже через прибор ночного видения было почти ничего не видно. Всё же бойцам «Шайетет-13» удалось рассмотреть два легковых автомобиля, припаркованных у входа в дом. Шум ночного боя нарастал, однако на улице, как ни странно, не было никакого движения. Капитан Амишав уже собирался подать команду к началу атаки, как послышался шум приближающегося грузового автомобиля. Спустя полминуты у фасада казино остановился огромный крытый брезентом грузовик, из которого спешно в направлении парадного входа выбежало несколько вооруженных человек. Рыбацкий поселок постепенно просыпался и приходил в движение. В нескольких окнах здания загорелся свет. На одном из балконов, как и опасались израильские командос, появились вооруженные люди. Расстояние между боевиками ФАТХ и израильскими спецназовцами было настолько близким, что капитан Амишав пригласил свою рацию, чтобы звук переговоров не выдал их присутствие.

Тем временем из дома Абу Юсуфа выскочили несколько вооруженных людей, сели в припаркованный у входа автомобиль и на большой скорости покинули поселок. Дальше медлить было невозможно.

Израильяне открыли плотный огонь из автоматического оружия по балкону, на котором находились боевики. Атака была столь неожиданная, что в первые минуты террористы даже не попытались отвечать. Волоча за собой раненых и убитых, они поспешили укрыться внутри дома. Прежде чем пересечь открытую площадку, один из командос выстрелил из ручного гранатомета по балкону. Снаряд влетел в комнату, но не разорвался. Однако замешательства террористов вполне хватило, чтобы отряд морских командос преодолел открытое пространство и укрылся в канаве перед самым домом Абу Юсуфа. Перезарядив гранатомет, боец сделал повторный выстрел. На сей раз поселок осветился яркой вспышкой. Практически со всех этажей здания боевики ФАТХ открыли беспорядочный огонь, однако еще пара выстрелов из гранатомета заставила их умолкнуть и укрыться во внутренних комнатах. Тем не менее в рядах морских командос и группы спецназа ВДВ произошло некоторое замешательство. События развивались столь молниеносно, что спецназовцы на некоторое время потеряли связь друг с другом. Потребовалось около минуты, чтобы перегруппироваться и приступить к штурму дома Абу Юсуфа и двух зданий морской базы ФАТХ.

Неожиданно дверь распахнулась, и из дома Абу Юсуфа выбежало несколько женщин. Невзирая на холод и проливной дождь, они принялись в истерике носиться по поселку, оказавшись прямо на линии огня. Один из спецназовцев стал кричать на арабском языке, чтобы

они приблизились, однако обезумевшие от страха женщины продолжали вопить и носиться из стороны в сторону, рискуя попасть под автоматную очередь. Ничего иного не оставалось, как сделать в их сторону предупредительный выстрел. Эта мера воздействовала лучше любых уговоров и приказов. Одна из женщин легла на землю, другие поспешили ретироваться. Но двери дома Абу Юсуфа вновь растворились, и на улицу, опираясь на палку, вышла старуха. Она не кричала и не проявляла ни малейших признаков испуга. Приблизившись к спецназовцам вплотную, она попыталась бросить в их сторону палку, но тут же повалилась на землю. Один из бойцов подхватил старуху и оттащил ее к канаве, чтобы допросить. Женщина ответила, что Абу Юсуфа нет дома и внутри находятся несколько женщин и ребенок.

Выслушав старуху, капитан Амишав приказал начать зачистку дома. Спецназовцы приблизились к двери, но в этот момент со стороны казино донеслись звуки выстрелов. Откуда-то из темноты появилась большая группа вооруженных боевиков. Между ними и группой прикрытия завязался ожесточенный бой. Стремясь поддержать группу прикрытия, капитан Амишав с несколькими своими людьми зашел во фланг террористов и тремя выстрелами из ручных гранатометов уничтожил более десятка боевиков. Остальным пришлось тут же отступить, оставив на месте боя раненых и убитых.

События развивались столь стремительно, что решение о судьбе операции приходилось принимать не раздумывая. Штурм дома Абу Юсуфа уже не имел никакого смысла. По всей видимости, он успел покинуть поселок еще до подхода основных сил морского десанта. Времени на зачистку дома не оставалось. В любую минуту к террористам могло подойти подкрепление. Весь смысл операции заключался в нанесении неожиданного удара. В противном случае у израильтян не оставалось серьезных шансов на успех против превосходящих сил противника. Опасаясь быть отрезанным от моря и оказаться в полном окружении, капитан Амишав отдал приказ к отходу своего отряда к точке высадки.

Перед тем как отступить, морские командос и группа спецназа ВДВ обрушили на высотные здания такой мощный залп из всего имевшегося в их распоряжении арсенала, что строения еле выдержали.

Несмотря на то что Абу Юсуфу удалось скрыться и его дом не был разрушен, военное командование в целом оценило операцию «Бардес-20» как успешную. Основная задача, поставленная перед морским десантом, была выполнена. В течение 20 минут с лица земли были стерты две базы ФАТХ. Уничтожены несколько десятков террористов, готовых в любой момент совершить прорыв на территорию Израиля. Взорваны склады с оружием и боеприпасами, а также дорогостоящим подводным снаряжением. Перед отходом морские командос вывели из строя практически все скоростные моторные лодки ФАТХ с размещенными на них пушками и ракетными комплексами.

Спустя несколько дней секретное донесение ливанской агентуры АМАН и «Моссада», а также интервью Абу Юсуфа одной из бейрутских газет дополнили общую картину происшедшего 14 января 1971 года, прояснив причины раннего обнаружения морского десанта. Когда под проливным дождем и сильным ветром десант высаживался на ливанском побережье, один из местных жителей, несмотря на непогоду, вышел из дома и направился к берегу, чтобы забрать рыболовные снасти. У самого моря он обнаружил большую группу вооруженных людей, пытавшихся укрыть резиновые лодки в кустарнике. Бросив всё, рыбак спешно вернулся в поселок и рассказал об увиденном палестинскому патрулю, о чем сразу же доложили Абу Юсуфу. Взяв с собой не менее десятка боевиков, Абу Юсуф устроил засаду отряду спецназа ВДВ, двигавшемуся севернее морских командос в направлении сухопутной базы ФАТХ. Как уже известно, в короткой стычке со спецназовцами боевики потеряли нескольких человек убитыми. Одна из пуль попала в кисть Абу Юсуфа, оторвав ему фалангу пальца. Оставив базу, Абу Юсуф с уцелевшими людьми спешно отступил в поселок и скрылся на автомобиле перед самым носом у морских командос капитана Амишава.

Абу Юсуфу удалось уйти от возмездия, однако дни его уже были сочтены, жить ему оставалось чуть более двух лет. Однако, прежде чем покинуть этот мир, он успел нанести тяжкую рану израильскому обществу, которая продолжает болеть и кровоточить по сей день.

Глава шестая

1972 год. Операция «Изотоп»

Ребята, ни на минуту нельзя забывать, что разница между успехом и провалом подобного рода операций – это скорость и точность исполнения. Любая задержка прорыва в салон самолета или в обнаружении террористов могла закончиться катастрофой...

Эхуд Барак, подполковник, командир «Сайерет Маткаль» (1971–1973)

Лидеры палестинских террористических организаций к 1972 году начали понимать, что провести диверсию на территории Израиля с каждым годом становилось всё сложнее, притом что эффект оставался минимальным. Вместе с тем израильские объекты за пределами государства были практически не защищены. Любой, даже незначительный, теракт сразу выходил за пределы регионального конфликта и вызывал широкий резонанс во всём мире. Первыми это осознали террористы из НФОП. Эту стратегию террора переняли и другие организации, входившие в ООП. Палестинцы захватывали и угоняли пассажирские самолеты, совершали покушения на израильских дипломатов, отправляли бандероли со взрывчаткой во все концы Европы. В 1972 году палестинские террористические организации установили своеобразный рекорд, приковав к себе внимание мировой общественности. Если до того израильские спецслужбы на шаг опережали ООП, предотвращая большинство терактов, то теперь Израиль не мог работать на упреждение, скованный несовершенством мировой практики противодействия международному терроризму. Израильтяне вынуждены были в одиночку разрабатывать анти-террористическую концепцию, нередко нарушая международное право. Это коснулось и правил обеспечения безопасности авиарейсов.

Первый в истории угон самолета по политическим мотивам произошел 23 июля 1968 года, когда группа палестинских террористов из НФОП, возглавляемой Лейлой Али Халед, захватили пассажирский самолет израильской авиакомпании EL AL, совершавший рейс из Рима в Тель-Авив ²⁷. То, что это начало волны международного авиатерроризма, в те дни осознавали немногие. Но в Израиле это хорошо понимали, так же как и то, что еврейское государство было не в состоянии предпринять эффективные меры, чтобы обезопасить хотя бы собственную авиакomпанию. По этой причине израильское правительство приняло решение поручить ШАБАК создать в EL AL отдельную службу безопасности. В новой структуре отдавали предпочтение ветеранам «Сайерет Маткаль», однако принимали и выходцев из других спецподразделений Армии обороны Израиля. В каждом самолете должны были под видом обычных пассажиров лететь от четырех до шести охранников. И сразу же возникла непреодолимая сложность. По правилам «Международной ассоциации гражданской авиации» на борту пассажирских самолетов запрещалось держать огнестрельное оружие. Поначалу израильские охранники были вооружены газовыми пистолетами, небольшими дубинками и даже обычным песком, который заворачивали в носовые платки и держали при себе, чтобы при необходимости бросить его в глаза и выиграть критические доли секунды. Но подобные меры были совершенно неэффективны против вооруженных террористов. Тогда было решено в обход международных правил снабдить охранников пистолетами «Беретта-22», единственным более или менее безопасным оружием, которое можно использовать во время полета без угрозы нарушить герметичность салона авиалайнера.

---

²⁷ Подробно об этом случае рассказано в главе двадцать первой.

Однако спецназовцы 1960-х годов совершенно не умели пользоваться пистолетами, поскольку в армии они не имели никакого применения. Также не было инструкторов по стрельбе из пистолета. Общей службе безопасности ШАБАК пришлось прибегнуть к помощи недавнего репатрианта из США Дэйва Беккермана, ветерана спецподразделений FBI. В свое время он предлагал свои услуги Армии обороны Израиля, но ему отказали, ссылаясь на непризывной возраст и избыток собственных инструкторов. Армия, непрерывно воевавшая со дня образования государства Израиль, имела большой опыт, нежели могли предложить американцы. Тогда о владении пистолетом совсем не думали, а в 1968 году о Дэйве Беккермане вспомнили. Его нашли на Синайском полуострове, где он работал простым бульдозеристом, возводившим оборонительные сооружения. Как оказалось, в его лице служба безопасности EL AL нашла неопенимого сотрудника, он не только воспитал несколько поколений профессиональных авиаохранников, но и стал одним из основателей современной израильской школы стрельбы из пистолета. Благодаря предпринятым в 1960-е годы беспрецедентным мерам предосторожности EL AL по праву стала считаться самой безопасной авиакомпанией в мире. Уникальные знания ветерана FBI и опыт израильских спецназовцев уже через год дали поразительные результаты.

Бывший боец «Сайерет Маткаль» Мордехай Рахамим ²⁸ 18 февраля 1969 года сопровождал в качестве офицера службы безопасности EL AL израильский пассажирский самолет, следовавший рейсом из Амстердама в Тель-Авив с промежуточной посадкой в Цюрихе. Первый отрезок пути, от Амстердама до Цюриха, прошел в штатном режиме. Но когда в Цюрихе самолет стал выруливать на взлет, из кабины пилотов закричали: «Всем лечь – по нам стреляют!» Рахамим бросился в кабину пилота. Окно было разбито, вся кабина залита кровью, на полу умирал командир экипажа. Рахамим выглянул из кабины пилотов и заметил на взлетно-посадочной полосе террористов – двоих мужчин с автоматами Калашникова и одного с гранатами, рядом с ними стояла женщина, разбрасывавшая листовки. Рахамим достал из ящика свой пистолет (оружие позволялось держать только в кабине пилотов) и бросился к хвостовому аварийному люку. Стрелять из кабины пилотов по террористам, находившимся в 50–60 метрах от самолета, было бесполезно. Выпрыгнув из самолета, Рахамим бросился на террористов, криками и стрельбой стараясь переключить их внимание на себя. Дорога была каждая секунда, самолет с полными баками горючего мгновенно мог превратиться в пылающий факел. У одного террориста закончилась обойма, и он от неожиданности и испуга, увидев перед собой вооруженного охранника, инстинктивно отбросил автомат от себя. Второго террориста успел застрелить Рахамим, подбежав к нему на расстояние пистолетного выстрела. На третьего не хватило патронов, и охранник бросился врукопашную. Он сбил террориста на землю и стал душить, когда к ним подбежали швейцарские полицейские. Они арестовали Мордехая и посадили в одну машину вместе с задержанными террористами. Поначалу полицейские даже не увидели разницу между охранником EL AL и нападавшими.

Мордехай Рахамим был доставлен в полицейский участок, где ему сразу предъявили обвинение в преднамеренном убийстве и незаконном хранении оружия. Спустя некоторое время обвинение в убийстве было снято, но статья о незаконном хранении оружия оставалась в силе. На допросе он представился обычным фермером и потребовал встречи с израильским консулом. На вопросы он отказался отвечать. Больше месяца Мордехай провел в швейцарской тюрьме, пока шли переговоры с израильским дипломатическим представительством. Даже не имея на руках показаний Рахамима, швейцарцы прекрасно были осведомлены о его должности, которая, к сожалению всех сторон, не освобождала его от ответственности. В конечном счете был найден «разумный компромисс» – швейцарский судья, определив залог в 15 тысяч

²⁸ В «Сайерет Маткаль» его любя называли Мордох.

швейцарских франков, выпустил охранника из-под стражи, взяв с Мордехая Рахамим «слово израильского солдата» предстать перед судом по первому же требованию.

В Израиле Мордоха встретили как национального героя. А палестинские авиаугонщики испытали шок – на бортах EL AL была вооруженная охрана. Отныне израильские авиалайнеры из легкой мишени превращались в настоящую ловушку. Любой пассажир мог оказаться сотрудником службы безопасности, от любого пассажира террористы могли ожидать пулю. По этой причине угонщики обратили свой взор на иностранные авиакомпании, совершавшие рейсы в Израиль.

Очередная драма разыгралась 8 мая 1972 года в небе над Средиземным морем. Пассажирский Boeing 707–329 с бортовым номером 00-SJG, принадлежавший бельгийской авиакомпании Sabena, совершал рейс № 571 Брюссель – Вена – Тель-Авив. Во время промежуточной посадки в Венском международном аэропорту Вена-Швехат на борт самолета вместе с другими пассажирами поднялись члены террористической группы «Черный сентябрь» – две женщины и двое мужчин. Предъявив фальшивые израильские паспорта, они беспрепятственно вошли на борт самолета, пронеся на своих телах оружие и взрывчатку.

Группу угонщиков возглавлял палестинский араб Али Таха Абу Снейна, уроженец Хеврона, в прошлом работавший экскурсоводом в Старом Иерусалиме. К весне 1972 года Абу Снейна был уже опытным террористом, принявшим участие в двух удачных угонах пассажирских самолетов. В 1968 году он в составе группы, возглавляемой Лейлой Али Халед, угнал в Алжир пассажирский самолет израильской авиакомпании EL AL, а в начале 1972 года уже сам руководил успешным захватом западногерманского авиалайнера Lufthansa, который был посажен в Адене. Вторым угонщиком был друг по происхождению Абд эль-Азиз эль-Атраш. Высокий, крепкого телосложения, он одним своим видом вызывал трепет. Третья женщина-террористка была Рима Исса Таннус – арабка-христианка, воспитанная в одном из монастырей Бейт Лехема. Четвертой угонщицей была Тереза Асхак Халса, израильская арабка-христианка, жительница Акко, свободно, без всякого акцента говорившая на иврите. Мужчины были вооружены пистолетами Magnum 11-го калибра, женщины прятали в своих косметичках ручные гранаты и под нижним бельем пояса со взрывчаткой.

Террористы поднялись в салон самолета. Абу Снейна занял место в передней части салона рядом с кабиной пилотов. Эль-Атраш, Рима Таннус и Тереза Халса сели вместе посередине. Сразу после взлета, как только бортпроводники разрешили отстегнуть ремни безопасности, угонщики поочередно вышли в туалет, где достали спрятанное под одеждой оружие, переложив его в ручную кладь. Дальнейшие события разыгрывались по четко спланированному сценарию.

Ровно в 17:30, пролетая над Родосом, Абу Снейна встал со своего кресла и проследовал в кабину пилотов. Приставив заряженный пистолет к голове командира экипажа Реджинальда Леви, он сообщил, что самолет захвачен, и приказал следовать в Израильский международный аэропорт Лод. В это же время эль-Атраш, Рима Таннус и Тереза Халса, угрожая пистолетом и ручными гранатами, взяли под контроль салон авиалайнера.

Следуя указаниям Абу Снейны, Реджинальд Леви обратился к пассажирам по внутренней связи: «Вы можете видеть, что у нас есть новые друзья в самолете. Будьте осторожны. Не делайте глупости. Оставьте мне решение всех проблем. Пожалуйста, не вмешивайтесь! Никто не совершит глупый поступок!» Затем к пассажирам обратился Абу Снейна: «С вами говорит новый командир экипажа капитан Рифат. Самолет захвачен палестинскими патриотами. Следуйте нашим указаниям, и никто не пострадает...»

Угонщики собрали у пассажиров все паспорта и провели селекцию. На борту находились 99 пассажиров и 10 членов экипажа, из них 67 евреев, остальные были в основном гражданами Бельгии. Израильцев тут же отделили от остальных пассажиров и перевели в хвостовую часть салона. Остальных заложников посадили в передней части самолета. К счастью, террористы

ничего не знали о командире экипажа и о том, что в этот самый момент среди заложников находится его жена Дора. Она имела при себе бельгийский паспорт, потому оказалась в считанных метрах от мужа среди заложников-неевреев.

Сам командир экипажа был наполовину еврей. Его отец был иудеем, а мать христианкой. В годы Второй мировой войны Реджинальд Леви служил в Британских королевских ВВС, и на его счету были сотни боевых вылетов. При выполнении очередного боевого задания его самолет получил серьезные повреждения и еле дотянул до своего аэродрома. Реджинальд получил тяжелые ранения и чудом выжил. В 1952 году он эмигрировал из Великобритании в Бельгию и устроился на работу в авиакомпанию Sabena. Женится на бельгийской еврейке, которая родила ему четырех детей. Их старшая дочь вышла замуж и репатрировалась в Израиль. Леви собрался вместе с женой Дорой и семьей старшей дочери отпраздновать в Израиле свое 50-летие. Это был боевой летчик, отважный, со стальными нервами. Он прекрасно понимал, что бы ни происходило за его спиной в салоне самолета, он ни в коем случае не должен выдать присутствие на борту своей жены, поскольку террористам это дало бы еще один рычаг давления. Во многом от хладнокровия командира авиасудна зависели жизни более сотни заложников.

Абу Снейна вышел на связь с диспетчерской вышкой в Никосии в 18:00 и сообщил о захвате самолета. Через пять минут это сообщение было получено в Израильском международном аэропорту Лод. Всё высшее руководство страны было тут же оповещено о случившемся. Министр обороны Моше Даян в это время находился на Синае в Шарм-эль-Шейхе. Он связался по телефону с премьер-министром Израиля Голдой Меир и провел с ней минутное совещание. Было принято решение разрешить угнанному бельгийскому авиалайнеру войти в израильское воздушное пространство и совершить посадку в аэропорту Лод. Было также отдано приказание срочно создать оперативный штаб и собрать высшее командование силовых структур, а также привлечь к работе штаба профильных министров – членов кабинета главы правительства. Сам министр обороны Израиля Моше Даян, окончив разговор по телефону с премьер-министром, немедленно на военно-транспортном вертолете вылетел в Лод.

Командир «Сайерет Маткаль» подполковник Эхуд Барак в это время возвращался домой. Не успел он переступить порог, как раздался телефонный звонок. На другом конце провода звучал голос начальника оперативного отдела Генерального штаба Армии обороны Израиля Эммануэля Шакеда. Он вкратце рассказал Бараку о том, что в небе, где-то над Югославией, захвачен пассажирский самолет бельгийской авиакомпании Sabena. Шакед добавил, что к этому часу о самолете, пассажирах и террористах известно крайне мало: «...На борту есть израильские заложники, угнанный самолет будет посажен в Лод, террористы требуют освобождения сотен палестинских заключенных...» Полковник Шакед приказал Бараку собрать подразделение и, выдвинувшись к аэропорту, поступить в распоряжение оперативного штаба.

Эхуд Барак связался с Шаем Агмоном, дежурным офицером «Сайерет Маткаль», который также одним из первых получил сведения о захвате самолета. Он распорядился собрать по тревоге личный состав подразделения, находившийся в расположении базы, а также обзвонить всех бойцов, которые жили в центре страны и могли в кратчайший срок самостоятельно прибыть в аэропорт Лод. База «Сайерет Маткаль» располагалась в каких-то восьми километрах от аэропорта Лод, и подразделение могло прибыть на место раньше, чем соберется весь оперативный штаб.

Захваченный самолет приземлился в 19:05 на главную взлетно-посадочную полосу. Диспетчеры сразу переправили его в конец самой удаленной 16-й линии, расположенной в трех километрах от пассажирского терминала. Так получилось, что самолет с террористами и заложниками прибыл в Израиль раньше, чем оперативный штаб собрался в полном составе. Это создавало некоторую нервозность, поскольку никто не знал, как быстро террористы готовы перейти от угроз к действию. Реагировать необходимо было сразу, исходя из динамики развития событий, а ключевая фигура кабинета безопасности – министр обороны Моше Даян, еще

находился в вертолете по дороге из Шарм-эль-Шейха. Абу Снейна тем временем зачитал длинный список из 315 имен палестинских террористов, освобождения которых требовал «Черный сентябрь» в обмен на жизни заложников. Рехавам Зеэви, начальник Центрального военного округа, прибыл одним из первых в аэропорт и возглавил оперативный штаб. Он вышел на связь с угонщиками и сообщил им, что министр обороны и премьер-министр Израиля уже находятся по пути в аэропорт и попросил немного времени, чтобы организовать переговоры с «государственными деятелями, принимающими решение».

Примерно к 19:30 в аэропорту был собран весь «кабинет безопасности» во главе с министром обороны Моше Даяном. В него вошли: министр транспорта Шимон Перес, начальник Генерального штаба Давид Эльзар, начальник Центрального военного округа Рехавам (Ганди) Зеэви, начальник управления военной разведки АМАН Аарон Ярив и другие высокопоставленные военные чины, включая генерала Ариэля Шарона. Чуть позже в оперативный штаб прибыл советник премьер-министра по борьбе с терроризмом полковник Авраам Арнан ²⁹.

Моше Даян с самого начала не собирался выполнять ни одно из требований террористов. На первом этапе необходимо было лишить самолет возможности подняться в воздух и выиграть время для организации спецоперации. Он распорядился вызвать «Сайерет Маткаль» и начальника следственного отдела ШАБАК Виктора Коэна. Перед ним была поставлена задача вести бесконечные переговоры и затягивать время, изматывая угонщиков морально и физически, не давая им расслабиться и сомкнуть глаза.

В Генеральном штабе был объявлен код «Изотоп». Он был введен в 1968 году после того, как пассажирский самолет израильской авиакомпании EL AL был захвачен боевиками НФОП и угнан в Алжир. Однако этот «код» не предусматривал каких-либо конкретных инструкций наземных действий. Поскольку никто до этого момента не предполагал, что палестинские террористы рискнут посадить самолет на израильской территории, эта ситуация застала врасплох как политическое руководство страны, так и «Сайерет Маткаль». Раньше никому в мире в голову не приходило штурмовать пассажирский самолет с заложниками, и никто в Израиле не знал, с какой стороны подступить к решению этой проблемы. Было ясно лишь одно: ни при каких обстоятельствах нельзя идти на уступки угонщикам!

Подполковник Эхуд Барак, прибыв в Лод, получил сообщение, что два отделения «Сайерет Маткаль» уже на месте, остальные бойцы собраны на базе и выдвинулись в сторону аэропорта. В оперативном штабе Барак встретил командующего Центральным военным округом Рехавама Зеэви, отвечавшего за оперативную часть операции, и начальника Генерального штаба Давида Эльзара. От них он узнал, что угнанный самолет с заложниками приземлился несколько минут назад и заблокирован на 16-й линии, в трех километрах от пассажирского терминала. Министр обороны Моше Даян, прилетевший незадолго до этого из Шарм-эль-Шейха, сразу поинтересовался у Барака, что, по его мнению, можно сделать. «Только штурм!» – кратко ответил подполковник. Несмотря на то что четкого плана действия у командира «Сайерет Маткаль» еще не было, Эхуд Барак был уверен в своем подразделении и пообещал в кратчайшее время, ознакомившись с ситуацией, разработать план спасения заложников.

Первым делом по приказу Моше Даяна техники EL AL приступили к нейтрализации самолета, лишив его возможности сдвинуться с места. Дождавшись наступления сумерек, двое техников в сопровождении Эхуда Барака и его заместителя Дани Ятома, подвергая себя и заложников неизбежному риску, совершили три ходки к загнанному в тупик самолету. Следить, что происходило у хвоста самолета, террористы не могли, поэтому именно с этой стороны и подходили израильтяне. В первый раз техники отключили систему подачи масла и снизили давление в двигателях. Во второй – нейтрализовали колеса передних шасси. В последнюю ходку спустили воздух из всех колес, заблокировали тормозную систему и отсоединили подачу

---

²⁹ Авраам Арнан (1930–1980) – основатель «Сайерет Маткаль», первый командир подразделения (1957–1961).

электричества в двигатели. Всё это время техники и спецназовцы могли наблюдать пассажиров, прижавшихся лицами к иллюминаторам, обреченно вглядывавшихся в темноту.

Пока группа техников и спецназовцев нейтрализовали самолет, а Эхуд Барак осматривался на местности, продумывая возможные сценарии спецоперации, террористы потребовали представителя Красного Креста. Последнего с трудом смогли разыскать в Восточном Иерусалиме, еще сложнее было уговорить его приехать в аэропорт. Его буквально силой пришлось вытащить из дома и доставить в Лод. Представитель Красного Креста категорически отказался сотрудничать с оперативным штабом и согласился лишь передать требования террористов. Сам того не осознавая, арабский сотрудник Красного Креста невольно передал израильтянам первую ценную информацию, которая помогла спланировать операцию. Вместе с требованиями угонщиков он назвал количество террористов, их имена и то, что на борту самолета находилось как минимум одно взрывное устройство, о чем просил передать сам Абу Снейна. Аналитики ШАБАК, «Моссада» и АМАН сразу приступили к изучению и составлению психологического портрета личностей террористов. Так стало известно, что руководил угоном Али Таха Абу Снейна, один из наиболее опытных полевых командиров «Черного сентября». Для оперативного штаба это означало не только противостояние серьезному противнику, готовому в любую минуту привести в исполнение свои угрозы, но и то, что теперь «Черный сентябрь» открыл террористический фронт против Израиля.

Пока начальник следственного отдела ШАБАК Виктор Коэн вел по радиосвязи «переговоры» с Абу Снейной, подполковник Эхуд Барак со своими офицерами разрабатывал возможные варианты штурма авиалайнера. Для этого «Сайерет Маткаль» раздобыли такой же Boeing 707, который поместили в крытый ангар на окраине аэропорта.

Первый план был практически сразу отвергнут. Малая группа из нескольких человек под видом сотрудников Красного Креста или любой другой нейтральной организации должна была войти в салон авиалайнера и неожиданно атаковать террористов. Этот план имел массу недостатков: сводился к минимуму фактор неожиданности, штурм производился только с передней части самолета, и всех террористов невозможно было ликвидировать одним ударом. К тому же не факт, что всей группе разрешили бы подняться на борт. Но самое главное, не было информации о том, где расположились террористы, как они вооружены, где находились и каким образом приводилось в действие взрывное устройство. Для сравнения, площадь действия штурмовой группы в Boeing 707 можно было представить в виде трех с половиной дорожек олимпийского бассейна, плотно заставленных двумя рядами посадочных мест по три кресла в каждом. Не было иного выхода, как неожиданно начать штурм с середины салона, разделившись на две группы, продвигавшиеся в противоположных направлениях для мгновенного охвата всей площади самолета.

Тогда в качестве основного проекта предложили под покровом ночи совершить бросок двух групп с разных сторон самолета, которые должны были вломиться в салон через аварийные люки. Решили воспользоваться так называемой воровской лестницей. Один из бойцов брал на плечи второго, а третий карабкался по ним, как по лестнице. Как только на каждом крыле оказывалось по три бойца, они должны были взломать аварийные люки и ворваться в салон самолета, разойдясь в противоположные стороны. Шансы были невелики, но это единственное, что можно было предложить к этому часу.

На начальном этапе подготовки операции начальник службы безопасности EL AL предложил своими силами провести освобождение заложников, сославшись на то, что его люди обучены действовать в подобных условиях. Однако Эхуд Барак был уверен в том, что «Сайерет Маткаль» выполнит это задание лучше, чем служба безопасности EL AL или любое другое подразделение Армии обороны Израиля. Барак резко отверг предложение начальника службы безопасности, но согласился включить в штурмовую группу сотрудников службы безопасности авиакомпаний, ранее проходивших службу в «Сайерет Маткаль».

На самом деле у самого подполковника Барака возникли определенные сложности с формированием штурмовой группы. В 1971 году основной личный состав подразделения претерпел серьезные кадровые перетасовки. Многие опытные старослужащие бойцы демобилизовались из армии или ушли на повышение. Эхуд Барак, заняв должность командира, стал призывать в «Сайерет Маткаль» офицеров из других спецподразделений. Так в «Сайерет Маткаль» попали легендарные офицеры Муки Бецер³⁰ и Йони Нетаньяху³¹. Но в мае 1972 года основная часть «Сайерет Маткаль» находилась на учениях в пустыне, где не было телефонов. Позже подполковник Барак вспоминал: «Я отбирал людей в штурмовую группу по мере их прибытия в аэропорт. Предпочтение отдавалось офицерам, поскольку нам предстояло решать новую для нас задачу». Больше всего Эхуд Барак хотел видеть в штурмовой группе ветерана «Сайерет Маткаль», теперь уже бывшего сотрудника службы безопасности AL-AL Мордехая Рахамим. Услышав по радио сообщение о захвате самолета, он сам приехал в аэропорт Лод. Компанию ему составили ветераны «Сайерет Маткаль» Марко Ашкенази, недавно уволившийся из EL AL, и Ицик Ганон. Таким образом, в штурмовую группу вошли шестеро офицеров, трое резервистов с опытом работы в EL AL и шестеро рядовых бойцов.

Поздним вечером в аэропорт приехал Йонатан (Йони) Нетаньяху, опытный офицер-десантник, недавно переведенный в «Сайерет Маткаль». Он во что бы то ни стало хотел присоединиться к штурмовой группе, но его брат, Биньямин (Биби) Нетаньяху, уже был в составе группы и командовал своими бойцами. Барак отказался включить Йонатана в группу. Он мотивировал свое решение тем, что двое братьев не могут принимать участие в одной операции. Барак объяснил: «Это железный принцип. Я как командир подразделения несу личную ответственность перед вашими родителями. Биби приехал раньше тебя, потому я включил его в группу. Не расстраивайся, еще будет много подобных операций». Но Йонатан продолжал настаивать. Барак отрезал: «Йони, это приказ!» Йонатан предпринял последнюю попытку убедить младшего брата Биньямина уступить свое место в штурмовой группе: «Я старший брат и более опытный. Я должен быть здесь. Если что-нибудь случится с тобой, я никогда себе этого не прощу. Как я смогу объяснить отцу и матери, что с тобой случилось?» Но Биби не отступал: «Дождись другого случая».

Штурмовая группа неустанно отрабатывала на «учебной модели» как быстро прорваться в закрытый Boeing 707 через аварийные люки. Метод воровской лестницы казался Бараку всё более бесперспективным. Еще одно препятствие состояло в том, что внутри самолета можно было воспользоваться только пистолетами. Наиболее оптимальной моделью, как показала практика, была «Беретта-22». Но в штурмовой группе пистолетами владели только трое – резервисты, прошедшие подготовку в службе безопасности EL AL. Пришлось в ускоренном порядке учиться стрелять из пистолетов. Спустя много лет Биньямин Нетаньяху вспоминал: «Это был первый раз в жизни, когда я держал в руках пистолет». На каком-то этапе Эхуд Барак оставил своего заместителя Дани Ятома³² руководить учениями, а сам вернулся в оперативный штаб, не переставая думать о каком-либо другом, более эффективном способе проникновения. Он все больше склонялся к мысли воспользоваться для штурма приставными лестницами техников EL AL.

Пока «Сайерет Маткаль» готовился к штурму, начальник следственного отдела ШАБАК Виктор Коэн вел переговоры по радиосвязи с главарем угонщиков. Абу Снейна постоянно возвращался к своим требованиям, угрожая взорвать самолет со всеми пассажирами на борту. Виктор Коэн всячески затягивал время, ссылаясь на всевозможные предлоги, объясняя задержку согласованием с политическим руководством страны и другими неизбежными

³⁰ Моше (Муки) Бецер – в 1976 году основал наземное спецподразделение командос ВВС Израиля «Сайерет Шальдаг».

³¹ Йонатан (Йони) Нетаньяху – командир «Сайерет Маткаль» (1975–1976).

³² Дани Ятом – директор «Моссада» (1996–1998).

бюрократическими проволочками. Одна из задач, которая была поставлена перед Виктором Коэном министром обороны Моше Даяном, – попытаться прочувствовать тот момент, когда у угонщиков проявятся первые признаки усталости.

К этому времени учения в ангаре завершились, и бойцы «Сайерет Маткаль», вооружившись пистолетами и техническими лестницами, залегли в 100 метрах по обе стороны от самолета, ожидая сигнала к началу операции. Эхуд Барак настаивал на том, чтобы начать штурм около 4 часов утра, когда террористов будет больше всего клонить в сон, а за бортом авиалайнера еще не рассеется ночная мгла. По приказу оперативного штаба во всем аэропорту отключили прожектора, чтобы на их фоне угонщики случайно не заметили силуэты спецназовцев. Однако в самый последний момент, когда штурмовая группа вышла на изготовку, министр обороны Моше Даян вместе со своим военным секретарем, прижимаясь к земле, подбежали к Бараку. Моше Даян отдал приказ отсрочить операцию: «Подождем. Дадим им еще немного измотаться...» Риск по-прежнему был слишком велик. Подчинившись приказу, Эхуд Барак вернул своих людей обратно в ангар. Он негодовал и не скрывал своего раздражения. Штурм самолета в светлое время суток был чреват общей катастрофой. Необходимо было найти другой способ проникнуть в самолет. Время ожидания, изматывавшее угонщиков, работало и против израильтян. У террористов в любой момент могли сдать нервы, и они принялись бы убивать заложников.

Всю ночь угонщики не сомкнули глаз. В оперативном штабе предположили, что террористы не спали уже как минимум 38 часов. К 9:00 Абу Снейна, измученный бессонной ночью, пребывал в состоянии истерического припадка. «Я привел в действие часовой механизм! – кричал он по радиосвязи. – Если наши люди не будут освобождены, в течение двух часов самолет будет взорван!» Виктор Коэн на протяжении 13 часов непрерывных «переговоров» пытался успокоить террориста, играя роль «доброго полицейского». Он смог отсрочить ультиматум, заверив Абу Снейну, что представители Красного Креста уже находились по дороге в аэропорт, что министр обороны согласился с требованиями «Черного сентября». Нужно еще время, чтобы собрать всех заключенных, которые находились в разных тюрьмах.

Израильтяне никогда не вели переговоры с террористами, захватившими заложников. Весь «переговорный процесс» преследовал строго определенные цели, не связанные с ультиматумом террористов:

- 1) «заморозить» ситуацию и взять ее под контроль;
- 2) затянуть время, чтобы подготовить антитеррористическую операцию;
- 3) психологически и физически измотать террористов;
- 4) в процессе «переговоров» вытянуть из террористов как можно больше информации.

Первые три пункта были успешно выполнены Виктором Коэном, однако к утру 9 мая, спустя 15 часов после захвата самолета, оперативный штаб не имел достоверной информации о террористах. Если бы ситуация резко вышла из-под контроля и возникла необходимость немедленного штурма, спецназовцам пришлось бы действовать вслепую. Импровизировать по ходу штурма весьма нежелательно, когда вопрос касается освобождения заложников. И тут, казалось, в самый критический момент, помощь пришла, откуда не ожидали, – от Красного Креста. В полуденные часы представитель этой организации очередной раз вошел в угнанный самолет для разговора с Абу Снейной. Спустя некоторое время он неожиданно вернулся в сопровождении командира экипажа Реджинальда Леви. Желая доказать израильтянам серьезность своих намерений, Абу Снейна на несколько минут выпустил из самолета командира экипажа, передав вместе с ним 10 граммов TNT³³. Лучшего подарка оперативный штаб и ожидать не мог. Реджинальд Леви казался измученным и подавленным, всю ночь он просидел с приставленным к голове пистолетом террориста-психопата. Тем не менее бельгийский пилот сохранил

---

³³ TNT – тринитротолуол (тротил, тол), взрывчатое вещество.

присутствие духа и полную ясность ума. Вместе с несколькими граммами TNT командир экипажа доставил ценнейшую информацию, позволившую заполнить пробелы и увидеть общую картину. Он рассказал, что самолет удерживали двое мужчин и две женщины. Это израильтяне уже знали. Но Реджинальд Леви указал место каждого террориста в салоне, их вооружение и количество взрывных устройств. Это он смог выяснить, не выходя из кабины пилотов, лишь слушая разговоры террористов. Главарь угонщиков постоянно находился в салоне пилотов, двое других – мужчина и женщина, в передней части салона и еще одна террористка – возле заднего выхода. Пилот также добавил, что Абу Снейна пребывал в состоянии крайней истерики и, если бы заметил, что израильтяне пытаются его обмануть, тут же привел бы свои угрозы в действие. Но главное, Режинальд Леви ответил на вопрос, который волновал спецназовцев с самого начала: есть ли посадочные места возле аварийных люков? Многие авиакомпании, в том числе и EL AL, устанавливали пассажирские кресла у аварийного выхода, чтобы увеличить вместимость салона самолета. Командир экипажа ответил, что аварийные проходы совершенно свободны. Это была очень важная деталь, поскольку успех всей операции зависел от фактора неожиданности и скорости; любое малейшее замешательство при входе в салон лишало спецназовцев преимущества, на котором строился весь план операции. Эта информация была тут же передана подполковнику Эху Бараку, который скорректировал план операции.

Разговор с Реджинальдом Леви длился не более нескольких минут. В спешке оперативный штаб не успел взять описание одежды террористов. Это, как оказалось, серьезно усложнило штурм.

Возвращаясь в самолет, Реджинальд Леви попросил израильтян позаботиться о детях, если с ним и женой случилось бы самое страшное. Моше Даян лично заверил бельгийского пилота, что у оперативного штаба есть четкий план действий и освобождение заложников – вопрос нескольких часов. Напоследок Рехавам Зеэви и Моше Даян попросили Реджинальда Леви поделиться с террористами «своими впечатлениями», мол, израильтяне напуганы и пребывают в полной растерянности. Они, израильтяне, по всей видимости, готовы пойти на выполнение всех требований «Черного сентября».

Это был настоящий прорыв. Все «пазлы» сложились в единую картину. Рехавама Зеэви и Моше Даян словно одновременно осенило. Родился идеально простой и надежный план освобождения заложников. По большому счету вмешательство Красного Креста в переговорный процесс позволило осуществить операцию. Они даже не догадывались о подготовке штурма и отведенной им роли. Всё держалось в строжайшем секрете.

Представитель Красного Креста передал Абу Снейне, что министр обороны Израиля принял требования угонщиков, 315 палестинских заключенных будут доставлены в аэропорт и оттуда в сопровождении сотрудников Красного Креста переправлены на самолете американской авиакомпании в Каир. Бельгийский авиалайнер с угонщиками и заложниками встретит их в египетской столице. Но для перелета техники EL AL должны подготовить самолет к вылету.

В то самое время, когда сотрудник Красного Креста возвращался к угонщикам с «предложением» израильтян, генерал Рехавам Зеэви вызвал к себе командира «Сайерет Маткаль» Эхуда Барака и представил ему для окончательной доработки проект нового плана: предложить обмен заложниками в Каире.

С этой целью в аэропорт Лод будет доставлен пассажирский самолет американской авиакомпании TWA, на борту которого освобожденные палестинские заключенные вылетят в Каир. Сами угонщики с израильскими заложниками вылетят в Каир на пассажирском авиалайнере Sabena, который израильские авиатехники заранее подготовят к вылету. Среди технического персонала будут бойцы «Сайерет Маткаль», переодетые в белые комбинезоны EL AL. Штурмовые группы поднимутся на технический транспорт этой авиакомпании. Они проследуют до самолета, затем выгрузятся и, держа ящики с инструментами открытыми, чтобы успокоить террористов, которые неотрывно будут за ними следить, подойдут к фюзеляжу авиалайнера.

Отвлекая террористов шумом подготовительных работ, бойцы штурмовой группы воспользуются техническими лестницами и по сигналу одновременно неожиданно ворвутся вовнутрь салона через выходы и аварийные люки.

Параллельно с основной операцией, будет проводиться «отвлекающая операция». Чтобы создать видимость обмена, на соседнюю взлетно-посадочную полосу вырулит пассажирский самолет американской авиакомпании TWA, который доставит «выпущенных из тюрем террористов» в арабскую столицу. К нему подъедут крытые брезентом армейские грузовики и автобусы с «заключенными». Роль заключенных террористов будут играть переодетые в арестантские робы военнослужащие Армии обороны Израиля из числа бедуинов, друзов и арабов-христиан, свободно владеющих арабским языком. Не исключалась возможность, что представители Красного Креста заговорят с кем-нибудь из «заключенных» на арабском языке. В качестве службы тюремной охраны выступят также израильские военнослужащие европейской внешности.

Тем временем в оперативном штабе продолжались переговоры с угонщиками. Абу Снейна, измученный бессонной ночью и нервным напряжением, был готов в любую секунду начать расстреливать заложников. Эхуду Бараку необходимо было выиграть около часа, чтобы окончательно завершить подготовку к операции. Виктор Коэн продолжал успокаивать террористов лестью и обманом. Он передал, что министр обороны Израиля готов удовлетворить все требования «Черного сентября», поскольку «Израиль еще никогда не имел дело со столь серьезными людьми, которые держат слово». Он передал угонщикам, что все 315 заключенных уже находились в автобусах по дороге в Лод.

Нужно подождать еще час, чтобы доставить колонну заключенных по забитым автомобилями израильским дорогам. Абу Снейна потребовал, чтобы гарантом и контролером сделки выступил Красный Крест. Виктор Коэн подтвердил, что на всех этапах обмена будут присутствовать представители этой организации. Тем временем Виктор Коэн предложил Абу Снейне передать через сотрудников Красного Креста воду и еду. Он также сообщил угонщикам, что для перелета самолета в Каир следует провести техническую проверку и дозаправку. Абу Снейна согласился подпустить к самолету техников EL AL в обязательном сопровождении представителя Красного Креста. Террористы почему-то думали, что посредничество и контроль Красного Креста обеспечат им большие гарантии.

В это время Эхуд Барак инструктировал своих людей. 15 бойцов были разделены на пять штурмовых групп. Первая группа под командованием Дани Ятома, заместителя командира «Сайерет Маткаль», должна была ворваться в салон самолета через переднюю дверь рядом с кабиной пилотов и нижний аварийный люк в носовой части. Первым в группе шел Ицик Ганон. Вторая группа, ведомая Узи Даяном, племянником министра обороны, должна была проникнуть в салон через дверь в хвосте самолета. Третья группа Омера Эрана должна действовать через аварийный люк над правым крылом. Группе Мордехая Рахамим предстояло первой ворваться в салон самолета через аварийный люк над левым крылом. Следом за ней следовала пятая группа Биньямина Нетаньяху. Сам подполковник Барак должен был занять место под фюзеляжем самолета, чтобы руководить всей операцией, согласовывая действие всех штурмовых групп, спасательных служб, и поддерживать связь с оперативным штабом. Внутри самолета командование взял на себя заместитель Барака майор Дани Ятом. Чрезвычайно важно было действовать быстро и одновременно. Поэтому командиры групп, выйдя на исходные позиции, должны были руками подать Эхуду Бараку знак о готовности. По условленному свисту Барака ровно через 10 секунд все группы должны были начать штурм.

Барак предупредил своих бойцов, чтобы на протяжении всего пути к самолету они вели себя как техники EL AL и не вызывали подозрения не только у террористов, но и у сотрудников Красного Креста. Никто, кроме бойцов «Сайерет Маткаль» и двух сопровождавших их техников EL AL, не знали о подготовке к штурму. Если бы что-то вышло из-под контроля, терро-

ристы открыли бы стрельбу или возникла любая другая внештатная ситуация, бойцы должны были без промедления броситься на свои исходные позиции и начать штурм.

Особая роль отводилась Мордехаю Рахамим. Перед началом операции начальник Генерального штаба Давид Эльзар лично его проинструктировал: «Что бы ни происходило внутри, ты в первую очередь нейтрализуешь взрывное устройство. Успех всей операции зависит от тебя, мы верим в тебя». Предположительно взрывное устройство находилось слева, в двух рядах от аварийного люка, в который должен был ворваться Мордехай Рахамим. Фактически весь штурмовой отряд выполнял функцию огневой поддержки Мордоха, и он вообще не должен был использовать свой пистолет, действуя под прикрытием остальных групп. Но, как показали дальнейшие события, всё сразу пошло не по плану. Рахамиму первому пришлось принять бой и выполнить основную зачистку. Сами спецназовцы потом шутили: «Большую часть работы выполнил Мордох, мы, можно сказать, были лишь его статистами...»

Итак, 9 мая 1972 года примерно в 16:00 началась антитеррористическая операция, получившая кодовое название «Изотоп». Со времени захвата бельгийского авиалайнера Sabena прошло более 22 часов. Спецназу «Сайерет Маткаль» предстояло впервые провести операцию по спасению заложников в закупоренном заминированном самолете, захваченном террористами-смертниками. До этого дня никто в мире не предполагал, что такое вообще возможно.

Буквально за полчаса к штурмовому отряду присоединился 16-й боец, Яков Цур. Ветеран «Сайерет Маткаль», в те годы он работал в Нью-Йорке сотрудником службы безопасности EL AL. Услышав по радио о захвате бельгийского авиалайнера Sabena и о требованиях палестинских террористов, он первым же рейсом вылетел в Израиль. «Когда я приземлился в Лоде, то был сильно удивлен, что угнанный самолет всё еще на своем месте. Я был уверен, что всё уже закончилось, – вспоминал Яков Цур. – Я побежал по ангарам и тут увидел своих товарищей в белых комбинезонах. Меня сразу усадили в вагончик, переодели в белый комбинезон и включили в группу Нетаньяху и Марко Ашкенази. Уже на ходу меня ввели в курс дела...»

Хотя все следовало плану, с первых минут начали происходить мелкие погрешности, каждая из которых могла привести к краху всей операции. Американский самолет авиакомпании TWA медленно выкатился по взлетно-посадочной полосе к точке встречи. Автобусы и армейские грузовики с «заключенными террористами» начали движение в его сторону. Всё делалось для того, чтобы угонщики до последней секунды были уверены в том, что израильтяне начали обмен. Дождавшись, когда автобусы подъедут к американскому авиалайнеру и из них выйдут «заключенные», к захваченному самолету Sabena выехала техническая колонна. Маленький тягач тащил за собой три вагончика и прицепную рампу с большими техническими лестницами. В каждом вагончике сидели по четыре бойца «Сайерет Маткаль». Подполковник Эхуд Барак, майор Дани Ятом и два настоящих техника EL AL заняли места впереди колонны на тягаче. Колонна хорошо просматривалась из захваченного самолета, поэтому на прицепных вагончиках не было ничего лишнего, что могло бы вызвать подозрение угонщиков. Возле каждого бойца «Сайерет Маткаль» находились только открытые ящики с инструментами. Пистолеты были спрятаны под белыми комбинезонами.

Первая «неприятность» произошла у начала 16-й линии. Представитель Красного Креста присоединился к группе. Прежде чем занять место, он медленно прошелся вдоль колонны. Только сейчас Эхуд Барак заметил, что один из его бойцов забыл сменить обувь и надел белый комбинезон на красно-коричневые десантные ботинки. К счастью, представитель Красного Креста или не обратил внимания, или не придавал этому факту значения. Однако в последнем вагончике он заметил на одном из «техников» пистолет. Боец по какой-то причине расстегнул комбинезон и стал поправлять свою «Беретту». Представитель Красного Креста сразу же сказал Эхуду Бараку, что ему необходимо срочно связаться с оперативным штабом. Отойдя в сторону, представитель Красного Креста поговорил с Моше Даяном и сказал ему, что не хочет «в этом» участвовать, что это подрывает доверие к международной организации и вредит ее

имиджу. Министр обороны не стал ничего объяснять, а лишь произнес одну-единственную фразу: «Ты хочешь взять на себя личную ответственность за взрыв самолета?» Этому оказалось вполне достаточно. Представитель Красного Креста молча вернулся в колонну и занял свое место рядом с Эхудом Барак и Дани Ятомом. Эхуд Барак посмотрел влево и увидел на балконе пассажирского терминала сотни израильтян и иностранных туристов, наблюдавших за разыгравшейся трагедией, соблюдая гробовое молчание.

За 500 метров до самолета представитель Красного Креста вновь остановил движение колонны. Он не спеша направился к самолету, переговорил с Абу Снейной, после чего вернулся к колонне и сказал: «Хорошо, давайте продолжим». Минуты, пока представитель Красного Креста разговаривал с главарем террористов, вспоминал Эхуд Барак, для него и его бойцов были самыми тяжелыми во всей операции. Чтобы снять напряжение, Эхуд Барак прервал тревожное молчание и спокойно обратился к своим бойцам: «Что бы ни происходило, вы знаете, что делать». Он попросил бойцов спрятать пистолеты за спинами, на случай, если террористы потребуют расстегнуть комбинезоны.

Колонна медленно продолжила движение. С каждой минутой напряжение нарастало. В любой момент террористы могли открыть огонь по заложникам. Не было ни малейшей уверенности в том, что представитель Красного Креста не намекнул Абу Снейне о возможном штурме, чтобы заранее снять с себя ответственность за содействие израильским спецслужбам. За 100 метров он вновь попросил остановиться и еще раз подошел к самолету. На этот раз он вернулся с двумя бельгийскими пилотами. «Смотрите, – он обратился к Барак. – Палестинцы опасаются, что у вас оружие. Они хотят, чтобы каждый, кто подойдет к самолету, расстегнул комбинезон и показал, что он безоружен».

Подполковник Барак первым соскочил с тягача и приблизился к самолету. Ему было хорошо виден Абу Снейна, который смотрел на него через иллюминатор в кабине пилота, намеренно выставив свой Magnum 11-го калибра. В сравнении с пистолетами Veretta 22, которыми были вооружены бойцы «Сайерет Маткаль», это была настоящая «пушка». Барак осторожно взглянул на часы. Он понимал, что террористы, не спавшие уже более двух суток, «потеряли цепкость глаза». Абу Снейна попросил пилотов обыскать Барака. Командир «Сайерет Маткаль» расстегнул свой комбинезон, и бельгиец произвел поверхностный обыск. Конечно, он заметил спрятанный за спиной пистолет, но не подал виду. На всякий случай Барак улыбнулся и спокойно произнес: «Это для самозащиты». Бельгийский пилот развернулся к кабине самолета и жестом показал, что всё чисто. Абу Снейна высунул руку с пистолетом и махнул: «Следующий!» Бойцы «Сайерет Маткаль» по очереди подходили к пилотам, распахивая перед ними свои белые комбинезоны. Один из бельгийцев, обыскивая Марко Ашкенази, коснувшись пистолета, улыбнулся и тихо произнес на английском: «Good luck!» Проверка заняла около 20 минут. Можно было только восхищаться хладнокровием бельгийцев, хотя все прекрасно понимали, что, к своему счастью, на борт они уже едва ли успеют подняться. Как минимум двух заложников уже удалось спасти. Можно было попытаться в последнюю минуту вытащить и командира Реджинальда Леви. Для этого под кабину пилота под предлогом зарядки бортовых аккумуляторов подогнали генератор, чтобы в случае крайней необходимости пилот имел возможность выпрыгнуть из иллюминатора на генератор.

Как только «Сайерет Маткаль» оказался под фюзеляжем самолета, штурмовые группы распределились по своим местам. Пока подносили приставные лестницы, бойцы специально стучали по корпусу самолета и четырем двигателям, создавая видимость технических работ. Сразу возникла первая неучтенная проблема. Из-за генератора, установленного под кабиной пилотов, группа Дани Ятома не смогла прислонить свою лестницу к передней двери самолета. Подполковник Барак поднял руки, что означало: «Всем приготовиться и ждать команды к штурму». Это движение заметили бельгийские пилоты и двое техников EL AL, ожидавших у тягача с тележками. Поняв, что сейчас начнется штурм, они в панике бросились бежать от

самолета. Это был самый критический момент в операции – если бы террористы, наблюдавшие за всем происходящим из иллюминаторов, заметили бегство, они сразу разоблачили бы истинные намерения израильтян. Положение мог спасти только немедленный штурм.

Эхуд Барак в 16:24 свистом подал команду к началу штурма. Но свист Барака услышали не все. Биньямин Нетаньяху находился по другую сторону самолета, командир последней штурмовой группы Узи Даян оставался у хвостового выхода. Из-за отвлекающего шума они не услышали сигнал к штурму. Заметив активизацию остальных штурмовых групп, Узи Даян подбежал к Бараку прояснить ситуацию. Это недоразумение стоило 15 секунд задержки, и группы Нетаньяху и Даяна ворвались в салон самолета позже, когда внутри салона уже шла стрельба. Также произошла заминка и в группе Дани Ятома, но уже по техническим причинам. Поэтому, вместо того чтобы параллельно ворваться с пяти точек: переднего и хвостового выходов и трех аварийных люков, атака началась лишь с одной стороны – с аварийного люка над левым крылом.

Сейчас с полной точностью невозможно во всех деталях описать операцию: кто первым поразил террористов, в какой очередности, кто за кем следовал, кто кого прикрывал огнем. Всё произошло так быстро, что даже непосредственные участники тех событий в полной мере не могут воссоздать общую картину. Первым через левый аварийный люк ворвалась группа, ведомая Мордехаем Рахамим. У него был приказ не открывать огонь, а уклоняться от боя и продвигаться к взрывным устройствам, оставив террористов на попечение остальных групп. Аварийный люк с грохотом вылетел в салон самолета, и Мордох, пригнувшись к днищу корпуса, вбежал внутрь. Из-за кресел он не сразу заметил Абд эль-Азиза эль-Атраша – тот находился слева от него и с расстояния трех метров вел стрельбу в открывшийся аварийный люк. К счастью, все пули прошли над головой в обшивку салона. Рахамим отпрыгнул назад, и следом за ним в салон буквально пронырнул Омер Эран. Он попытался открыть огонь по террористу, но в этот момент пожилая заложница со страху ухватила его за штанину комбинезона у самой щиколотки. В салоне началась паника. Пассажиры кричали в истерике и падали друг на друга на пол между креслами. Стараясь высвободить ногу, Омер нанес женщине сильный удар кулаком в лицо. Она наконец-то разжала мертвую хватку, и Омер смог подняться и выпустить несколько пуль в эль-Атраша. Тем временем Мордехай Рахамим вернулся в салон и, прикрываясь сиденьями, начал продвигаться в сторону террориста, опустошая свою обойму. Развитие событий внесло коррективы в начальный план. Приказ обезвредить взрывное устройство отменился сам собой. Шаг за шагом Мордох приближался к террористу, стреляя на ходу, не давая ему возможность высунуться в проход. Неожиданно патроны закончилась, и Мордехай Рахамим нырнул между креслами сменить обойму. Слева от себя он заметил женщину, бившуюся в истерике. Как выяснилось позже, это была Дора, супруга командира экипажа. Рахамим крикнул ей на английском: «It will be OK, don't worry!»³⁴ Выглянув в проход, он увидел лежащего на полу, харкающего кровью Абд эль-Азиза эль-Атраша. Он уже не представлял опасности, и Мордох просто не стал расходовать на него патроны, а перескочил через него к проходу у кабины пилотов, где уже завязалась перестрелка между группой Дани Ятома и главарем террористов Абу Снейной.

Когда Мордехай Рахамим со своей группой вел перестрелку с первым террористом, группа Дани Ятома безуспешно пыталась вскрыть переднюю дверь самолета. Генератор, подогнанный под кабину пилота, не позволил им надежно установить лестницу у борта. Первым поднимался Ицик Гонен, за ним следовал Дани Ятом. Им наконец-то с огромным трудом удалось приоткрыть дверь. Гонен попробовал двумя руками распахнуть ее, но она заклинила, к тому же на них обрушился град пуль. Гонен просунул руку с пистолетом в узкий проход и опустошил всю обойму в сторону доносившихся выстрелов. Абу Снейна стоял в полутора метрах

³⁴ *It will be OK, don't worry!* – Всё будет хорошо, не волнуйся! (англ.)

от двери, он ранил Ицика в руку, но и сам получил несколько пуль. Ицик Гонен соскользнул вниз, а Дани Ятом продолжил выбивать дверь, которую намертво заклинило. Ури Корен в это время вскрыл нижний аварийный люк, но из него ударило облако слезоточивого газа, который исходил из кабины пилотов.

В это время Мордехай Рахамим уже успел расправиться с эль-Атрашем и вел перестрелку с Абу Снейной. Главарь террористов истекал кровью и, ведя беспорядочную стрельбу во всех направлениях, в последней надежде укрыться от пуль, закрылся в туалете. Мордох сменил обойму, выбил дверь туалета и, просунув внутрь руку с пистолетом, в упор расстрелял Абу Снейну. Рахамим попытался вернуться в салон, но ему сразу пришлось отступить. Кто-то распылил слезоточивый газ. Мордох слышал крики Дани Ятома снаружи, собравшись с силами, он бросился на дверь и помог второй группе протиснуться в салон. Вместе с Дани Ятомом Мордох стал осматривать салон в поисках взрывных устройств.

Группа Узи Даяна начала штурм с небольшим опозданием. Узи ворвался в салон в хвостовую часть самолета первым, за ним следовали Юваль Галили и Хези Коэн. Перед Узи была штора, а за ней просматривалась какая-то фигура. Неожиданно оттуда выскочил смуглый мужчина и, пытаясь прорваться к выходу, инстинктивно обхватил Узи за шею. Узи Даян не раздумывая выпустил две пары пуль. Первая вошла мужчине в печень, вторая – в область сердца, третья пуля попала в челюсть, четвертая прошла выше головы. Узи Даян сбросил с себя обмякшее тело мужчины и стал пробиваться в проход между рядами кресел. Мгновение спустя он услышал за своей спиной крик отчаяния: «Почему? Я еврей!» Выяснилось, что это был один из заложников, 55-летний западногерманский бизнесмен Манфред Кардовский, в общей панике попытавшийся укрыться за шторой и выскочить из самолета при первой же возможности. К счастью, полученные им ранения из-за маленького калибра оказались несмертельными. В ту же секунду Узи заметил террористку Риму Таннус, на которую указал один из пассажиров. Подбежав к ней, он увидел, что террористка сжимает в руке гранату с выдернутой предохранительной чекой, а рядом с ней на сиденье лежит пояс со взрывчаткой. Узи Даян направил на нее пистолет, и она истошно закричала на английском: «Don't shoot!»³⁵ Она вся была покрыта потом и дрожала. Даян попытался успокоить террористку и объяснил ей, как передать гранату, разжимая палец за пальцем. Другие спецназовцы подхватили ее и выволокли из самолета, а подоспевший Мордехай Рахамим тем временем занялся взрывным устройством.

Группа Биньямина Нетаньяху ворвалась в салон через несколько секунд после группы Мордехая Рахамима. Первым шел Марко Ашкенази. Сильным ударом он опрокинул аварийный люк, который с грохотом влетел в салон. В горячке боя он чуть не попал под пули своих же товарищей, штурмовавших самолет с противоположного борта. Марко бросился в проход между пассажирскими креслами в сторону кабины пилотов, где Мордох уже добивал раненого Абу Снейну. Следом за Марко шаг в шаг продвигался Биньямин Нетаньяху. В проходе между рядами сидений лежал и бился в предсмертных судорогах эль-Атраш. Марко Ашкенази сделал контрольный выстрел в голову и тут же услышал крики: «Взрывчатка!» Пассажиры указывали на последнюю террористку Терезу Халсу. Она попыталась укрыться между сиденьями. Марко подбежал и попытался поднять ее на ноги, ухватив свободной левой рукой. Террористка оказала сопротивление, тогда Марко Ашкенази нанес ей сильный удар по лицу рукой, в которой держал пистолет. От удара произошел произвольный выстрел. Пуля прошла Терезу Халсу навывлет в грудь и ранила в руку Нетаньяху. Вбежавший в салон Эхуд Барак разорвал на террористке одежду и увидел второе взрывное устройство, спрятанное на ее теле. Он не стал снимать с нее «пояс смертника», а вытащил на крыло самолета через правый аварийный люк и передал раненую террористку другим бойцам.

³⁵ *Don't shoot!* – Не стрелять! (англ.)

После того как все террористы были обезврежены, командир «Сайерет Маткаль» Эхуд Барак, опасаясь, что на борту могли остаться другие взрывные устройства, отдал приказ всем покинуть самолет. Спустя 25 лет, будучи премьер-министром Израиля, Биньямин Нетаньяху шутя вспоминал: «Прорваться в самолет было легче, чем его покинуть». Стараясь предотвратить давку, спецназовцы первым делом вынесли тела двух застреленных террористов и уже после этого начали эвакуацию пассажиров. Высота авиалайнера Sabena составляла 13,5 метра, и обезумевшие пассажиры, прошедшие сутки в захваченном палестинскими террористами самолете, могли разбиться насмерть, прыгая из дверей без трапов. Сдерживая общую панику, спецназовцы вывели людей через аварийные люки на крыльях самолета.

Операция «Изотоп» готовилась около суток. Освобождение заложников прошло за 90 секунд, на 10 секунд меньше запланированного. Двое террористов были ликвидированы, две террористки захвачены. Они успели сделать всего лишь 10 выстрелов. Одна заложница, 22-летняя израильтянка Мирьям Голцберг из кибуца Лохамей Гетаот, сидевшая в центре салона самолета, получила смертельное ранение в голову. Десять дней врачи из больницы «Шива» безуспешно боролись за ее жизнь. Другой заложник, 55-летний житель Западного Берлина Манфред Кардовский, получивший по ошибке три пули от Узи Даяна, вскоре выписался из больницы. Еще две заложницы получили легкие ранения. Двое спецназовцев – Биньямин Нетаньяху и Ицик Гонен получили незначительные пулевые ранения.

Две захваченные террористки – Рима Таннус и Тереза Халса были осуждены на пожизненное тюремное заключение. 13 лет они провели в израильской тюрьме. 21 мая 1985 года Рима Таннус и Тереза Халса были выпущены на свободу в рамках сделки Джибриля³⁶.

Спустя час после окончания операции «Изотоп» израильское радио сообщило всему миру об успешном освобождении заложников из захваченного террористами «Черного сентября» пассажирского самолета бельгийской авиакомпании Sabena. На следующий день под заголовками «Ангелы в белом» были опубликованы фотографии, на одной из которых командир «Сайерет Маткаль» подполковник Эхуд Барак в белом комбинезоне с пистолетом в руке держал раненую террористку, спускаясь с ней по крылу самолета. Имена «Ангелов в белом» не раскрывались, но в одночасье они стали народными героями Израиля, национальной гордостью страны. Сотни репортерских групп устремились в Израиль, чтобы рассказать о беспрецедентной антитеррористической операции по освобождению заложников. Таким образом, совершенно непреднамеренно ими было раскрыто существование секретного спецподразделения Генерального штаба Армии обороны Израиля «Сайерет Маткаль».

Вечером 9 мая 1972 года, прежде чем покинуть аэропорт Лод, подполковник Эхуд Барак собрал штурмовой отряд. Все пребывали в эйфории. Чтобы «опустить на грешную землю» своих бойцов, командир «Сайерет Маткаль» сказал самые важные слова, которые он посчитал нужным произнести в тот момент: «Ребята, ни на минуту нельзя забывать, что разница между успехом и провалом подобного рода операций – это скорость и точность исполнения. Любая задержка прорыва в салон самолета или в обнаружении террористов могла закончиться катастрофой...»

---

³⁶ ...В рамках сделки Джибриля. – 21 мая 1985 года между израильским правительством и палестинской террористической организацией НФОП-ГК Ахмада Джибриля состоялась так называемая сделка Джибриля – обмен трех израильских военнопленных на 1150 заключенных, осужденных за терроризм.

Глава седьмая

1972 год. «Международный террористический интернационал». «Крупная мишень»

Убийство одного еврея вне поля боя эффективнее, чем убийство сотни евреев в бою, поскольку оно привлекает больше внимания.

Жорж Хабаи, основатель и председатель НФОП

К началу 1970-х мир пришел к пониманию, что палестино-израильское противостояние вышло за рамки регионального конфликта. С каждым годом в него втягивались всё новые и новые участники. Террористические организации и группировки из других стран учились у палестинцев всему, перенимая их опыт, расширяя свой «инвентарь» ведения террористической и партизанской войны с государственной системой. Хотя ООП не имела ни малейшего шанса как-то повлиять на израильское политическое руководство, показательные террористические акции всё же позволили ей привлечь внимание к «палестинской проблеме» многих мировых лидеров. В свою очередь, осознание нависшей угрозы международного терроризма заставило многие спецслужбы мира объединить свои усилия в борьбе с общим врагом. В Израиль по каналам европейских спецслужб стала просачиваться дополнительная информация об активизации палестинских эмиссаров, занимающихся вербовкой левых радикалов из числа западноевропейской студенческой молодежи. Особых успехов в этой области добились НФОП и ФАТХ, установив тесные контакты со многими европейскими террористическими организациями левоанархистского и марксистского толка. Так, уже в 1968 году члены западногерманской террористической организации RAF, известной так же, как «Банда Баадер-Майнхоф» и «Фракция Красной Армии», посетили учебный лагерь ФАТХ, размещенный на территории Иордании.

Палестинских террористов очень привлекала Западная Германия. Хотя «Банда Баадер-Майнхоф» вскоре разорвала отношения с ФАТХ ввиду идеологических и ментальных разногласий, в Западной Германии помимо «рафовцев» нашлось немало леворадикальных групп, готовых выступить с палестинцами единым «антиимпериалистическим фронтом» или оказать «арабским друзьям» поддержку на уровне логистики и сбора информации.

Правительство ФРГ в 1960–1970-х годах проводило достаточно либеральную политику по отношению к арабским студентам, желавшим обучаться в западногерманских высших учебных заведениях. Палестинские студенты получали специальную государственную стипендию, поэтому в ФРГ была в те годы самая большая концентрация палестинских студентов в Западной Европе. Также с окончанием Второй мировой войны на территории Западной Германии необычайно быстрыми темпами начала расти турецкая диаспора. Турецкие эмигранты пополняли недостающую рабочую силу, необходимую для восстановления послевоенной Западной Германии. ФАТХ и другие палестинские террористические организации вербовали своих сторонников, как правило, среди мусульманских общин Западной Европы. Именно турецкие эмигранты стали каналом для установления связей левых радикалов с ближневосточными террористическими организациями.

Благодаря сближению с палестинскими террористическими организациями западногерманские левые радикалы многое приобрели. Речь шла об учебных базах на Ближнем Востоке и серьезных финансовых вливаниях, о потоке нелегального оружия и наркотиков, о завязывании прямых контактов с национально-освободительными движениями стран третьего мира. Но самое главное, что стало основой взаимного сотрудничества, левые экстремисты получили надежное территориальное укрытие от преследования собственных властей.

В свою очередь, плотно взаимодействуя с западногерманскими террористами, палестинцы смогли развернуть широкомасштабную террористическую деятельность в Европе. Это сотрудничество впоследствии получило символическое название «Международный террористический Интернационал». Всё это вызывало тревогу у израильских спецслужб. Многие палестинские террористические организации, такие как НФОП и «Черный сентябрь», в 1970-х годах осуществляли большую часть своих операций на территории Западной Европы, где израильтянам было крайне сложно проводить превентивные антитеррористические мероприятия. Новые вызовы требовали от израильских спецслужб коренным образом пересмотреть основные прерогативы антитеррористической доктрины. Израильская внешняя разведка «Моссад» в конце 1960-х – начале 1970-х годов стала создавать в Европе широкомасштабную агентурную сеть в палестинской среде. Именно в этот период «родились» наиболее выдающиеся израильские разведчики.

В апреле-мае 1972 года на территории Ливана в бедуинском лагере беженцев в пригороде Бейрута НФОП организовал второй летний семинар, на который съехались представители многих террористических организаций. Среди приглашенных в Ливан был в том числе малоизвестный венесуэльский террорист Ильич Рамирес Санчес, сошедшийся с палестинскими террористами НФОП еще во время учебы в Московском университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Основной целью семинара была организация международной террористической сети с центром в одной из европейских столиц. Террористические организации могли процветать в условиях «беззубых» западных демократий, не в полной мере оправившихся от нацистского тоталитаризма. На фоне строгого запрета любой деятельности правых организаций ультралевые переживали период наибольшего благоприятствования. Палестинцы очень ценили дружбу с западногерманскими леваками, но к 1972 году в ФРГ уже царил настоящая RAF-истерия. «Банда Баадер-Майнхоф» буквально терроризировала Западную Германию непрекращающейся серией банковских ограблений и диверсий. Экстремистские группировки из других стран не желали оказаться в эпицентре внутреннего конфликта и попасть под «каток» западногерманских спецслужб. В конечном итоге штаб-квартирой международной террористической сети была выбрана французская столица. Немалую роль в этом решении сыграла традиционная французская симпатия к арабам. Удобное географическое положение Парижа позволяло без труда поддерживать связь с организациями во всех уголках мира. Но главное «достижение» международного семинара заключалось в договоренности о согласованных действиях различных террористических групп. Основная идея состояла в том, что одна террористическая организации должна действовать в интересах другой. В 1970-х годах, впрочем, как и в наши дни, существовали серьезные затруднения, связанные с экстрадицией преступников. Пока одна страна требовала выдачи террористов, они успевали затеряться в другой части света.

«Международный террористический Интернационал» был неразрывно связан с венесуэльцем Ильичом Рамиресом Санчесом. Один из наиболее опасных террористов второй половины XX века, заслуженно считавшийся в 1970–1980-х годах террористом номер один. Мировую известность Ильич Рамирес Санчес получил под псевдонимом Карлос-Шакал. Ему инкриминируется организация более сотни показательных терактов. «Человек тысячи лиц», доведший искусство перевоплощения и конспирации до недостижимых высот – на протяжении десятков лет многие спецслужбы мира безуспешно вели на него охоту, в то время как Карлос-Шакал практически беспрепятственно перемещался по Европе, останавливаясь в самых дорогих отелях. Поддерживая связь со многими террористическими группами, он манипулировал ими, нередко выполняя их руками заказные убийства. Прекрасный исполнитель-солист, превративший теракты в рейтинговые «телешоу» прямого эфира, он в первую очередь был «мозговым центром», человеком, прекрасно разбирающимся как в психологии экстремистов, кого, где и как использовать, так и в реакции общественного мнения и политических деятелей. Он всегда знал, как добиться нужного результата с относительно минимальными затратами.

Карлос родился 12 октября 1949 года в столице Венесуэлы городе Каракасе в семье процветающего адвоката. Его отец, Хосе Аллаграсия Санчес, был ярким приверженцем марксизма-ленинизма, поэтому такие фамилии, как Маркс, Сталин, Ленин и Кастро, вошли в жизнь Карлоса с самого раннего детства. Адвокат Санчес настолько боготворил Ленина, восхищаясь его идеями, что последовательно дал своим сыновьям имена Владимир, Ильич и Ленин. Соответственно средний сын получил имя Ильич Рамирес Санчес.

Отец-миллионер не жалел средств на обучение сыновей, которые в скором времени должны были влиться в международное революционное движение. Ильич Рамирес Санчес получил прекрасное образование. В пятнадцатилетнем возрасте он вступил в ряды Коммунистической партии Венесуэлы и «как настоящий революционер» взял себе псевдоним Карлос³⁷.

Спустя два года, когда ему исполнилось семнадцать лет, отец отправил Карлоса на Кубу, в специальный учебный лагерь, где молодые революционеры постигали основы тактики ведения партизанской войны. В 17-летнем возрасте Карлос еще был идеалистом, его в меньшей степени интересовали деньги. То, что террор – дело весьма доходное, Карлос понял позже. Он обучался в военном лагере, расположенном в окрестностях Гаваны, методике проведения направленных взрывов, приемам рукопашного боя и стрельбе из всех видов ручного оружия, готовя себя к будущим революционным схваткам.

После Острова свободы отец Карлоса отправил среднего сына в Лондон вместе с матерью и младшим братом по имени Ленин, чтобы те «навели европейский лоск». Некоторое время они проживали в Кенсингтоне, одном из самых привилегированных аристократических кварталов западного пригорода британской столицы. Там, в лондонских пивных барах, Карлос впервые открыл для себя существование европейских левоанархистских движений. В конце 1960-х годов в настроениях леволиберальной интеллигенции и европейского студенчества росло ощущение, будто Запад находится на пороге революционных преобразований. Эти настроения подпитывались прежде всего последствиями нацизма и расколом поколений, позорным колониальным прошлым западных стран и преступной вьетнамской войной, развернутой Соединенными Штатами в Индокитае.

В середине 1968 года Карлос приехал в Москву и сдал вступительные экзамены в Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Ни для кого на Западе не было секретом, что это учебное заведение готовило не только прекрасных специалистов во многих областях науки и техники. Его выпускники становились вольными и невольными советскими «агентами влияния» в странах третьего мира. Об этом периоде жизни Карлос всегда вспоминал как о самых лучших годах своей молодости. В Москве Ильичу Рамиресу Санчесу понравилось. Он вел разгульный образ жизни. Благодаря регулярным денежным переводам отца Карлос никогда не испытывал финансовых затруднений. Богатый иностранец привлекал к себе повышенное внимание противоположного пола. Дикие ночные кутежи занимали его куда больше, чем занятия в университете. Однако рано или поздно московским похождениям Карлоса должен был прийти конец. В 1969 году он был исключен из Венесуэльской компартии и по требованию венесуэльских студентов (согласно распространенному мнению) изгнан из стен университета. Формальным поводом к отчислению Ильича Рамиреса Санчеса послужило его участие в несанкционированной демонстрации у посольства Ливии. Летом 1970 года Карлоса выдворили за пределы Советского Союза за «антисоветские провокации».

Почти двухлетнее пребывание Карлоса в Москве принесло ему неоценимую пользу. В университете он установил контакты со многими «революционерами» третьего мира. Покинув Москву, Карлос на некоторое время перебрался в Париж, где тесно сошелся с палестин-

---

³⁷ Псевдоним Карлос-Шакал появился много позже. Прозвище Шакал Ильич Рамирес Санчес получил с легкой руки французских журналистов. Во время обыска в его номере парижского отеля среди личных вещей была найдена книга французского писателя Фредерика Форсайта «День Шакала» о киллере, долгие годы охотившемся за Шарлем де Голлем. Почему-то журналисты решили, что это была любимая книга Санчеса, и с этого момента к псевдониму Карлос прикрепились Шакал.

скими террористами. Еще будучи в столице СССР, Карлос познакомился с обучавшимися в Университете дружбы народов палестинскими студентами, в том числе с Мохаммедом Будиа. Палестинцы «раскрыли» Карлосу глаза на свою проблему, убеждая, что истинное его призвание – борьба с американским империализмом и международным сионизмом, тем более что эта борьба щедро подпитывалась деньгами богатых нефтяных арабских шейхов. В Париже Карлос официально влился в ряды НФОП. По заданию своих новых палестинских друзей Карлос сначала занимался сбором информации, составив список из 500 объектов – потенциальных целей. Принято считать, что Карлоса завербовал член ЦК НФОП Вадиа Хаддад. Когда в 1979 году Вадиа Хаддад (не без помощи израильтян) скончался в одной из восточногерманских клиник, Карлос стал самым значимым международным террористом своего времени.

Второй летний семинар, организованный НФОП в апреле – мае 1972 года в пригороде Бейрута, проходил на фоне тяжелейших мировых террористических потрясений. За два месяца до этого, в марте 1972 года, состоялся III съезд НФОП, где впервые наметился серьезный раскол в рядах этой организации. Председатель НФОП доктор Жорж Хабаши своим выступлением с трибуны съезда поверг в шок почти всех делегатов. Он поставил под сомнение «основу основ палестинского национально-освободительного движения». Он прямо заявил о том, что терроризм не всегда является самым эффективным орудием палестинской борьбы. События, вошедшие в историю как «черный сентябрь», заставили Жоржа Хабаши коренным образом пересмотреть стратегическую линию НФОП. Ущерб был настолько ощутим, что возникал вполне закономерный вопрос: кто в первую очередь страдает от терроризма? Жорж Хабаши был очень неглупым и дальновидным политиком, способным принимать непростые стратегические решения, когда того требовали обстоятельства. В острой дискуссии председатель НФОП смог убедить большинство делегатов воздержаться от проведения внешних террористических операций. Однако Жорж Хабаши не мог лично контролировать каждую из многочисленных группировок, входивших в «Фронт». К тому же второе лицо в иерархии НФОП доктор Вадиа Хаддад в ультимативной форме отказался выполнять решения съезда и стал проводить независимую «внешнюю политику», опираясь на правое крыло ЦК НФОП.

Тут-то и пригодился венесуэльский террорист Карлос-Шакал. В отместку за решение III съезда НФОП отказаться от внешних террористических операций Вадиа Хаддад поручил Карлосу спланировать показательный теракт. В качестве объекта нападения был вновь выбран израильский международный аэропорт Лод. Вадиа Хаддад предложил задействовать иностранцев из числа «Международного террористического Интернационала», вызывавших у израильских спецслужб меньше подозрений, нежели боевики арабского происхождения. Вместе с Гассаном Канафани, Бассамом Абу Шарифом и другими руководителями правого крыла НФОП Карлос-Шакал приступил к планированию операции под кодовым названием «Крупная мишень». Именно во время подготовки этого теракта Карлос-Шакал впервые открыл в себе незаурядные организаторские способности. На финансирование операции было выделено 5 миллионов долларов, полученных от правительства Западной Германии в качестве выкупа за угнанный самолет авиакомпании Lufthansa в феврале 1972 года. Нападение на аэропорт Лод должно было стать частью гораздо более масштабного плана, который по неизвестным причинам не был до конца реализован.

Вместе с Карлосом-Шакалом весной 1972 года в палестинском учебном лагере проходили подготовку несколько членов недавно созданной марксистской террористической организации «Японская Красная Армия». Японцы традиционно считались самой путешествующей нацией мира, потому их появление в Израиле не вызвало бы вопросов. К тому же в начале 1970-х годов японские экстремистские группы действовали, как правило, в пределах своего региона. Незадолго до начала второго семинара основатели и лидеры «Японской Красной Армии» супруги Фусако Сигэнобу и Тсуйоши Окудейра предложили палестинцам услуги своей террористической группы.

Краткая справка

«Японская Красная Армия»³⁸ – японская марксистская террористическая организация, основанная в период холодной войны, 26 февраля 1971 года супругами Фусако Сигэнобу и Тсуйоши Окудейра в результате слияния нескольких леворадикальных организаций, ставивших целью свержение японского правительства и приближения мировой революции.

Идеология – осуждение «советского ревизионизма» и подготовка мировой революции посредством создания широкого интернационального фронта локальных партизанских армий. Главными противниками члены «Японской Красной Армии» считали мировой империализм, сионизм, Израиль и «советский ревизионизм».

После того как в 1971 году лидер организации Фусако Сигэнобу предложила союз НФОП, «Японская Красная Армия» перенесла свою штаб-квартиру в Ливан в долину Бекаа.

В разное время численность «Японской Красной Армии» колебалась от нескольких десятков до 400 человек. Подразделялась на три комитета: Военный, Идеологический и Организационный.

«Японская Красная Армия» занималась ограблениями банков, угонами самолетов, нападениями на дипломатические миссии и захватами заложников для последующего обмена на своих заключенных соратников.

В апреле 2001 года после ареста Фусако Сигэнобу «Японская Красная Армия» заявила о самороспуске.

Пока основательница «Японской Красной Армии» с несколькими боевиками своей организации находилась в учебном лагере НФОП, в Японии без ее ведома была устроена «чистка рядов». Многие члены организации были казнены собственными товарищами. Это нанесло серьезный удар по имиджу группы как в самой Японии, так и среди зарубежных леворадикальных экстремистов.

Карлос-Шакал предложил Фусако Сигэнобу спасти лицо организации, совершив громкий теракт на одном из наиболее охраняемых объектов Израиля – в международном аэропорту Лод. В свою очередь, Вадиа Хаддад мог представить теракт в Лод как месть палестинцев за убийство недавних угонщиков бельгийского авиалайнера Sabena, тем самым оправдаться за нарушение решений III съезда НФОП³⁹. Фусако сразу же согласилась оказать услугу НФОП и провести показательную диверсию против общего сионистского врага.

На роль исполнителей были выбраны трое молодых – в возрасте от 24 до 27 лет – членов организации, находившихся в тот момент в летнем лагере НФОП, – муж Фусако Сигэнобу Тсуйоши Окудейра, Ясуда Ясуюки и Кодзо Окамото. До последнего момента планы операции содержались в строжайшем секрете. В его подробности были посвящены только организаторы теракта и один из исполнителей – Тсуйоши Окудейра. Двое других исполнителей узнали о своей миссии за неделю до вылета из Бейрута.

Исполнители прекрасно понимали, что полет в Израиль, возможно, станет для них последним. Однако, когда им сообщили о миссии и посвятили в детали операции, они не колеблясь приняли предложение. Эти люди были фанатиками, готовыми в любой момент положить свои жизни на «алтарь мировой революции». Смерть на глазах у всего мира в израильском

---

³⁸ Официальное название «Японская Красная Армия» стало использоваться с 1974 года.

³⁹ Теракт в любом международном аэропорту, направленный против иностранных граждан, всегда считается международной террористической акцией.

международном аэропорту, к которому еще несколько недель назад было приковано внимание всех СМИ, была вожаемой мечтой многих террористов-самоубийц.

Японские «камикадзе» вылетели 23 мая 1972 года из Бейрута в Париж, где сделали посадку на самолет, следовавший во Франкфурт. Террористы тщательно продумали каждый шаг, чтобы замести любые следы, ведущие в Ливан. Во Франкфурте они получили новые поддельные японские паспорта на вымышленные имена. Затем они поездом выехали в Рим. Там они провели три дня как обычные туристы, фотографируясь и посещая исторические достопримечательности. У них не было с собой даже оружия.

В самый последний день, утром 30 мая 1972 года, Фусако Сигэнобу лично приехала в Рим и привезла террористам авиабилеты в Израиль, штурмовые винтовки чешского производства vs.58, 270 патронов к ним и шесть ручных гранат. Оружие упаковали в три дорожных чемодана. В полдень Тсуйоши Окудейра, Кодзо Окамото и Ясуда Ясуюки переоделись в деловые костюмы и направились в международный аэропорт Рим-Фьюмичино имени Леонардо да Винчи. Пройдя регистрацию, они сдали дорожные чемоданы в багаж и поднялись на рейс авиакомпании Air France, следовавший из Нью-Йорка в Тель-Авив.

Вечером того же дня, примерно в 22:00, самолет совершил посадку в Израиле. Международный аэропорт Лод еще переживал события 20-дневной давности, когда «Сайерет Маткаль» штурмом освободил захваченный бельгийский авиалайнер Sabena. Пассажирский терминал был переполнен людьми, и террористам пришлось выстоять длинную очередь у паспортного контроля. За это время в аэропорту совершили посадку еще четыре пассажирских самолета. Молодые японцы в деловых костюмах со скрипичными футлярами в руках не вызвали ни малейшего подозрения у службы безопасности аэропорта. Они успешно миновали паспортный контроль и около 22:30 получили свой багаж. Японцы тут же открыли свои чемоданы и достали штурмовые винтовки. Метнув несколько гранат, они открыли беспорядочную стрельбу длинными очередями по скоплению людей в пассажирском терминале. Возникла паника, и служба безопасности аэропорта не сразу смогла обнаружить и обезвредить террористов.

Тсуйоши Окудейра погиб почти сразу, не успев израсходовать свой боекомплект. По всей видимости, он попал под пули своих товарищей. Ясуда Ясуки, расстреляв первую обойму, выбежал на взлетное поле и открыл огонь по пассажирам, спускающимся по трапу самолета. После того как у него закончились патроны, он подорвал себя оставшейся ручной гранатой. Последний террорист, Кодзо Окамото, также выбежал на взлетное поле и открыл огонь по пассажирам, только что прибывшим из Парижа. Увидев, что его сообщники мертвы, Окамото выбросил штурмовую винтовку и попытался скрыться, затерявшись в убегающей толпе. Однако на выходе из пассажирского терминала его опознали и задержали сотрудники аэропорта.

За несколько минут террористам удалось застрелить 26 и ранить 72 человека, среди них 11 паломников-христиан из Пуэрто-Рико.

Единственному захваченному террористу были предъявлены обвинения «в совершении террористического акта, повлекшего смерть 26 человек, незаконном владении и ношении огнестрельного оружия, а также в 72 покушениях на убийство, повлекших за собой телесные повреждения». Окамото сразу стал сотрудничать со следствием, дав исчерпывающие показания, в надежде, что потом ему дадут возможность покончить с собой. На первый же вопрос о том, сожалеет ли он о содеянном, Кодзо Окамото ответил: «Да, но у меня не было выбора, я не мог не стрелять, теперь мне остается только молиться за упокой душ погибших». В ходе судебного слушания он сразу же выразил свою солидарность с борьбой, которую ведет «Народный фронт освобождения Палестины». Ему был назначен опытный израильский адвокат Макс Кризман. Однако с судом, как и с назначенным ему адвокатом, обвиняемый отказался сотрудничать, надеясь спровоцировать смертный приговор. На протяжении всего судебного процесса

он активно саботировал своего адвоката, даже опротестовал его ходатайство о проведении психиатрической экспертизы.

Когда лицо Кодзо Окамото впервые появилось в эфире, люди были шокированы. Все ожидали увидеть монстра, а перед ними на телеэкранах предстал обычный скромный молодой юноша, этакий «ботаник» (кстати, он и был дипломированным ботаником). У всех возникали одни и те же вопросы: как такой интеллигентный юноша мог принять участие в такой кровавой бойне? что должно было случиться, чтобы довести человека до такой степени ненависти? что Израиль и иностранные туристы сделали этим молодым японцам?

Кодзо Окамото родился в Японии 7 декабря 1947 года в городе Кумамото на острове Кюсю в благополучной обеспеченной семье. Получил прекрасное образование, свободно владел английским, китайским, арабским и ивритом. Окончил ботанический факультет университета Кагосима. Однако в студенческие годы Окамото увлекся коммунистическими идеями и был завербован одной из марксистских группировок, позже влившейся в состав «Японской Красной Армии». В начале 1970-х годов он выехал из Японии в Ливан, где принял ислам, после чего отказался возвращаться на родину, фактически разорвав связи со своей семьей. Дальнейшее известно.

Судебные слушания продлились почти год. 23 июля 1973 года 25-летний японский террорист Кодзо Окамото был осужден израильским Военным трибуналом к пожизненному заключению. Спустя 13 лет, в 1985 году, в рамках «сделки Джибриля» по обмену военнопленными Кодзо Окамото был выпущен на свободу. Он сразу же покинул Израиль и вылетел через Египет в Ливию, а затем в Ливан, опасаясь экстрадиции в Японию, где он заочно был приговорен к смертной казни.

Утром 31 мая 1972 года, сразу после совершения теракта, «Народный фронт освобождения Палестины» и «Японская Красная Армия» выступили с совместным заявлением, взяв на себя ответственность за нападение на израильской аэропорт Лод. Мировая общественность была шокирована. Даже арабские страны, несмотря на конфликт с Израилем, назвали теракт в аэропорту Лод «неприемлемой кровавой бойней».

Но больше всех была потрясена японская общественность, которая до последнего отказывалась верить, что в теракте замешаны ее граждане, пока официальный представитель дипломатической миссии не подтвердил, что Кодзо Окамото является гражданином Японии. Кодзо Окамото заявил японскому дипломату, что у него нет ничего против израильского народа. Но он вынужден был так поступить, поскольку «это был мой долг солдата революции». Япония принесла Израилю и Пуэрто-Рико официальные извинения за преступление, совершенное ее гражданами, возмнившими себя самураями-камикадзе, а также выплатила всем пострадавшим денежную компенсацию в общей сложности более чем на полтора миллиона долларов США.

В Израиле этот террористический акт называли не иначе как резня. Это был самый крупный теракт за всю историю существования Государства Израиль. В стране был объявлен траур. Поистине кровавое побоище 30 мая 1972 года, совершенное террористами из «Японской Красной Армии», стало трагедией национального масштаба.

Ответ Израиля, как всегда, не заставил долго ждать. Несмотря на то что непосредственные исполнители теракта понесли заслуженную кару, тем не менее митбахон⁴⁰ премьер-министра Голды Меир принял решение нанести ответный удар по тем, кто планировал атаку на аэропорт.

Сразу после совершения теракта, в то время как тела убитых еще продолжали лежать на залитом кровью полу пассажирского терминала, на волне одной из бейрутских радиостан-

---

⁴⁰ *Митбахон* – от ивритского слова «маленькая кухня». Голда Меир имела обыкновение собирать основных министров у себя дома на маленькой кухне для решения щепетильных государственных вопросов.

ций прозвучало следующее: «Израиль, это “Народный фронт освобождения Палестины”. Мы берем на себя ответственность». Эти слова принадлежали писателю, журналисту, редактору журнала «Аль-Хадеф», одному из руководителей НФОП Гассану Канафани – человеку, непосредственно принимавшему участие в планировании теракта.

Израильские спецслужбы были осведомлены о местах проживания большинства палестинских лидеров. Канафани занимал одну из квартир в многоэтажном доме на юго-востоке Бейрута, в спальном районе Хазмие. Агенты «Моссада», начиная с июня, установили слежку за Канафани. Ожидая ответной реакции израильских спецслужб на теракт в аэропорту, Гассан Канафани, как и другие руководители НФОП, окружил себя многочисленными телохранителями. Он намеренно отменил все встречи, изменил рабочий график и постоянно менял пути передвижения по городу.

Основная сложность уничтожения Канафани заключалась в том, что в 1972 году у «Моссада» не было достаточно прочных позиций в Бейруте. Из-за опасения, что могла пострадать семья террориста, а также ни в чем не повинные люди, проживавшие по соседству с ним, вопрос о нанесении авиаудара по его дому не рассматривался. Для ликвидации необходим был близкий контакт. Однако в системе охраны Канафани была замечена одна серьезная брешь, позволившая впоследствии свести счеты с писателем-террористом. Ночью его дом не охранялся.

В ночь на 8 июля Гассан Канафани в окружении телохранителей вернулся домой. Как обычно, он загнал свой спортивный автомобиль Austin 1100 в гараж, находившийся на первом этаже дома, и вместе с охраной поднялся в квартиру.

Никто не обратил внимания на припаркованную неподалеку темную машину, внутри которой сидели несколько молодых людей. Дождавшись, когда телохранители Канафани выйдут из дома и разъедутся по своим делам, молодые люди вышли из машины и направились к гаражу. Агенты «Моссада» смазали маслом высокие металлические двери и, быстро вскрыв замок отмычкой, проскользнули внутрь помещения.

На следующий день, 8 июля 1972 года, в 11 часов утра 36-летний Гассан Канафани вышел из своей квартиры и, открыв двери гаража, сел за руль спортивного автомобиля. Как только Канафани провернул ключ зажигания, был приведен в действие 5-килограммовый заряд взрывчатки, спрятанный под капотом автомобиля. Взрыв был такой силы, что во всем районе не осталось ни одного целого стекла. Даже личный пистолет Канафани, с которым он никогда не расставался, был разорван на отдельные кусочки, которые были найдены в радиусе 100 метров от гаража.

К сожалению, вместе с Гассаном Канафани погибла его 17-летняя племянница, приехавшая накануне покушения из Акко. В момент взрыва она находилась в машине дяди.

Убийство Гассана Канафани вызвало среди палестинских лидеров невероятную панику. Многие, опасаясь за свою жизнь, спешно покинули пределы Ливана. Вадиа Хаддад «по неотложным делам» срочно вылетел в Алжир. Лейла Али Халед, близкий друг Канафани, затерялась где-то в Берлине, а доктор Жорж Хабаш вылетел на лечение в Москву.

Следующим в «черном списке» стояло имя одного из лидеров НФОП Бассам Абу Шарифа, также принимавшего непосредственное участие в планировании кровавого теракта в международном аэропорту Лод.

Бассам Абу Шариф был известным сторонником «почтовой войны» – рассылки бандеролей с взрывчаткой. Десятки смертоносных пакетов были отправлены при его личном участии. Поэтому выбор способа ликвидации стал весьма символичным. Один из осведомителей «Моссада» сообщил о том, что Абу Шариф заказал из Манилы книгу о жизни Эрнесто Че Гевары. Он с нетерпением ждал посылку, и в «Моссаде» решили «ускорить» ее доставку на несколько дней. Между страниц книги положили пару полосок пластиковой взрывчатки. Этого количе-

ства вполне хватило бы, чтобы уничтожить самого террориста и причинить минимальный вред окружающим.

Бассам Абу Шариф приехал 25 июля 1972 года в свой офис главного редактора газеты «Аль-Хадаф» раньше обычного. Накануне вечером ему позвонили из почтового отделения и сообщили, что на его имя пришла бандероль из Манилы. Любая почта, поступающая к функционерам НФОП, тщательно проверялась собственной службой безопасности на наличие взрывчатки. На этот раз служба безопасности не заметила ничего подозрительного, тем более что сам Абу Шариф заранее предупредил, что давно с нетерпением ожидал книгу из Манилы. Это усыпило бдительность охраны, в противном случае, учитывая недавнее покушение на Гассана Канафани, пакет обязательно попытались бы развернуть. Абу Шариф поднялся в личный кабинет и, не дойдя до стола, вытащил из пакета книгу. Раскрыв обложку, он лишь успел заметить две плоские красно-коричневые плитки, похожие на шоколад. Опытный террорист сразу всё понял. «Ни единого шанса!» – мелькнуло у него в голове. За доли секунды он лишь успел немного отвернуться, прикрыв лицо ладонями.

Спустя много лет Абу Шариф вспоминал: «Я не слышал самого взрыва, потому что меня, должно быть, оглушило. В следующий момент мне показалось, что я погружаюсь в глубокую темную яму ужасающей тишины. Вокруг меня была черная пустота. Я помню, что думал: “я умираю” и был сильно зол на самого себя, потому что никогда уже не добьюсь всего, что я надеялся совершить в моей жизни. И тут я внезапно почувствовал руками землю подо мной, и, осознав, что я всё еще жив, попытался встать и нащупать путь к стене.

Я чувствовал, как что-то мокрое бежит по моему лицу и рукам, и догадался, что это была моя собственная кровь.

К моему ужасу, я мог также почувствовать, как правый глаз свисает по моей щеке, словно огромная слеза. До этого момента я чувствовал только онемение. Но, когда я на ощупь добрался до двери, меня охватила мучительная боль.

Когда я пошатнулся в дверях, две сильные руки сжали мои плечи, и я испугался, что тот, кто пытался меня убить, теперь пытается похитить меня. Я крикнул несколько раз: “Кто ты?” Мои губы казались огромными, опухшими, сухими и потрескавшимися. Ответа не последовало.

Будучи преисполнен решимости отбиться от тех, кого я считал нападавшими, я из последних сил пытался освободиться, когда меня тащили вниз по лестнице и бросили, как сумку, на заднее сиденье автомобиля. Меня не волновало, что меня уже похитили. Захлебываясь в собственной крови, я почувствовал кислородную маску на лице и наконец потерял сознание...»⁴¹

Люди, прибежавшие на помощь Абу Шарифу, были обычными уличными прохожими – лавочник и таксист. Услышав взрыв, они бросились в здание офиса. Время было раннее, и, кроме самого пострадавшего от взрыва, в здании не оказалось ни одного человека. Они нашли Абу Шарифа в проеме двери и доставили его в ближайшую больницу.

Бассам Абу Шариф получил восемьдесят процентов ожогов тела. От его лица практически ничего не осталось. Он потерял правый глаз, левый был сильно поврежден. Почти год ливанские врачи пытались частично спасти ему зрение. Направленным взрывом Абу Шарифу сильно повредило челюсти и зубы, он лишился обеих барабанных перепонок и нескольких пальцев на руке. Около шести лет понадобилось ему, чтобы частично восстановиться и начать обходиться без посторонней помощи.

В том же интервью, данном им журналистке Клэр Кэмпбел в июле 2009 года, Абу Шариф признался, что годы, проведенные на больничной койке, он не переставал думать о том, что с ним произошло. Собственные страдания, явившиеся прямым следствием террористической

---

⁴¹ *Campbell C.* «It happened to me... I was blown up by a parcel bomb». Daily Mail. 2009. 11 July.

войны, заставили его многое переосмыслить. В молодости он был убежденным сторонником терроризма, но с годами Абу Шариф пересмотрел свои взгляды. Он всё более сближался с демократическим крылом ФАТХ, что в конечном итоге привело к его изгнанию из НФОП. Став одним из заместителей Арафата, Абу Шариф приступил к формированию нового политического курса ООП, направленного на сближение с Израилем. «... Постепенно я начал понимать, что нет никаких оснований в том, чтобы я прекратил активно участвовать в освобождении Палестины. Но мне нужно было найти мирные средства для этого. Прежде всего я захотел доказать людям, насколько бесполезно насилие...»

Несмотря на неудачную попытку устранения Бассама Абу Шарифа, израильское руководство решило не доводить дело до конца, приняв решение сосредоточить усилия на решении более злободневных вопросов безопасности. Бассам Абу Шариф уже не представлял угрозы Израилю. Спустя несколько месяцев «Черный сентябрь» провел самый громкий свой теракт – похищение сборной Израиля на летних Олимпийских играх в Мюнхене, и весь ресурс спецслужб и спецподразделений Израиля был брошен на полную ликвидацию этой террористической организации.

Глава восьмая

1972 год. Операция «Аргаз-3»⁴²

...Все эти дни в плену я представлял себе, как наши ребята из спецназа неожиданно врываются на территорию сирийской тюрьмы, распахивают железные двери нашего каземата и говорят: «А теперь, парни, домой!..»

Пини Нахмани, израильский штурман, провел в сирийском плену более трех лет

Шестидневная война и сокрушительный разгром арабских армий не принес ни Ближнему Востоку, ни Израилю долгожданного покоя. После краткого затишья арабо-израильское противостояние вылилось в затяжной и не менее жестокий военный конфликт, переросший в так называемую войну на истощение. Короткие стычки и обоюдные вылазки нередко перерастали в широкомасштабные военные действия, во время которых обе стороны несли тяжелые потери. Это была война без правил. С трудом достигнутые соглашения о временном перемирии тут же нарушались. Тем не менее к середине августа 1970 года военные действия удалось практически свести к нулю, однако в египетском и сирийском плену продолжали томиться 15 израильских военнослужащих, большую часть которых составляли летчики, сбитые в районе Суэцкого канала и Голанских высот. В то же время число арабских военнопленных, захваченных во время военных действий, превышало это число в несколько раз. Несмотря на это, египетское и сирийское руководство наотрез отказывалось от ведения каких-либо переговоров об обмене военнопленными. Разведывательная информация, поступающая из различных источников, в том числе по каналам Красного Креста, вызывала серьезную тревогу израильского правительства. Так, сообщалось, что военнопленные содержатся в нечеловеческих условиях. Многие из них находились в крайне тяжелом состоянии, требовалось срочное медицинское вмешательство. Наиболее изощренным издевательствам подвергались израильские летчики. Их морили голодом, систематически избивали, приковывали кандалами к стенам камер и всячески унижали, стараясь выплеснуть на них бессильную злобу, причиной которой было бесспорное преимущество израильских ВВС над воздушными силами арабских стран. То, что арабы не могли сделать на поле боя, они позволяли себе в тюремных казематах.

После того как усилия на политическом уровне и откровенные угрозы не принесли результатов, израильское руководство приняло решение перейти к силовому варианту, дабы вернуть своих военнопленных домой. Рассматривалось несколько самых невероятных сценариев: высадка десанта и захват тюрьмы, в которой содержались израильские летчики; проведение крупных показательных диверсий в глубоком тылу Египта и Сирии; похищение первых лиц государств арабской антиизраильской коалиции. (Поскольку, как считали в Израиле, арабомусульманский мир понимает только силу, подобные акции устрашения должны были сделать арабские режимы более сговорчивыми.)

Весной 1972 года на заседании «узкого» кабинета министров, митбахон, премьер-министр Голда Меир самым решительным образом потребовала от армии и спецслужб «разобраться» с сирийцами и египтянами. Как один из вариантов было предложено попытаться захватить высокопоставленных офицеров на территории Египта или Сирии, чтобы затем обменять их на израильских военнопленных.

В Генеральном штабе сразу же был поднят вопрос: кому именно поручить выполнение задания государственной важности? В спор за право реализации плана правительства всту-

---

⁴² Аргаз – ящик (ивр.).

пили два элитных подразделения. Подопечные бригадного генерала Рафаэля Эйтана – спецназ 35-й бригады ВДВ, и подполковника Эхуда Барака – диверсионно-разведывательного спецподразделения Генерального штаба «Сайерет Маткаль». Оба подразделения к этому времени уже имели в своем активе десятки спецопераций, блестяще проведенных в глубоком тылу врага, и завоевали заслуженную славу. От одного упоминания этих подразделений арабских военачальников и солдат пробивала дрожь. Ни Барак, ни Эйтан не желали уступать, приводя всё более убедительные доводы, отстаивая свои позиции. Как считал бригадный генерал, деятельность «Сайерет Маткаль» должна ограничиваться сугубо разведывательными функциями, поскольку проведение спецопераций в глубоком тылу врага исключительная прерогатива воздушного десанта. В свою очередь, подполковник настаивал на том, что подобного рода акциями должны заниматься только спецназовцы Генштаба. В конечном итоге конец спору был положен 9 мая 1972 года благодаря успешной спецоперации «Изотоп»⁴³, в ходе которой бойцами «Сайерет Маткаль» в течение 90 секунд были освобождены пассажиры бельгийского авиалайнера Sabena, захваченного террористами «Черного сентября».

Спустя несколько дней после секретного заседания митбахона подполковника Эхуда Барака срочно вызвали в отдел оперативного планирования операций Генерального штаба. Полковник Эммануэль Шакед предложил Бараку лично разработать и подготовить спецоперацию в арабском тылу. Целью операции было похищение высокопоставленных сирийских или египетских офицеров для дальнейшего их обмена на израильских военнопленных. После операции «Изотоп» подполковник Барак еще больше уверился, что его бойцы способны выполнить любую поставленную задачу. Но самое главное – в это верили и сами спецназовцы, и высшее военное руководство. Подполковник Барак требовал полной автономности и свободы в принятии решений, поскольку, как показывал опыт, военно-политическая бюрократическая машина могла существенно осложнить ход подготовки операции. Сложно представить себе ситуацию, при которой главврач больницы давал бы профессиональные советы нейрохирургу, по ходу операции вмешиваясь в его работу.

Подполковник Барак предложил сконцентрироваться на «египетском направлении», поскольку для захвата высокопоставленных сирийских офицеров потребовалось бы проникновение в глубокий тыл. Что касалось Египта, то его высшее командование имело обыкновение довольно часто посещать линию прекращения огня. Улучив момент, можно было без особых усилий провести операцию, к тому же в случае непредвиденных осложнений воспользоваться поддержкой морских командос «Шайетет-13» и ВМС Израиля. Но как всегда, неожиданное развитие событий внесло коррективы в дальнейшие планы подполковника Барака и Генштаба.

В начале лета 1972 года ливанская и сирийская агентура военной разведки АМАН передала в Израиль сверхважную оперативную информацию. Из различных источников стало известно о том, что группа высокопоставленных офицеров сирийского Генерального штаба в ближайшее время планировала провести инспекцию приграничных с Израилем районов Южного Ливана, посетив сектор Вади Шуба. Лучшей возможности могло и не представиться.

Подполковник Барак сразу понял, что непростительно было бы упустить такой исключительно удобный случай освободить своих летчиков, больше двух лет томящихся в плену.

Тогда, 2 апреля 1970 года, израильская авиация нанесла удар по позициям сирийского укрепрайона на Голанских высотах. Завязался воздушный бой, во время которого израильтянами были сбиты около десяти арабских самолетов. Не обошлось без потерь и с израильской стороны. Phantom израильских ВВС попал под перекрестный огонь зенитных орудий, самолет вспыхнул, и пилотам в срочном порядке пришлось катапультироваться прямо над сирийскими позициями. Штурман Пини Нахмани и пилот Гидон Маген тут же были схвачены сирийскими солдатами и доставлены в секретную тюрьму Дамаска «Аль-Маза», где уже томился еще один

⁴³ См. главу шестую.

израильский летчик, лейтенант Боаз Эйтан. До израильтян поступали слухи, что во время вынужденного катапультирования капитан Пини Нахмани получил тяжелую травму и был прикован к постели, или, если быть более точным, к тюремным нардам. Несмотря на это, сирийцы отказывались выдать даже его одного в обмен на всех сирийских военнопленных, содержащихся в израильских тюрьмах.

Сейчас сложно судить о том, что переживал в душе командир диверсионно-разведывательного спецподразделения «Сайерет Маткаль». По всей видимости, к чувству обиды и ненависти примешивался какой-то азарт, присущий каждому спецназовцу. Поэтому, когда ему сообщили, что через два дня, то есть 10 июня 1972 года, эскорт с сирийскими офицерами проследует вдоль ливано-израильской границы, Барак пришел в неопишное возбуждение, сравнимое с тем, что переживает породистая охотничья собака, учуяв дичь. Начальник Отдела оперативного планирования Генштаба полковник Шакед кратко изложил задачу, поставленную перед «Сайерет Маткаль»: любой ценой перехватить эскорт и похитить сирийских офицеров. Операция получила кодовое название «Аргаз-1».

Подполковник Эхуд Барак был прекрасно знаком с районом Вади Шуба. За время службы, еще будучи рядовым бойцом в «Сайерет Маткаль», ему неоднократно приходилось проникать вглубь территории Южного Ливана. Перекошенная, поросшая лесом, абсолютно не просматриваемая гористая местность, изрезанная глубокими ущельями, создавала исключительно благоприятные условия для проведения спецоперации. Здесь бойцы «Сайерет Маткаль» чувствовали себя, как на учебном полигоне. Этот участок границы из-за сложного рельефа местности практически не контролировался ливанскими вооруженными силами. Без особых усилий можно было незаметно пересечь границу и подготовить засаду. Единственное, что тревожило командира «Сайерет Маткаль», это как захватить сирийских офицеров живыми. Они скорее предпочли бы смерть, нежели оказаться в израильском плену. На этот раз трупы не были нужны никому. В противном случае вся операция лишалась бы какого-либо смысла. Кроме политических осложнений и очередной эскалации напряженности на своей северной границе, Израиль не получил бы ничего.

Однако не все в Генштабе считали, что именно тогда было самое благоприятное время для проведения захвата. Главным оппонентом подполковника Барака выступил командующий Северным военным округом генерал Мота Гур. Так случилось, что 10 июня, на которое было назначено проведение спецоперации, совпало с крупными учениями в Северном военном округе. Поскольку генерал должен был оказать максимальную помощь «Сайерет Маткаль», он попытался убедить начальника Генерального штаба перенести спецоперацию на более поздний срок. По мнению генерала, Северный военный округ в тех условиях не смог бы в полной мере оказать поддержку спецназу, и в случае провала северная граница страны грозила превратиться в линию фронта. Произошло то, чего с самого начала опасался командир «Сайерет Маткаль». Решение о похищении сирийских офицеров всё больше начинало приобретать политическую окраску.

Последнее слово должен был сказать начальник Генерального штаба генерал-лейтенант Давид Эльзар. Буквально оно прозвучало так: «Объявить в Северном военном округе боевую готовность, выдвинуть к ливанской границе танки и тяжелую артиллерию, максимально обеспечить прикрытие прорыву спецназа...»

Не теряя времени, подполковник Барак вернулся на базу «Сайерет Маткаль». Для него операция по похищению сирийских офицеров началась с той минуты, когда Эльзар отдал приказ о введении полной боевой готовности в Северном военном округе. Основную группу захвата Барак решил возглавить лично, а командование группой прикрытия поручил молодому перспективному офицеру спецназа капитану Йонатану Нетаньяху. В тот же день отряд Нетаньяху выехал на север страны на военную базу Хар-Дов. Там же разместился и оперативный штаб операции. В случае любого осложнения группа прикрытия, не ожидая помощи со

стороны Северного военного округа, должна была пересечь границу, чтобы помочь основной группе «Сайерет Маткаль», задействованной на территории Южного Ливана.

Прежде чем пересечь границу, Эхуд Барак лично ознакомился с разведанными, добытыми оперативниками АМАН. Захват было решено провести под самым носом у ливанцев примерно в 350 метрах от КПП ливанской армии. Это место было выбрано не случайно. Здесь дорога делала крутой подъем, и эскорт с сирийскими офицерами непременно будет вынужден замедлить ход, что существенно облегчало работу спецназа. К тому же близость ливанского КПП должна была усыпить бдительность конвоя. Агентура АМАН сообщала, что в дневное время на КПП находилось не более восьми солдат. По убеждению Барака, они не могли представлять собой серьезной угрозы группе захвата. На всякий случай, чтобы исключить любую неожиданность, ливанским КПП должен был заняться отряд передового наблюдения.

Ранним утром 10 июня 1970 года, еще до рассвета, отряд под командованием подполковника Эхуда Барака покинул военную базу на Хар-Дов и тайно пересек ливано-израильскую границу, углубившись примерно на два километра. С наступлением рассвета все группы «Сайерет Маткаль» должны были выйти на исходные позиции. Чтобы не обнаружить свое присутствие, «Сайерет Маткаль» намеренно прервал любую связь с оперативным штабом. Еще на этапе планирования было оговорено, что Барак будет выходить в радиоэфир только в случае крайней необходимости. Между собой отдельные группы «Сайерет Маткаль» должны были поддерживать связь на сверхкороткой волне, которую практически невозможно засечь радиоперехватом. Всё складывалось как по писаному, однако, когда Барак вышел на связь со штабом, в эфире прозвучал приказ командующего Северным округом генерала Мота Гура прекратить операцию и немедленно возвращаться на базу.

Как выяснилось, генерал в последний момент решил не рисковать и отменить операцию, поскольку в районе действия спецназа, по его словам, было замечено передвижение ливанских патрулей. Это объяснение не удовлетворило командира «Сайерет Маткаль», так как подполковник Барак был убежден в том, что причиной отмены послужила близость ливанского КПП. (Этот спорный вопрос был поднят еще на этапе планирования операции, но тогда вмешался начальник Генерального штаба.) Между генералом Гуром и подполковником Барак произошел неприятный разговор на повышенных тонах, после чего командир спецназа вышел из кабинета командующего Северным военным округом, хлопнув за собой дверь так, что она чуть не слетела с петель.

В тот же день Эхуд Барак отправился к начальнику Генерального штаба генерал-лейтенанту Давиду Эльазару. Между офицерами сложились приятельские отношения, поэтому командир спецназа мог себе позволить говорить открытым текстом, несмотря на огромную разницу в чинах и званиях. Как мог, Эльазар попытался успокоить Барака, заверив, что операция только перенесена на несколько дней, а не отменена. В подтверждение своих слов он рассказал Бараку, что из источников АМАН стало известно, что эти же офицеры посетят район Вадии Шуба через несколько дней, и на этот раз «Сайерет Маткаль» будет предоставлена полная свобода действий.

Новая операция получила кодовое название «Аргаз-2». Поскольку во время предыдущей вылазки бойцы «Сайерет Маткаль» ничем не выдали своего присутствия, и их проникновение вглубь ливанской территории осталось никем не замеченным, повторную попытку было решено провести в том же самом месте. Целыми днями группы захвата и прикрытия отрабатывали мельчайшие элементы предстоящей операции, ожидая «наводки» от агентуры военной разведки АМАН. На этот раз подполковник Барак решил ввести в операцию роту спецподразделения «Эгоз»⁴⁴, созданного специально для противостояния палестинским боевикам на территории Южного Ливана. Если бы ситуация вышла из-под контроля и группы «Сайерет Мат-

---

⁴⁴ Эгоз – орех (ивр.).

каль» увязли бы в Ливане, бойцы спецназа «Эгоз» должны были перейти границу и, оттянув на себя основные силы противника, позволить спецназу Генштаба отойти к границе. Вспомогательной группой командовал ветеран «Сайерет Маткаль» капитан Муки Бецер. Эта группа должна была в случае необходимости пересечь границу для нейтрализации ливанских полевых патрулей или подразделений противника, посланных на перехват группы Барака. Так как в этом районе границы со стороны Израиля располагалась идеально просматриваемая зона, Муки решил припарковать джипы рядом с позициями миротворческого контингента ООН, сославшись на неполадку одного из двигателей. Еще одной заградительной группой командовал капитан Биби Нетаньяху, младший брат капитана Йони Нетаньяху. Биби, спустя четверть века ставший премьер-министром Израиля, собирался оставить службу в «Сайерет Маткаль» и отправиться на учебу в Бостон. Только желание принять участие в похищении сирийских офицеров заставило его на некоторый срок отложить это решение.

В ранние утренние часы, задолго до наступления рассвета, 16 июня 1972 года вспомогательные группы выдвинулись на свои позиции, готовые в любой момент по условному сигналу пересечь ливано-израильскую границу. Отряд подполковника Эхуда Барака залег у обочины, неподалеку от того места, где дорога круто уходила в гору. Оставалось ждать недолго. Судя по информации разведки АМАН, машины с сирийскими офицерами должны были проследовать в этом районе примерно в 6–7 часов утра. Нервы у всех были напряжены до предела не столько от ощущения близкой опасности, сколько от опасения, что операция вновь по каким-то причинам сорвется.

Неожиданно в радиоэфир вышел Биби, сообщив о том, что с его стороны слышится отчетливый шум двигателей приближающегося эскорта. Однако вместо машин с сирийскими офицерами из-за поворота показался ливанский патруль, усиленный бронетранспортером. Патруль остановился в считанных метрах от группы капитана Нетаньяху и, разложившись на траве, стал завтракать. В какой-то момент Биби уже был готов отдать приказ к началу атаки. К счастью, арабы снялись с места и двинулись дальше вдоль границы. А спустя несколько минут из-за поворота появился ожидаемый эскорт с высокопоставленными офицерами сирийского Генштаба.

Подполковник Барак связался по радиации со штабом операции и отдал приказ своей группе подготовиться к атаке. Эскорт, состоявший из двух Land Rover, черного Limousine, Chevrolet Impala и Austin, всё ближе приближался к роковой точке, в которой была подготовлена засада израильского спецназа. Оставалось не более 20 метров. Далее медлить было нельзя. Барак вновь запросил разрешение передового командного пункта, поскольку без санкции командующего Северным военным округом он не имел права начинать операцию. «Отменить операцию, оставьте их!..» – последовал приказ генерала Мота Гура. Барак попытался воспротивиться, убеждая командование в том, что всё находится под полным контролем, однако на этот раз в эфир вышел сам Давид Эльзар. «Немедленно возвращайтесь на базу!» – повторил приказ начальник Генерального штаба.

Причиной очередной отмены операции послужила близость ливанского бронетранспортера с солдатами. В Генштабе небеспочвенно опасались, что вмешательство ливанского БТР выведет бы ситуацию из-под контроля. Ни у кого не возникало ни малейшего сомнения в том, что бойцы «Сайерет Маткаль» расправились бы и с бронетранспортером, и с ливанским патрулем, однако при подобном развитии событий шансы захватить сирийских офицеров, да еще живыми, сводились к нулю.

Подполковнику Бараку ничего иного не оставалось, как сжать зубы и «помахать рукой» вслед удаляющемуся эскорту.

Настроение в спецназе было подавленным. Дважды отменить операцию! Ничего подобного еще не было в истории «Сайерет Маткаль». Самое непостижимое и обидное заключалось в том, что сами спецназовцы не видели ни одной уважительной причины для подобного реше-

ния Генштаба. С другой стороны, в этом было некоторое облегчение, поскольку бойцы «Сайерет Маткаль» не принимали всё на свой счет, а сводили к нерешительности высшего командного состава.

Однако Эхуд Барак, молодой амбициозный офицер, принял случившееся слишком близко к сердцу, для него это стало настоящей пощечиной. Во время «разбора полетов», на котором кроме штабных офицеров присутствовали командиры групп, а также начальник Генштаба и командующий Северным военным округом, подполковник Барак сорвался, позволив себе поступок, выходящий в израильской армии за все рамки дозволенного. Он как командир спецназа и непосредственный руководитель несостоявшейся операции говорил последним. Но, перед тем как обратиться к начальнику Генштаба, он попросил своих товарищей выйти из комнаты, чтобы не поставить их в неловкое положение. Все присутствовавшие чувствовали в комнате напряжение, в любой момент готовое перерасти в бурю. Тем не менее никто из командиров групп «Сайерет Маткаль» не пожелал удалиться, тем более что сам Дадо, генерал-лейтенант Давид Эльзар, попросил Эхуда говорить при всех.

Барак говорил медленно, словно пытаясь вложить негодование в каждое сказанное им слово. «Неужели один ливанский бронетранспортер мог заставить «Сайерет Маткаль» отказаться от операции?..» – начал он. Пытаясь изо всех сил не сорваться на откровенную ругань, недостойную командира элитного спецподразделения, подполковник Барак старался говорить сдержанно, аккуратно выстраивал свои обвинения в адрес «главных виновников», генерал-лейтенанта Давида Эльзара и генерала Мота Гура. По словам Барака, «Сайерет Маткаль» был готов к подобному развитию событий. Было бы наивно полагать, что эскорт с сирийскими офицерами отправится без соответствующего сопровождения. Бронетранспортер не мог оказать никакого влияния на ход операции, тем более что группа Нетаньяху уже была готова выйти ему на перехват.

Однако самое непоправимое, продолжал Барак, заключалось вовсе не в том, что была упущена исключительная возможность вернуть военнопленных домой, а в том, что генералитет посеял сомнение в рядах «Сайерет Маткаль». «Вы дали повод усомниться в нашем профессионализме!..» По словам Барака, в следующий раз это приведет к тому, что командиры спецподразделений, опасаясь того, что передовой командный пункт неверно оценит степень риска, не будут передавать правдивую информацию, что рано или поздно закономерно приведет к неминуемой катастрофе.

Подполковник Эхуд Барак говорил около четверти часа. Ни начальник Генерального штаба, ни командующий Северным военным округом даже не попытались его перебить. Барак нарушил все каноны субординации, тем не менее ему дали высказаться. И Эльзар, и Гур были опытными, прославленными генералами, прекрасно чувствующими состояние, в котором находился Барак. После того как обсуждение закончилось и все вышли из помещения, уже на улице начальник Генерального штаба подошел к Барaku и спокойно произнес: «Возможно, с нашей стороны была допущена ошибка, однако я более чем уверен, что у нас вскоре появится возможность ее исправить...»

В тот день Барак воспринял слова Дадо не более как желание начальника Генштаба успокоить и поддержать командира своего спецназа. Однако развитие событий ближайшей недели показали, что слова генерал-лейтенанта Эльзара не были пустым звуком и имели под собой реальную почву. Уже через несколько дней, ознакомившись с новой информацией АМАН, подполковник Барак приступил к подготовке операции «Аргаз-3».

Проанализировав причины провала двух предыдущих попыток, Барак пришел к заключению, что ради успеха дела его место должно быть не в рядах штурмовой группы, а на командном пункте, среди «генералитета». Так, он полагал, что его присутствие воспрепятствует отмене операции в третий раз. На свое место он назначил капитана Йони Нетаньяху, а его заместителем поставил молодого лейтенанта Узи Даяна. Для капитана Йонатана Нетаньяху

это назначение стало лучшим подарком за последние годы, если не брать во внимание перевод из ВДВ в «Сайерет Маткаль». Йони не принимал участия в антитеррористической операции «Изотоп» и поэтому чувствовал себя ущемленным. В те дни название «Сайерет Маткаль» у всех израильтян, и не только, было на слуху и ассоциировалось в первую очередь с Sabena. Йони воспринимал это крайне болезненно, в душе переживая, что сам он незаслуженно пользуется славой своего подразделения.

Группа «Сайерет Маткаль» во главе с капитаном Йонатаном Нетаньяху пересекла ливано-израильскую границу в 03:00 21 июня 1972 года. На этот раз было решено усилить спецназ двумя бронетранспортерами. Еще до наступления рассвета бойцы «Сайерет Маткаль» заняли исходные позиции в районе Вади Шуба. На этот раз эскорт должен был появиться около полудня. Так и случилось. Примерно в 12:00 послышался шум приближающейся колонны автомобилей. Йони взглянул в бинокль и отчетливо разглядел белый Land Rover с ливанскими жандармами и два легковых автомобиля, Austin и Chevrolet Impala, в которых, по всей видимости, находились сирийские офицеры. Нетаньяху тут же связался с подполковником Баракком, находившимся в это время на командном пункте на одной из баз Хар-Дов. Не прошло и полминуты, как последовало разрешение приступить к операции.

Один из бронетранспортеров неожиданно вырвался из укрытия и замер в считанных метрах от белого Land Rover с ливанскими жандармами. Прежде чем группа сопровождения опомнилась, спецназовцы, находившиеся на бронетранспортере, открыли плотный автоматный огонь по Land Rover. Несколько ливанских жандармов были убиты на месте, сирийский офицер получил тяжелое ранение, даже не успев понять, что происходило.

Один из спецназовцев взобрался на скалу с мегафоном в руках, чтобы призвать сирийских офицеров прекратить сопротивление. Однако, прежде чем он успел произнести хоть слово, откуда-то раздался выстрел, и спецназовец скатился на землю с простреленной ногой. Счет шел на секунды. Austin и белый Land Rover, шедший во главе колонны, резко рванули в сторону. Развернувшись на месте, на огромной скорости они смогли прорвать окружение и скрыться в ближайшей деревне. Тем временем лейтенант Узи Даян бросился на перехват Chevrolet Impala. Сирийские офицеры выскочили из машины с автоматами в руках. Ситуация складывалась критическая. Недолго думая Узи Даян дал длинную автоматную очередь в нескольких сантиметрах от ног сирийских офицеров. Поняв, что сопротивление безнадежно, трое офицеров бросили оружие и подняли руки над головами. Двое других неожиданно бросились в сторону ущелья. Одного из них успел нагнать Йони Нетаньяху, за другим офицером, которому всё же удалось укрыться в лесу, припустился Муки Бецер.

Вся операция заняла не более пяти минут. Ливанцы даже не успели отреагировать на вылазку «Сайерет Маткаль». Только на базе в Хар-Дов спецназовцы в полной мере осознали цену своего успеха. Такого удара Сирия уже давно не испытывала. Президент Сирии Хафез аль-Асад, как и всё высшее военное командование и политическое руководство Сирии, пребывал в глубоком шоке. В руках израильтян оказались пятеро высокопоставленных сирийских офицеров: генерал, начальник Оперативного отдела сирийского Генштаба, два полковника военной разведки и два офицера разведки сирийских ВВС. На обнаруженной при них карте были помечены военные и гражданские объекты, расположенные на территории Израиля.

Спустя несколько часов после успешно проведенной операции в канцелярии Голды Меир состоялось специальное совещание правительства. Теперь к вопросу об освобождении военнопленных подключились политики. Через американских дипломатов в Дамаск было передано секретное послание израильского правительства, в котором подтверждалось, что в руках израильских спецслужб находятся высокопоставленные офицеры сирийского Генштаба, которых израильская сторона готова завтра утром обменять на трех пленных летчиков.

Ответ не замедлил себя ждать: «Мы готовы к немедленному обмену пленными...» Однако Голда Меир не спешила со сделкой, понимая, что ухватила сирийцев за уязвимое

место. Она предложила вариант тройного обмена: на сирийских и египетских военнопленных обменять израильских летчиков, содержащихся в сирийских и египетских тюрьмах. Израильский премьер полагала, что близкие союзнические отношения между Сирией и Египтом будут способствовать освобождению всех военнопленных, однако Насер наотрез отказался участвовать в переговорах. В конечном итоге израильтяне были вынуждены согласиться только на обмен летчиков, удерживаемых в Сирии.

Переговоры приняли затяжной характер. Время было упущено в равной степени как для Иерусалима, так и для Дамаска. Сирийцы прекрасно понимали, что в руках израильтян оказалась важнейшая стратегическая информация, и не торопились с возвращением своих офицеров. Когда уже казалось, что операция «Аргаз-3» не достигла своих первоначальных целей, помимо получения важнейшей разведывательной информации, сирийская сторона неожиданно согласилась на обмен военнопленными. Спустя восемь месяцев после операции «Аргаз-3», 3 июня 1973 года, капитаны Пини Нахмани и Гидон Маген и лейтенант Боаз Эйтан были обменены на пятерых высокопоставленных сирийских офицеров и 46 сирийских солдат. В сирийском плену в нечеловеческих условиях израильские летчики провели больше трех лет. Только прямое вмешательство «Сайерет Маткаль» помогло вернуть их домой.

Глава девятая

1972 год. «Мюнхенская трагедия»

Операция, для которой вы были выбраны, является политически важной <...> надо захватить израильтян живыми <...> Никто не отрицает, что у вас есть право использовать оружие для самозащиты. Тем не менее открывайте огонь, только если вы не можете поступить иначе <...> Это не ликвидация ваших врагов, это захват их в плен для последующего обмена.

Абу Дауд, руководитель оперативного отдела «Черного сентября»

Олимпийские игры для любого государства – историческое событие национального масштаба, привлекающее внимание всего мира. Однако для Западной Германии право проведения XX летних Олимпийских игр в Мюнхене, в бывшей «колыбели нацизма»⁴⁵, имело огромное морально-политическое значение, возможность показать миру новую постнацистскую Германию, оправившуюся от своего позорящего преступного прошлого. Это было самое значимое событие послевоенной Западной Германии. Организаторы сделали всё, чтобы затмить Берлинские Олимпийские игры 1936 года и стереть из памяти милитаристский облик Германии 1930–1940-х годов. Федеральное правительство, власти земли Баварии, принимавшие у себя Олимпиаду-72, члены западногерманского Олимпийского комитета, правоохранительные органы, журналисты и обычные мюнхенские обыватели в едином порыве стремились представить Западную Германию как передовую, просвещенную и культурную страну. В развитие инфраструктуры и благоустройство города были вложены огромные средства. Практически полностью реконструировали центр Мюнхена⁴⁶.

Специально для XX летней Олимпиады пустили метро, в десять раз увеличили количество гостиничных мест, возвели спортивные объекты, способные вместить более 100 тысяч зрителей. В рекордные сроки построили новый олимпийский стадион, разбили олимпийский парк, возвели уникальную телебашню «Олимпиадум» высотой 291 метр. Никогда прежде не было на играх такого количества новейшего оборудования, начиная от электронных табло и судейских лазерных измерительных приборов, заканчивая электронно-вычислительными машинами последнего поколения и современной множительной техникой.

Одной из инноваций XX летних Олимпийских игр в Мюнхене было ведение прямой телевизионной трансляции. Для 1972 года прямая трансляция была вершиной технологической мысли. Ни на одних спортивных состязаниях не были созданы такие исключительно удобные условия для работы СМИ. Мюнхенская Олимпиада захватила внимание всех мировых средств массовой информации. Следует принять во внимание, что в 1972 году в мире не происходило ни одного значимого события, которое могло бы отвлечь внимание от Мюнхена. Благодаря телевидению зрителями олимпийских соревнований стали более миллиарда любителей спорта на всех континентах.

Также поражало количество делегаций и участников, принявших участие в играх. В столицу Баварии приехала 121 сборная, что стало абсолютным рекордом по количеству делегаций, посещавших до этого Олимпийские игры. Впервые прислали свои национальные команды Верхняя Вольта, Лесото, КНДР, Саудовская Аравия, Сомали, Того, Албания, Габон, Дагомея,

---

⁴⁵ 12 сентября 1919 года в Мюнхене была образована Национал-социалистическая рабочая партия Германии (НСДАП), а спустя четыре года, в ноябре 1923 года, в Мюнхене произошла попытка нацистского государственного переворота – пивной путч.

⁴⁶ К концу Второй мировой войны в Мюнхене было разрушено более восьмидесяти процентов зданий.

Свазиленд и Малави. Участие израильской сборной занимало особое место в представлении «другой Германии». И для Израиля, как для страны, так и для всего еврейского народа, эти Олимпийские игры тоже были очень важным событием. Большинство израильской делегации составляли дети переживших Холокост родителей. Им было крайне важно пройти с бело-голубым национальным флагом по немецкой земле, с гордо поднятой головой, показав всему миру и, прежде всего, своим врагам: «Народ Израиля жив!»

Казалось, организаторы XX летней Олимпиады предусмотрели всё до последней мелочи, кроме безопасности. Федеральные и земельные власти ограничились лишь мониторингом сценариев возможных террористических актов, не предприняв никаких реальных шагов для возможного их предотвращения. Западногерманская полиция намеренно не была вооружена, чтобы не вызывать негативные милитаристские ассоциации с гитлеровской Олимпиадой 1936 года. Не было также вооруженной охраны и на улицах баварской столицы, в Олимпийской деревне и у входа на спортивные объекты. Большое количество людей с оружием могло повредить имиджу «игр мира и радости». В баварскую столицу из других федеральных земель прибыло полицейское подкрепление численностью около 4000 человек. Они не имели при себе оружия, были одеты в модные уличные костюмы и играли роль гражданской дружины по поддержанию правопорядка. Недостаток в полицейских и охранниках также компенсировали тысячи волонтеров в униформе позитивного лазурного цвета, не вызывающей дурных ассоциаций. На них были возложены лишь координационно-организаторские вспомогательные функции. Вообще, затраты на безопасность XX летних Олимпийских игр не превышали 2 миллионов долларов. Смехотворная сумма даже по тем временам ⁴⁷. Со стороны складывалось впечатление, что немцы готовились противостоять редким уличным хулиганам или пьяницам, но никак не террористической угрозе. Дело даже не в преступной беспечности организаторов игр. Западная Германия 1972 года только пережила первую волну RAF-терроризма, однако «рафовцы» принципиально, исходя из идеологических соображений, никогда не рассматривали гражданские объекты в качестве легитимной цели. Их волна террора была избирательна и направлена исключительно против американских и натовских объектов на территории ФРГ, медиаконцерна Springer Press, банков и судебной-правоохранительной системы. К тому же к августу 1972 года все лидеры RAF уже находились в тюремных камерах, а организация, как считали западногерманские власти, была обезглавлена и фактически уничтожена. Оставшиеся на свободе члены организации еще не предпринимали попыток захвата заложников с целью освободить лидеров первого поколения RAF.

Формально еще в начале 1972 года оргкомитет Олимпийских игр попросил доктора судебной психологии Георга Зиберера, работавшего в мюнхенской полиции, подготовить возможные сценарии терактов, которые могли бы сорвать или омрачить проведение Игр. Георг Зиберер, внимательно изучив все известные на тот момент террористические организации и группировки, составил 26 вариантов сценариев, так называемых прогнозов. Среди них был и «Прогноз-21», который полностью, с точностью до деталей был реализован в самый разгар Олимпийских игр 5 сентября 1972 года ⁴⁸. «...В пять утра группа палестинских вооруженных террористов ворвется в дом израильской команды. В виде устрашения террористы убьют одного-двух заложников, после чего потребуют освободить заключенных из израильских тюрем и предоставить свободный вылет в одну из арабских стран...» Ознакомившись с «прогнозами», начальник мюнхенской полиции Манфред Шрайбер грубо высмеял доктора Зиберера: «Полицейские психологи нужны только для того, чтобы их прибить». Шрайбер больше забо-

---

⁴⁷ К примеру, затраты на безопасность летних Олимпийских игр, прошедших в Афинах в 2004 году, составили более 2 миллиардов долларов.

⁴⁸ После бойни, устроенной «Черным сентябрем», Георга Зиберера тихо уволили из полиции, конфисковали и, по всей видимости, уничтожив все его «прогнозы». Когда Ведомство по защите Конституции запросило их, начальник мюнхенской полиции Шрайбер ответил, что эти сценарии «нигде не могут найти».

тило недопущение рок-фестивалей во время проведения Олимпийских игр, нежели реальная безопасность спортсменов и гостей. После успешного разгрома первого поколения RAF никто всерьез не хотел воспринимать угрозу террористического инцидента на Олимпийских играх 1972 года.

Сама мысль о том, что угроза может исходить со стороны палестинских террористов, воспринималась как абстрактная, несмотря на то что информатор западногерманских спецслужб в Бейруте незадолго до начала Олимпиады сообщал, что «в Мюнхене затевается что-то очень серьезное». В депеше от 14 августа 1972 года западногерманское посольство в Бейруте сообщало, что палестинцы собираются устроить «некий инцидент» во время проведения Олимпийских игр. Информация носила неконкретный, размытый характер, однако министр иностранных дел ФРГ Вальтер Шеель отнесся к ней чрезвычайно серьезно и 18 августа уведомил госбезопасность о получении депеш и ее содержании. Но силовые ведомства, члены федерального и земельного правительства проигнорировали угрозу, не посчитав необходимым что-либо предпринять⁴⁹. Никто не хотел в последние дни пересматривать концепцию «игр мира и радости» и омрачать атмосферу всеобщей беззаботности повышенными мерами безопасности.

В своей книге «Без Родины», вышедшей спустя много лет после трагедии в Мюнхене, Абу Ияд вспоминал, что XX летние Олимпийские игры были наилучшей целью для проведения показательного международного теракта. Отправляя группу боевиков в Мюнхен, «Черный сентябрь» ставил перед собой основные цели:

- 1) довести до сознания мировой общественности существование палестинского народа и вызвать волну сочувствия по всему миру;
- 2) добиться освобождения сотен политических заключенных, томящихся в израильских тюрьмах;
- 3) воспользоваться беспрецедентным скоплением мировых СМИ в одном городе и привлечь внимание к палестинской борьбе, вне зависимости от положительной или отрицательной реакции мировой общественности!

Поворот в стратегии «Черного сентября» застал врасплох как руководителей израильских спецслужб, так и израильское правительство. До мая 1972 года в отчетах «Моссада» премьер-министру Голде Меир неизменно отмечалось, что Израиль не является основной потенциальной целью «Черного сентября». Террористическая деятельность организации направлена, главным образом, против иорданской королевской династии Хашимитов. После захвата бельгийского авиалайнера Sabena 8 мая 1972 года и посадки его в израильском международном аэропорту ни в «Моссаде», ни в АМАН, ни в ШАБАК не сделали соответствующих выводов, не разглядели изменение в стратегической линии «Черного сентября». Инцидент с бельгийским авиалайнером был расценен как единичный случай, связанный исключительно с территориальной близостью к Иордании. По этой причине косвенная ответственность за гибель израильских спортсменов лежала также и на Израиле. Тем более что перед началом XX летних Олимпийских игр в Иерусалим постоянно поступала тревожная информация и от представителей израильского Олимпийского комитета, и от других израильских должностных лиц, работавших в Баварии.

Израильская олимпийская делегация выехала в Мюнхен 21 августа без сопровождения охраны. Перед вылетом спортсмены и члены делегации прошли формальный инструктаж: «Не привлекать к себе внимания. Не говорить громко на иврите. Не носить одежду с израильскими символами или надписями на иврите». Им советовали крайне осторожно относиться к подозрительным предметам, не заводить знакомства и не вскрывать почту, даже если она придет из дома.

---

⁴⁹ Власти ФРГ более 40 лет замалчивали этот факт, который впервые всплыл 22 июля 2012 года на страницах Der Spiegel.

Несмотря на гарантии безопасности со стороны официальных западногерманских лиц, израильтяне интуитивно чувствовали себя в Мюнхене крайне уязвимыми. Семьи спортсменов и членов делегации жили отдельно, вдалеке от Олимпийской деревни. Журналисты и телерепортеры также были разбросаны по разным отелям. В самой Олимпийской деревне работало очень много палестинских эмигрантов и других выходцев с Ближнего Востока. Никто тогда не думал о возможном захвате заложников, но никто и не исключал отдельных проявлений агрессии и спонтанных единичных нападений. Всё это создавало атмосферу повышенной нервозности и тревожности.

Спустя два дня после приезда израильской олимпийской делегации, 23 августа из Бонна в Мюнхен прилетел начальник службы безопасности израильского посольства, чтобы лично проинспектировать систему охраны израильских журналистов и телевизионных групп. При первом же ознакомлении с ситуацией у него сложилось очень тяжелое впечатление. Уровень уязвимости, по его мнению, превышал все допустимые нормы.

По роковому стечению обстоятельств на следующий день в Мюнхен было доставлено оружие, которым воспользовались боевики «Черного сентября». В четверг 24 августа в аэропорту Франкфурта с трапа пассажирского самолета алжирской авиакомпании сошла «супружеская пара». Получив четыре чемодана, они уложили их на две тележки и не спеша направились к выходу. Однако на таможенном контроле служащий попросил «супругов» представить к досмотру чемоданы. Мужчина стал бурно возмущаться тем, что из тысяч пассажиров таможенник «прицепился» именно к нему – благопристойному гражданину и уважаемому бизнесмену. Он кричал о предвзятости и расовой дискриминации, но таможенник был непреклонен, и чем больше мужчина противился досмотру, тем более настойчив был немецкий служащий. Первый же открытый чемодан оказался наполовину заполнен женским нижним бельем. Таможенник, по всей видимости, испытал некоторую неловкость и жестом отмахнулся от скандальных «супругов», предложив им собрать вещи и продолжить следовать к выходу. Если бы он настоял на проверке остального багажа, то «мюнхенская трагедия» была бы предотвращена задолго до прибытия в страну непосредственных исполнителей теракта. В двух из четырех чемоданов были аккуратно упакованы шесть автоматов Калашникова АК-47, два пистолета-пулемета «Карл-Густав» и большое количество снаряженных автоматных обойм. Через два дня в Мюнхен были переправлены 10 осколочных гранат и два пистолета ТТ-33⁵⁰. Боеприпасов было так много, что их хватило бы на несколько часов интенсивного боя.

Покинув аэропорт Франкфурта, «супруги» наняли такси до Мюнхена. Это были обычные курьеры ФАТХ, не принимавшие напрямую участия в террористических акциях, но входившие в состав так называемого сочувствующего элемента. Ливанская арабка христианка Джульетт и палестинский араб мусульманин Али Абу Лабан регулярно перевозили почту, посылки и чемоданы в любую точку Европы, никогда не интересуясь их содержимым. И на этот раз они не задавали вопросов, лишь беспрекословно выполняли данные им инструкции, не догадываясь о перевозимом ими арсенале и тем более о планируемом теракте. «Супруги» даже не подозревали, что с момента пересечения таможенного контроля они находились под пристальным наблюдением Абу Дауда, который лично приехал в аэропорт Франкфурта, чтобы убедиться в том, что «груз» успешно доставлен в ФРГ.

Таких активных добровольных помощников у «Черного сентября» и ФАТХ только в Европе было несколько сотен человек. В основном это были палестинские студенты и эмигранты из арабских стран. Встречались даже европейцы, сочувствующие палестинской борьбе. Они перевозили фальшивые документы, арендовали квартиры и машины, покупали авиабилеты или выполняли другие поручения, в том числе занимались наблюдением и сбором инфор-

---

⁵⁰ Согласно арабским источникам, ссылающимся на воспоминания Абу Ияда, гранаты были доставлены в ФРГ по его личной просьбе первым пилотом одной из арабских авиакомпаний.

мации. Ими часто пользовались как охранниками для невооруженного сопровождения «палестинских бизнесменов» или привлекали в качестве переводчиков. В «Черном сентябре» были четкие инструкции, касающиеся добровольных помощников. Их никогда не использовали непосредственно в террористических операциях, чтобы не привлекать внимания к палестинским студентам и другому сочувствующему элементу, который был крайне необходим для выполнения вспомогательных функций.

Прибыв в пункт назначения, «супруги» сдали чемоданы в камеру хранения на центральном железнодорожном вокзале Мюнхена. Ключи оставили на регистрационной стойке ближайшего отеля в районе Биерштрассе и, отзвонившись по условленному номеру, на следующее утро без спешки покинули город. Спустя несколько часов в холле отеля появился Фахри эль-Омари – высокопоставленный офицер оперативного отдела «Черного сентября», забравший оставленные для него ключи от камеры хранения. Он проверил чемоданы, переложив их содержимое в спортивные сумки. Первый этап операции по захвату израильских спортсменов был завершен.

Подготовка этой операции началась в июле 1972 года и проходила в атмосфере глубочайшей секретности. За полтора года существования «Черный сентябрь» достиг чрезвычайно высокого уровня «оперативного» профессионализма, подойдя к мюнхенской Олимпиаде на пике своего могущества. Эта группа качественно отличалась от других палестинских террористических организаций. По сути, это была одна из лучших спецслужб своего времени. При относительно скромном финансировании она могла на равных противостоять государственным структурам. У «Черного сентября» не было ни офисов, ни адресов для доставки почты, ни официальных лидеров и руководителей, отсутствовал даже пресс-атташе – ключевая должность любой террористической организации. ФАТХ намеренно возвел вокруг «Черного сентября» непроницаемую завесу секретности, способствовавшую нагнетанию страха, всевозможных слухов и домыслов, а также повышенному интересу мировых СМИ. С самого первого дня создания организации было понятно, что автономия «Черного сентября» весьма условна. Руководители организации имели свободу действий лишь на тактическом уровне. Однако ни Арафат, ни какой-либо другой высокопоставленный функционер ФАТХ никогда не признавал свою связь с «Черным сентябрем». Когда Ясира Арафата прямо спросили о «Черном сентябре», он с невозмутимым видом ответил: «Нам ничего не известно об этой организации, и мы не имеем никакого отношения к ее деятельности, но мы понимаем мотивацию и менталитет молодежи, готовой умереть за Палестину».

Это была самая закрытая палестинская террористическая организация, во главе которой стоял Салах Халаф, один из ближайших заместителей Ясира Арафата, более известный под оперативным псевдонимом Абу Ияд. Внедрить своего агента в структуру «Черного сентября» не удавалось ни одной спецслужбе мира. Были «официальные» двойные агенты, как Али Хасан Саламе или Атеф Бсейсу, но каждый их шаг строго контролировался ФАТХ и «Черным сентябрем». Кроме Абу Ияда, лишь единицы видели полную картину и могли оценить масштаб деятельности «Черного сентября». Внутреннее строение организации было очень запутанным, но по большому счету сводилось к двум закрытым самозамыкающимся кругам. Только первый, внутренний круг имел прямой контакт с Абу Иядом. Вторым офицером этого уровня после Абу Ияда был Мохаммад Уде, известный в палестинской среде под оперативным псевдонимом Абу Дауд. Он отвечал за работу оперативного отдела, именно он был «мозговым центром» и главным вдохновителем операции в Мюнхене. Во внутренний круг входил также Фахри эль-Омари, тот самый оперативник, который накануне теракта забрал ключи от камер хранения и переложил оружие из чемоданов в спортивные сумки. В «Черном сентябре» он считался правой рукой Абу Ияда и восходящей звездой в ФАТХ. Хитрый, хладнокровный, с ярко выраженными лидерскими качествами, Фахри эль-Омари считался непревзойденным тактиком и «солистом-исполнителем», профессионалом очень высокого уровня. Абу Ияд поручал

эль-Омари самые сложные, порой невыполнимые задания. Именно Фахри эль-Омари вместе с Абу Даудом контролировал все этапы подготовки и осуществления мюнхенского теракта. Другими членами внутреннего круга «Черного сентября» были: Амин эль-Хинди, возглавивший впоследствии разведывательную службу Палестинской Автономии; Атеф Бсейсу, осуществлявший связь ФАТХ со спецслужбами некоторых стран Западной Европы; любимчик Арафата – Али Хассан Саламе, высокопоставленный офицер оперативного отдела, лично спланировавший большинство терактов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.